ЗАПРЕТНЫЕ МЕМУАРЫ

Евгений ДЖУГАШВИЛИ

Мой дед Сталин

«Он – святой!»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Единственный из восьми внуков И.В. Сталина, Евгений Джугашвили является единомышленником и духовным наследником своего великого деда. И эта книга – не просто сенсационные мемуары, проливающие свет на кремлевские секреты и семейные тайны. Это – дань вечной памяти Вождя и его победной эпохи.

Почему внук впервые увидел деда на трибуне Мавзолея, а второй раз – уже в гробу? Знаете ли вы, что после смерти Сталина на его сберегательной книжке нашли всего 30 тысяч рублей (для сравнения, самый дешевый автомобиль тогда стоил 8000)? Почему автор убежден, что его отец Яков Джугашвили не сдался в плен, а погиб в бою? Правда ли, что Жуков виноват в катастрофе 1941 года и как главный заговорщик «достоин расстрела»? Как «украинская мафия» во главе с Хрущевым убила Берию, а «проклятая каста» оклеветала Вождя? К кому были обращены пророческие слова Сталина: «Я знаю, что после смерти не один ушат грязи будет вылит на мою голову, но ветер истории всё это развеет»? Как отправили в отставку маршала Рокоссовского, бросившего в лицо Хрущеву в разгар антисталинской кампании: «Иосиф Виссарионович для меня святой!» И в чем главная ложь Путина?

Эта бесстрашная книга не боится отвечать на самые запретные и опасные вопросы.

- Евгений Яковлевич Джугашвили
  - ○
  - ○ Предисловие Ю. Мухина
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11

Евгений Яковлевич Джугашвили Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!»

© Джугашвили Е.Я., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

Предисловие Ю. Мухина

Я помогал (технически) Евгению Яковлевичу Джугашвили с этой книгой. Поскольку я почти 15 лет был главным редактором газеты и выправил огромное количество рукописей, то, разумеется, меня тянуло как-то улучшить и рукопись Евгения Яковлевича Джугашвили. Тем более тянуло, что мы с ним, как вы это увидите, являемся товарищами по борьбе, особенно тянуло улучшить в главах, касающихся его видения политических вопросов. Однако удержало меня следующее.

Из всех семи внуков И.В. Сталина, Е. Джугашвили единственный его полноценный внук, поскольку он не только единственный из внуков единомышленник Сталина, но и бескомпромиссно борется за сталинские идеалы. К примеру.

«*3 апреля 2013 г. в 22:00 внук Сталина Евгений Джугашвили обнаружил, что входная дверь в его квартиру взломана неизвестными лицами. На полу в гостиной были беспорядочно разбросаны распотрошенные картонные папки с материалами архива семьи Джугашвили. Часть документов исчезла. Из квартиры был также похищен рабочий компьютер. Другая электронная техника, а также деньги и ценные вещи, находившиеся в квартире, похищены не были. Очевидно, что целью взломщиков являлась информация, хранившаяся в памяти компьютера, и отдельные архивные документы. Эксперты «Правды о Катыни» связывают взлом квартиры, похищение рабочего компьютера и архивных документов Джугашвили с его активной деятельностью по защите чести и достоинства И. В. Сталина. В первую очередь – с предпринятой 26 марта 2013 г. попыткой возбудить в ОВД «Ховрино» уголовное дело за клевету о мнимой причастности Сталина к Катынскому расстрелу»,* – сообщил Интернет и некоторые СМИ. От себя добавлю, что не были похищены хранившиеся в столе 10 тысяч рублей и стоявшие на видном месте бутылка водки и бутылка коньяка. Видать приказ такой был от начальства – ценности и спиртное не трогать!

Надо сказать, НТВ, на удивление, и не сильно ерничало, но, тем не менее, не удержалось съехидничать, что у внука Сталина украли и дрель.

И мне вспомнился такой момент. Последние годы меня вызывали в ФСБ очень часто, а допросы и опросы велись в кабинетах на два, а то и на три сотрудника. И пару раз было, что напарники следователя в это время уже сшивали очередное сфабрикованное дело в тома. А каждый том был листов в 250, проколоть такую пачку шилом не реально, и они, бедные ходили

по другим отделам и искали дрель, чтобы насверлить в пачках бумаги отверстия под шнур. Судя по всему, у них на все управление одна дрель.

И вот у внука Сталина вместе с компьютером и документами пропала дрель… Надо же! Деньги и выпивку, лежавшие практически на виду, не взяли, а дрель в глубине шкафа нашли. И кто бы это мог быть?? Преступников, понятное дело, милиция не нашла. Вы сильно удивлены тем, что не нашла?

Так, что в том, что Е.Я. Джугашвили это внук Сталина, сомневаться не приходится.

Поэтому сами по себе взгляды внука Сталина, и даже то, на что именно Евгений Джугашвили обращал и обратил внимание и решил описать в своих воспоминаниях, что именно запомнил, уже является историческим фактом. И я не осмелился эти факты корректировать.

Ведь интересно же предположить, каким бы мог быть Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) и как бы он прожил жизнь, если бы водовороты жизни не заставили его стать вождем народа. (Подчеркну – не он жаждал стать вождем, а его заставили стать вождем: до 1927 года Сталин трижды отказывался от этого бремени, но подчинился требованию товарищей (особенно настойчиво Сталин отказывался от должности вождя на пленуме 1927 года). И Сталин стал вождем. ВЕЛИКИМ ВОЖДЕМ, и под руководством великого вождя и народ был ВЕЛИКИМ. «Каков поп, таков и приход».

Я не буду рассказывать, о чем книга, – сами прочтете. Но я прочитал и просмотрел довольно много мемуаров различных деятелей, в том числе, и небольшого масштаба (для «вельмож в случае» мемуары пишут другие люди, да и вельможи не просто вспоминают, а оправдываются и сильно лгут, чтобы представить себя в выгодном свете). Мемуаристы помельче занимаются тем же самым, однако и лгут помельче – обыденно, и вспоминают, главным образом о том, как они были близки к великим персонам своего времени, и как «кучеряво» жили – как сладко ели и пользовались благами, недоступными простым смертным. Или наоборот – как страдали от того, что их обижали великие персоны, и они не могли сладко есть. Поэтому я напишу о нескольких общих моментах, который читатель может и упустить.

Евгений Джугашвили, безусловно, встречался со многими властными персонами своего времени, но, как вы увидите, счел необходимым вспомнить только двух – одного потому, что тот не предал Сталина, а другого потому, что предал. Но, зато, с какой любовью он вспоминает своих друзей и вспоминает потому, что они его друзья! И хотя, казалось бы, с его друзьями ничего

особенного и не происходило по сравнению с жизнью сотен миллионов остальных граждан СССР, но как не вспомнить друзей?

Грузинская специфика заставила Евгения Яковлевича написать про множество застолий, но обратите внимание, что он очень редко описывает, что именно ел, – это для внука Сталина не главное. К примеру, он описывает марки, способы приготовления, районы происхождения многих грузинских вин, но вы так и не узнаете, какое вино именно ему нравилось, да и было ли такое. Интересно, что единственный раз, когда он обращает внимание на вкус еды, он рекомендует читателям хаши – самое дешевое блюдо, которое только можно придумать. Такое положение должно быть достаточно обидным для принимавших его в то время хозяев – ведь они старались приготовить вкусно и хотели его порадовать. Да вкусно ему было, очень вкусно, просто внуку Сталина запомнился сам факт общения с друзьями и хорошими людьми, а не еда. Он садился за стол с друзьями не для того, чтобы есть.

Историк А.Н. Шефов, работавший на ближней даче Сталина в 1955 году, среди документов обнаружил и меню последнего ужина в жизни Сталина – за 28 февраля 1953 года. Сталин заказал себе «*паровые картофельные котлеты, фрукты, сок и простоквашу*» Да, дед Евгения Джугашвили тоже ел, чтобы жить, а не жил, чтобы есть.

Теперь немного о грузинской специфике воспоминаний Евгения Джугашвили.

Разделение людей по национальности имеет место быть, однако мой опыт показывает, что глупо оценивать людей исходя из этой их особенности. Есть люди, и есть человекообразные животные. То есть, есть хорошие люди и плохие. И это в людях главное, а не их национальность. Среди моих друзей, близких и не очень, были и немцы, и евреи, и казахи, и ингуши, а вот грузин не было – так уж получилось. Даже за нормальным столом с ними не сидел. Может поэтому запомнился единственный случай застолья с грузином.

Где-то году в 1987 наше министерство распорядилось провести совещание заместителей директоров по коммерческой части и транспорту. Собрались мы, заместители директоров десяти ферросплавных предприятий Союза, на Челябинском электрометаллургическом комбинате. После совещания, принимавший нас коллега (замдиректора комбината) повез всех в лес на базу отдыха комбината в баню. Мы парились, голые качались в сугробах – была зима и компания была сугубо мужская. Потом, само собой, была выпивка и обычный разговор

подвыпивших мужиков. Разумеется, говорили в основном старшие по возрасту, мне было 38, но я не был самым младшим, поскольку единственному среди нас грузину – заму по коммерческой части директора Зестафонского завода ферросплавов – было едва за 30, так, что мы с ним, в основном, слушали. И вот как-то вскользь старшие упомянули об отцах, и грузин, наконец, встрял в разговор со своим рассказом о свежем событии:

«В Москве закрутился в министерстве – то того нет на месте, то этого нет (ну, вы это знаете) – на поезд в Челябинск опаздывал и ничего не успел купить поесть. В купе нас было трое – кроме меня такой простой старик и интеллигент в очках. Поезд тронулся, интеллигент отвернулся к окну, достал бутерброды и начал кушать. Старик посмотрел-посмотрел, открывает сумку, кладет на стол хлеб, сало, соленые огурцы – ну все простое такое – и говорит: «Угощайтесь, сынки!». Я, конечно, достаю бутылку коньяка (не все в министерстве роздал), а интеллигент говорит: «Яне хочу кушать!». Я возмутился: «Как ты можешь обижать человека отказом?! Он тебе хлеб предлагает!» Ну, интеллигент тоже присоединился, я налил в стаканы и говорю: «Давайте выпьем за наших отцов». Выпили, а интеллигент говорит: «А я вот не думаю, чтобы мой сын за меня в поезде с незнакомыми людьми пил». А я его спрашиваю: «А ты сколько раз в поезде с незнакомыми людьми пил за своего отца?»

Удивительная простота этой грузинской мысли, при очевидной ее глубине, меня тогда поразила настолько, что я ее запомнил навсегда. Надо бы на этом и кончить этот рассказ, но прошло несколько лет, началась перестройка, прошли события в Тбилиси и я в министерстве встретил этого своего грузинского коллегу. И было его уже не узнать – ненависть к СССР: «Оккупанты!», – глаза горят: «Свободы! Свободы!!». М-да…

И вы прочтете в воспоминаниях Евгения Яковлевича много хорошего о грузинском радушии и гостеприимстве. Разумеется, сияние славы деда ему сопутствовало там, где Сталина уважали, но, должен сказать, его рассказы мало чем отличаются от рассказов моей жены и ее подруги, которые с детьми ездили отдыхать в Грузию по приглашению их знакомого по работе грузина. Много есть у грузин симпатичных качеств, хотя есть и такие, над которыми и сами грузины смеются, и такие, которые и им самим не нравятся. Как и нам, русским, не нравятся некоторые наши качества.

Теперь о сиянии славы деда над Евгением Яковлевичем.

Сталин при жизни старался с внуками не общаться и у него, думаю, были на это веские резоны. Однако Сталин за внуками следил. Евгений Яковлевич не упоминает в книге, но мне он

рассказал, что после войны его, юного суворовца, внезапно вызвали из класса в кабинет начальника суворовского училища и там приехавший из Москвы генерал подробно расспросил его о быте и учебе. Никаких последствий в его жизни это не вызвало, но факт остается фактом.

Разумеется, слава деда время от времени помогала Евгению Яковлевичу в кое-каких бытовых делах, и он об этом пишет. Но я был у него на квартире в Москве в обычном спальном районе – знаете, дело даже не в том, что скромно по части комнат, мебели и нет дорогих украшений, оно и ремонт не мешало бы сделать. Лет 20 назад. Книг много, а остального барахла ни внуку Сталина, ни его семье, судя по всему, было просто не надо. Как и его деду.

Еще момент, который, надо думать, вы заметите. Ведь Евгений Джугашвили было всего 20, когда началась оголтелая кампания клеветы на его деда. Другие внуки не выдержали и поменяли фамилии, сменил фамилию и Серго Берия, хотя уже был прославленным конструктором. А Яков Джугашвили фамилию не менял. Можно представить, сколько косых взглядов «шистедерастов» скрещивалось на нем, сколько он услышал о деде за спиной и в глаза! А есть ли в воспоминаниях хоть одна жалоба на это? Да и вообще, хотя бы на что-нибудь, что касалось бы его лично?

Даже когда начальство, всего лишь ради того, чтобы избавить себя от ответов на тупые доносы идиотов, лишило его перспектив получить звание генерала, он и тогда пишет: «Обид на начальство держать не могу». А почему? Такой он человек – умеющий держать удары судьбы и благодарный всем окружавшим его хорошим людям за то, что они были и есть. И, кстати, описав эту обиду от начальства, тут же радуется, что его друг, все же, стал генералом.

А ведь такое же добродушие было и у его деда, которого со времен Хрущева рисуют кровожадным вурдалаком. Да, обязанности вождя и тяжелейшая обстановка часто требовали от Сталина принимать жесткие решения, но как человек, Сталин не был ни мстителен, ни кровожаден, особенно в сравнении с другими вождями партии и СССР. Такие вот примеры.

Летом 1928 года в Москве два месяца судили 53 инженера-вредителя Донбасса, которые брали «откаты» с Запада и тормозили увеличение добычи угля «Шахтинское дело»). Четверых оправдали, а 11 человек были приговорены к расстрелу. Сталин настаивал на Политбюро помиловать их всех, но его предложение не прошло, и член Политбюро Бухарин впоследствии хвастался, что это ему, несгибаемому большевику,

удалось уговорить остальных членов Политбюро согласиться на расстрел инженеров Донбасса, вопреки мнению слюнтяя Сталина.

Прошло 9 лет, и во время февральско-мартовского Пленума Центрального Комитете ВКП(б) 1937 года для выработки проекта постановления по делу предавших народ и партию членов ЦК Бухарина и Рыкова была создана специальная комиссия, председателем которой стал Микоян, а членами 34 человека, включая и Сталина, как рядового члена этой комиссии. Выслушали доклад о преступлениях Бухарина и Рыкова, и начали голосовать.

Из протокола комиссии следует, что первым выступил Ежов и предложил предать Бухарина и Рыкова суду с применением расстрела, если на суде выяснится, что они виновны. Затем Постышев предложил исключить их из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б) и предать суду, но без применения расстрела. Затем Буденный потребовал суда и расстрела. И вот тут выступил Сталин и предложил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б), суду не передавать, а всего лишь выслать из Москвы. Интересно, что его поддержали только Ульянова, Крупская, Варейкис, Молотов и Ворошилов. Зато Мануильский, Шверник, Косарев и Якир упорно продолжали настаивать на суде с расстрелом, и Постышев, Шкирятов, Антипов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов тоже требовали суда, хотя и без расстрела. В результате предложение Сталина не прошло, а прошло компромиссное предложение суду пока не предавать, направить дела Бухарина и Рыкова НКВД для дальнейшего расследования.

Закончу на этом.

Конечно, предположение, что Сталин, отказавшись быть вождем народа, остался бы тем, кого мы считаем простым человеком, само по себе глупое. Не буду отрицать – глупое!

Но ведь интересно.

Часть I
Взгляд на людей

Глава 1
О себе

Знакомство родителей

Город Урюпинск – бывшая станица донского казачества, расположен на левом берегу реки Хопер Сталинградской области (сегодня Волгоградской). На Майской улице под номером 27 стоял дом. Он выделялся своим мезонином – надстройкой. Говорили, что до революции в нем жил богатый купец. После революции в доме поселились три семьи: Голышевы, Аллилуевы и Лапаевы. Семью Голышевых возглавлял рабочий металлургического завода Павел Антонович со своей женой Екатериной Алексеевной. П.А. Голышев – русский, приехал из Воронежа. Екатерина потомственная казачка с девичьей фамилией Лукьяновская. Они имели четырех дочерей: Александру, Надежду, Ольгу и Веру. В другой части дома проживала семья Аллилуевых – родственников жены И.В. Сталина Надежды Сергеевны. Семью Аллилуевых представлял Михаил Яковлевич и его жена Матрена Федоровна. У них было пятеро детей: Клавдия, Георгий, Александра, Нина и Серафима. Нина жила с родителями и растила двух дочерей Августу и Конкордию.

После окончания школы Ольга Голышева, 1909 года, и ее подруга по дому Августа Аллилуева, 1911 года рождения, поехали в Москву учиться. Ольга поступила в Московский авиационный техникум, а Августа уехала к своим родственникам в Ленинград, где поступила в институт. Ольга Голышева стала жить в Москве у своей тети – сестры мамы – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на Большой Полянке, дом № 54. Августа приезжала в Москву и гостила на квартире своих родственников, где бывал Яша Джугашвили. В обществе подруг и оказался сын Сталина.

Судьба

До знакомства с Ольгой Голышевой у Якова с отцом произошел острый конфликт. История состоит в том, что Сталин забрал своего сына из Грузии в Москву только в 1921 году в возрасте 14 лет. Все время Яша проживал с родителями умершей в 1907 году мамы – Екатерины Сванидзе. Семья жила в селении Баджи Амбролаурского района – высокогорный район Грузии под

названием «Рача». В школе Яша испытывал трудности с русским языком, учился неважно, что раздражало отца. После окончания школы Яша вдруг заявил, что он и одноклассница Зоя Матвиенко решили пожениться.

«Отец, – пишет С. Аллилуева в книге «Двадцать писем другу», – не желал слышать о браке. На кухне произошел грубый разговор отца с Яшей. Ночью в своей комнате Яша предпринял попытку застрелиться. Он стрелял в сердце. Пуля прошла навылет, но он остался жив, хотя долго болел. Отец стал относиться к нему за это еще хуже» (*Аллилуева С.И.* «Двадцать писем к другу!». М., Совместное предприятие «Внешиберика», с. 97, 148–154). После лечения Яша все-таки женился на Зое, и они уехали в Ленинград к деду Сергею Яковлевичу Аллилуеву. Там Яков устроился работать на теплоэлектростанции (ТЭЦ) техником-смотрителем. Вскоре родилась дочь и внезапно умерла. Брак распался. Яков возвращается к отцу и поступает в Московский институт инженеров транспорта (МНИТ).

Возможно, мама слышала об этой истории, ибо, когда она забеременела, то решила сделать аборт, поскольку не рассчитывала на серьезные отношения с Яковом. Младшая ее сестра Вера Павловна отговорила ее, и Ольга поехала в Урюпинск к маме. Моя тетя Вера при случае иногда нет-нет да и скажет мне, что благодаря ей я появился на свет. Родился я 12 января 1936 года. Мама записала меня на свою фамилию – Голышев Женя. Ее отец, Павел Антонович – воронежский рабочий высказался по этому поводу: «Голышев тоже неплохая фамилия». Не сообщить грузину Якову, который, как все мужчины, мечтал о сыне, Ольга не могла. Яков приезжает в Урюпинск, в ЗАГСе меняет мою фамилию на свою и начинает высылать небольшие деньги. То, что мама получала переводы из Москвы, не отрицает даже моя сестра Галина, о чем я скажу несколько позже.

Ю.И. Мельцер

Однако молодость есть молодость, и она берет свое. А» красота, – говорила Ф. Раневская в фильме «Весна», – это страшная сила». Яков Джугашвили встретил в секретариате одного чиновника прехорошенькую Юлию Бессараб и влюбился. Юля (Юдифь Мельцер) со своим семейством проживала в Одессе. В Москве она оказалась после очередного замужества за чиновником Н.П. Бессарабом, работавшим в системе Министерства внутренних дел (МВД).

Галина в книге «Тайна семьи вождя» рассказывает, что ее

мама в Одессе работала танцовщицей кабаре. Она пишет: «Ма (так она называла свою маму) после первого замужества сбежала из дома и начала «балетную жизнь»… (*Джугашвили Г.Я.* Тайна семьи вождя. Издат. «Зебра», 2007. С. 34–39).

«Ее приняли в одну из групп «левого течения». Группа летала по всей Украине. Жизнь на колесах с остановками в бывших особняках, переделанных в общежития, жизнь молодая, свободная от ига борьбы с начальством и забот о конъюнктуре, полная того, что сейчас называют «творческим подъемом» и веселой работой, взрывалась криками «бис», сияла огнями рампы…. Зал гудел, Ма вылетала на сцену в, по современному говоря, мини, усыпанном зеркальными осколками (в них били разноцветные лучи прожекторов), одна нога в черном чулке, другая – без. Даешь Европу!» Однако знакомство своих родителей Галина описывает в романтичной обстановке. В своей книге она пишет: «Знаменитое событие, без которого я не могла бы появиться на свет, произошло вскоре после переезда Бессараба и Ма в Москву». Она была в Большом театре с Анной Сергеевной Аллилуевой и обратила внимание на молодого человека, с которым та поздоровалась: «Ой, какой интересный молодой человек, – сказала Ма Анне Сергеевне, – познакомь же меня с ним». Знакомство состоялось и, как она пишет, «папа выкинул белый флаг». Другими словами Яша моментально влюбился и Юля, бросив мужа Бессараба, вышла замуж за сына Сталина. Далее забавно она описывает встречу молодых с И.В. Сталиным. «Когда поехали в Зубалово знакомиться с дедом, Ма была совершенно спокойна… Ма оказалась права. Все прошло отлично. «Старик» без конца шутил, кормил Ма с вилки, и первый тост поднял в ее честь»…

Прервусь и задам вопрос, который я задал Светлане Аллилуевой после ее возвращения из-за рубежа: «Видел ли вообще Сталин новую жену своего опального сына?» Дело в том, что Ю.Г. Мурин в книге «Иосиф Сталин в объятиях семьи» поместил записи дневника жены Алеши Сванидзе – М.А. Сванидзе: «28-го были «тетушки» в Кремле на рождении Светочки… Впервые был Яша с женой. «И» (сокращенное имя «Иосиф») не пришел, по-моему, умышленно. Он отодвигал это удовольствие познакомиться с новой невесткой. И впрямь радости мало. Она хорошенькая, старше Яши, он у нее 5-й муж, не считая иных прочих, разведенная особа, неумная, малокультурная, поймала Яшу… и к тому же Юля – какая-то авантюристка». (Сборник документов «Иосиф Сталин в объятиях семьи». Сост. Мурин. М., Родина, 1993 г.). «Да, – ответила Светлана Иосифовна, – была одна встреча, и то по просьбе самого Яши.

Юля была в положении, и она сложенной газетой прикрывала живот».

Анализ ДНК

Теперь о денежных переводах. Как утверждает Галина, деньги в Урюпинск отправляла ее мать. В «Аргументах и фактах» № 44, 1999 г. она говорила журналисту: «Мама мне рассказала, что когда она узнала, что ребенок от папы, то очень опасалась, что эта история дойдет до свекра, и решила этой женщине помочь. Она стала посылать ей деньги на ребенка… Вероятно, эти почтовые переводы от мамы и были расценены ЗАГСом как алименты. Так Евгений и получил нашу фамилию». На возражение журналиста, что в эту историю трудно поверить. Она заявила: «Я ничего не берусь утверждать, но наше родство очень просто можно подтвердить или опровергнуть. Достаточно сдать анализ на ДНК. Но, думаю, вряд ли Евгений на это согласится».

А я согласился и в той же газете буквально в следующем номере № 47, 1999 г. (специально приехал в редакцию) было опубликовано мое заявление. В нем я написал, что моя сестра Галина Джугашвили настаивает на протяжении многих лет провести анализ моего ДНК. Так как она является заинтересованной стороной, то она и должна организовать и оплатить эту процедуру. Мне лично этот анализ не нужен. Прошла неделя, другая, месяц, второй и так далее, но заинтересованная сторона потеряла видимо всякий интерес и хранила молчание.

Когда мне исполнилось два года, мама повезла меня в Москву показать Якову. По телефону она попала на его жену Юлию Исааковну, которая предложила отдать сына. Светлана Аллилуева подтверждает: «Да, был такой разговор». Мама испугалась, что меня могут передать в приют под другой фамилией и срочно увезла меня обратно в Урюпинск. А на горизонте маячила война.

Детство

Самые первые детские воспоминания касаются военного времени. Вначале на войну ушел дядя Гордей – муж тети Нади. Гордей Андреевич Литвинов был председателем Урюпинского ОСОАВИАХИМА (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Затем на фронт ушла и мама. В

доме остались бабушка Екатерина Алексеевна, ее дочь Надежда с сыном Виталием и я.

Хорошо помню проходящие ночью танки. Земля тряслась под ногами. Глубокую колею в снегу освещали их фары. Иногда в ночном небе был слышен гул моторов самолетов. По утрам тетя Надя включала черный круглый репродуктор, из которого исходили строгие слова: «От советского Информбюро. После упорных и ожесточенных боев наши войска оставили…» Далее тетя Надя выключала радио и с глубоким вздохом уходила что-то готовить.

Летом мой день начинался как всегда с приходом моего друга по дому Жени Лапаева, по прозвищу «башкир». Я слышал, как он громко спрашивал тетю Надю: «Таток дома?» – «Куда так, ни свет, ни заря, – ворчала та, подметая, как обычно, по утрам крыльцо, – спит еще твой Таток». Меня Татой прозвала мама, потому что, играя в войну, я «строчил из пулемета»: та-та-та. Пока я спал, тетя Надя успевала сходить на базар и сунуть мне под подушку фрукты – яблоки, сливы, и это при том, что у нас, у жильцов этого дома, был свой собственный фруктовый сад. Так, например, у Лапаевых (у башкира) были две яблони, у Аллилуевых одно грушевое дерево. Было, правда, и второе дерево, но оно было очень молодое и не плодоносило. У нас, на территории нашего сада, сохранилось три груши и одна небольшая китайская яблоня. Какой-никакой, а все-таки свой сад. У некоторых вообще ничего не было. Двор был разделен на три огородных участка, где и росли эти деревья.

Окна квартиры Аллилуевых выходили прямо на территорию своего огорода, где росли их две груши. Матрена Федоровна (Федриха) постоянно сидела у окна, как на посту, и зорко охраняла территорию: «Мышь не проскочит!» Наши окна выходили на улицу и в переулок. Поэтому с охраной нам приходилось сложнее, нет-нет, да и залезет кто-нибудь на наши груши.

На реке Хопер

Река протекала в полутора километрах от дома. Дорога к Хопру проходила вдоль огородов, окаймленных около дороги высокой кукурузой с подсолнухами. Проходя мимо кукурузы, гонялись за саранчой и ловили ее уже внутри участков, засаженных картошкой. Издали виднелся дубовый лес на противоположном берегу Хопра.

Пляж из белого песка открывался сразу после небольших

холмов, поросших кустарником. Плавать меня научил двоюродный старший брат Виталий. Но переплывать Хопер самостоятельно я боялся. Тетя Надя каждый раз предупреждала: «Женя, не заплывай далеко, Хопер наквасишь!» Виталек (так я его называл) помог – он плыл рядом, а я махал руками, пока не стукнулся головой о крутой илистый берег. На этом берегу были свои развлечения. Пацаны, например, выламывали в лесу палки, из ила делали колбаску на конце, и с размаху насадка со свистом летела на пляж. Глухо ударяясь в песок, она превращалась в черную лепешку. Обстрел велся по принципу «на кого Бог пошлет».

Виталий приобщил меня к рыбалке. Готовились накануне: проверяли снасти, червей копали у соседей, имевших корову. Ключи от лодки и весла также брали у соседей. Уходили утром рань. Виталий нес весла, я – удочки. В заливе Быково (рукав реки Хопер) находились лодки, прикованные к огромному лежащему бревну. Когда лодка в полной тишине пробиралась по заросшей протоке, было слышно, как по дну лодки скрежетала трава. Но с выходом ее на чистую воду скрежет прекращался и тишину нарушал только скрип уключин. Из Быковского залива через узкий пролив мы попадали на «большую» воду Хопра.

По моему желанию Виталлий высаживал меня на берег, а сам на лодке искал подходящее место на середине реки. Бросал якорь (камень на веревке), закуривал и начинал ловить. Тишину нарушал плеск пойманной рыбы. В это время я тоже ловил удочкой, но стоя по колено в воде. Изредка переговариваясь с Виталиком, я медленно переходил от куста к новой заводи. Мой улов не шел ни в какое сравнение с уловом брата. Но зато, с каким восторгом я подсекал хотя бы тех же полосатых окуньков или пескарей.

В районе Урюпинска Хопер делает несколько поворотов. С внешней стороны изгиба он имеет высокий илистый обрывистый берег. С внутренней, наоборот, пологий с белым песком. По мере удаления от города по реке рыбаки пользовались понятиями «первые пески», «вторые пески». Наш пляж с белым песком был безымянный. А вот где мы ловили рыбу, выйдя из Быковского залива, то это было в районе первых песков. Здесь, вдали от города, в крутом берегу гнездилась целая колония стрижей или ласточек в своих многочисленных норках.

Ближе к вечеру бабушка часто вырывала меня из компании моих товарищей, и мы шли на дальний огород в Быково. Там была заливная земля. Внизу у самой воды она растила помидоры, а повыше был посажен картофель, еще выше – кукуруза. По всему участку в разных местах стояли, наклоняясь, подсолнухи. Ведром

я таскал воду из залива, а она поливала и все нахваливала меня: «Вот какой ты у меня молодец! Сама-то я не справилась бы!» В ответ я старался еще больше. Мне не забыть запах той ботвы помидоров, ласковое прикосновение ростков кукурузы. Шершавые листья подсолнухов. Полив помидоры, бабушка кое-где подливала воды в других местах. К вечеру уставшие мы возвращались домой. Солнце уже село за «Меловые горы». Поднимая пыль, возвращалось стадо. Пахло молоком, хотелось спать.

Вот так встреча!

Урюпинские пацаны, которые жили на нашей улице, летом особенно после дождя, катали по лужам обручи от колес грузовых машин. Мастерские по обслуживанию транспорта назывались «автоколоннами» и располагались поблизости. Использовались и диски меньшего размера с зубчиками внутри. Из железного прута изготовлялся поводок с фигурной выемкой на конце, с помощью которого можно было управлять движением колеса. Катание обручей и дисков сопровождалось пронзительным звоном колес и криками пацанов: «Поберегись, Петлюра!»

В конце зимы 1942 года я простудился и схватил воспаление легких. Несколько дней, говорят, не спадала температура 41. Я помню только как Виталек, согнувшись над градусником, плакал, а тетя Надя мыла полы. Готовились к самому худшему. На фронт была послана телеграмма. Но мама лежала в госпитале после ранения. Только после выздоровления, летом она получила краткосрочный отпуск. «С замиранием сердца, – рассказывала она, – я сошла с поезда и пошла в сторону нашей улицы. Страшные мысли не выходили из головы, поскольку от Надежды не было никаких сообщений». Нетерпение заставило маму спрашивать у прохожих на Майской улице. Первая женщина сказала, что ничего о похоронах мальчика не слышала. Вторая быстро отошла в сторону. «Если умер, – думала мама, – разрою и погляжу». Вдруг она услышала шум и крики детей, катавших по улице свои обручи. Среди них она увидела меня… Через несколько дней она вновь уехала на фронт. Мама была старшиной медицинской службы.

Суворовское военное училище

21 августа 1943 года Совет Народных Комиссаров и

Центральный Комитет партии постановил создать Суворовские и Нахимовские военные училища. Суворовских училищ было создано девять. В каждом училище находилось 500 воспитанников. В постановлении говорилось: «Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов». Перед училищами ставилась задача подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании. Это постановление спасло многих беспризорных детей, отцы которых погибли на фронте (Журнал «Огонек» № 36, сентябрь 1983 г.).

Летом 1945 года с фронта вернулась мама и забрала меня в Москву. Из Урюпинска до пересадочной станции Алексиково ехали на знаменитом в тех местах паровозе. За тихий ход и остановки в степи его прозвали «колдуном». Остановится и стоит – колдует ехать или стоять. Потом как дернется без всякого предупреждения. Приходилось все 2–3 часа (30-тикилометровый отрезок пути) держать свои вещи и всю дорогу быть начеку. В Москве стали жить у сестры бабушки – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на улице Большая Полянка. Мама поступила на работу в штаб ВВС МВО инкассатором. Я продолжил учебу в средней школе № 557. После третьего класса мама приняла решение отдать меня в Суворовское Военное Училище.

Ближайшее Суворовское училище находилось в городе Калинин (сейчас Тверь). В училище, когда оформление закончили, офицер-воспитатель повел меня к моим новым товарищам. Покидая комнату, где сидела мама, я увидел, как она заплакала. Больше в этот день я ее не видел. В 10 лет началась новая жизнь – военная.

Набор 1947 года оказался небольшим, всего человек 40. Среди нас оказались дети из Югославии. Однако они вскоре уехали на свою Родину. Суворовец имел летнюю и зимнюю форму одежды, трехразовое питание, по пятницам баня и замена постельного белья. Полная школьная программа, изучение иностранного языка, обучение бальным танцам. Работали всевозможные кружки, спортивные секции, поощрялась художественная самодеятельность. Училище имело свою конюшню, тир и стадион. Полагался бесплатный железнодорожный билет во время отпуска на каникулы. В отличие от других училищ Калининское и Тульское участвовали в парадах на Красной площади в Москве.

К зимним каникулам начинали готовиться заранее. «Чемоданное настроение» захватывало нас недели за две до отъезда. В Москве мама приобщал меня в основном к Большому

театру. За годы учебы в училище я ознакомился практически со всем репертуаром театра. Балет мне нравился больше чем опера.

Капитан Абоносимов

Офицером-воспитателем нашего отделения длительное время был капитан А. Абоносимов. Не имея семьи, он подолгу оставался в училище, иногда даже после отбоя. Наши, часто рискованные, проделки доставляли ему массу хлопот и переживаний.

Например, когда весной вскрывалась Волга, мы были на берегу и прыгали по льдинам. Летом напротив стадиона останавливался караван связанных бревен, готовых к лесосплаву. Как не побегать по этим бревнам. Да мало ли где мы могли свернуть себе шею. А отвечать обязан офицер-воспитатель. Боролся Абоносимов и с самоволками.

Однажды в городе он заметил Ивана Климковича в гражданской одежде – самоволка! Тот развернулся и дал деру, но и капитан Абоносимов прибавил шагу. Климкович вскочил в проходящий мимо трамвай и на его подножке скрылся. В училище он быстро переоделся и сел в классе. Прямо с порога дверей преследователь заявил: «Климкович, Вы были в самоволке, я видел Вас!» – «Никак нет, товарищ капитан, – бодро ответил Климкович, – Вы ошиблись». После длительного препирательства, уже смущенный воспитатель нагнулся к наглецу и товарищеским тоном почти шепотом тихо спросил: «Ваня, это же был ты?» Размякший после такого обращения Климкович тихо ответил: «Так точно, товарищ капитан». Абоносимов тут же резко выпрямился и командирским голосом громко скомандовал: «Трое суток ареста! За самовольный уход из расположения части».

В сентябре 1983 года журнал «Огонек» к 40-летию создания суворовских и нахимовских училищ провел «круглый стол», я был приглашен и тоже выступил. Журналист Борис Сопельняк в 36-м номере «Огонька» поместил и мое выступление. Я говорил о моем воспитателе капитане Абоносимове. В это время Анатолий Александрович проживал в Пензе и там ему показали журнал. Он прислал мне трогательное письмо и благодарность за добрую память о нем. Жил он опять один. Но вскоре умер. У меня осталась книга «Краткая биография Сталина», которую он вручил мне в училище перед уходом. «Воспитаннику Джугашвили Евгению. Прочитай эту книгу о гениальном человеке всех времен и будь похож во всем на него. Капитан А. Абоносимов, г. Калинин, 22 апреля 1949 года».

Спасибо за все, дорогой Анатолий Александрович.

На Красной Площади

В 1952 году я был включен в состав батальона «парадного расчета». Радость оказалась преждевременной. Дело в том, что из-за моего роста в 1 м 68 см мое место оказалось в последней, десятой шеренге, а в самой шеренге я был по счету 20-м, замыкающим. Мне казалось, что более позорного места не бывает. Сама 10-я шеренга страдала больше всех. Так, на тренировках руководитель по микрофону с трибуны в конце занятий говорил: «Первые 9 шеренг отдыхают, а десятая пройдет еще разок!» Только после 2–3-х проходов с трибуны слышалось: «Вот теперь другое дело!» На завтрак ежедневно нам выдавали по плитке шоколада. На Красной площади метров за 100 до Мавзолея раздавалась команда «Раз!» и через шаг все хором: «И два!» Все головы кроме правофланговых поворачиваются направо. В этот момент руки хватают соседа. Правой рукой хватаю соседа справа, а левая остается прижатой к бедру или как говорится «по швам». Когда батальон поравнялся с Мавзолеем, я увидел Сталина. Таким образом, деда своего я впервые увидел на трибуне Мавзолея во время парада в мае 1952 года.

Смерть И.В. Сталина

6 марта 1953 ода в училище утром, как обычно, горнист на первом этаже сыграл команду «Подъем» Встали, оделись, вышли в коридор, кое-как построились. Дежурный офицер (по-моему, это был майор Токарев) скомандовал: «Напра-во!» Однако тут же громко сказал: «Отставить!» «Опять что-то забыл», – подумали мы. «Товарищи воспитанники, – начал он тихим волнующим голосом, – вчера, 5-го марта, – как только прозвучали эти слова, наступила абсолютная тишина, – в 9 часов пятьдесят минут вечера скончался Иосиф Виссарионович Сталин». А абсолютной тишине он тихо, почти шепотом скомандовал: «Направо, шагом марш». Когда спускались по лестнице, у меня непрерывно катились слезы. Конечно, никто на зарядке ничего не делал. Просто постояли на морозе минут десять и вернулись.

После завтрака все училище собралось в клубе. Занятия были отменены, разговоры велись вполголоса. Все понимали, что произошло невероятное событие. Собрались в клубе. На сцену вышли Начальник училища генерал-майор Нерченко и начальник учебного отдела полковник П. Прянишников. Открывая траурный митинг, Нерченко сказал: «Закатилось наше солнышко», – и заплакал. Рядом со мной сидел сын Василия Сталина – Саша. Он

несколько месяцев тому назад прибыл в училище под фамилией Васильев. После прибытия у нас установились самые дружеские отношения. Такие, какие обычно бывают между старшими и младшими братьями – я был в выпускном седьмом классе, он в первом. Он часто поджидал меня при выходе из столовой. После траурного собрания Саша вдруг исчез. Видимо кто-то приезжал от Василия Сталина и забрал его в Москву на похороны. Я добирался до Москвы самостоятельно. Поезда не ходили и мне посоветовали обратиться к руководству военного аэродрома «Мигалово». Получив удостоверение личности, я отправился на аэродром. Начальник «Мигалово» полковник Юспин, узнав, кто я и что прошу, возмутился: «Одного внука отправил, теперь пришел второй». Посадили меня в десантный самолет Ли-2. Летели на очень малой высоте порядка 300 метров. Экипаж дал мне тулуп, поскольку в салоне, где были только металлические сиденья, стоял жуткий холод. Сели в Москве на аэродроме «Быково». Домой доставили меня в сопровождении офицера. Мой дядя – муж сестры мамы Виктор Васильевич Рахманов в то время работал в КГБ в чине полковника. Используя свое удостоверение и мой отпускной билет из суворовского училища, он провел меня через все кордоны прямо в Колонный зал Дома Союзов, где для прощания лежал И.В. Сталин. Таким образом, я увидел второй раз своего деда, но уже в гробу.

Дядя Вася и дядя Виктор

28 марта через три недели после похорон арестовали Василия Сталина: «за антисоветскую агитацию, пропаганду и злоупотребление служебным положением». Затем его осудили на 8 лет тюремного заключения и отправили во Владимирский централ. Об аресте Василия я узнал по приезду в Москву после окончания Суворовского военного училища и с каким-то злорадством воспринял эту новость. Дело в том, что во мне все еще кипела обида за мартовские мытарства. Во-первых, он забрал из училища только своего сына, а сына своего брата бросил. Мне пришлось самому пробираться в закрытый город и, как потом оказалось, к гробу. Встала проблема – как теперь попасть в Колонный зал. Что творилось в Москве даже представить себе трудно. Мама предложила все-таки поехать к Василию.

В особняке на Гоголевском бульваре сначала уточнили, кто хочет видеть хозяина, затем провели на второй этаж в «детскую», где я с радостью увидел своего брата-суворовца Сашу и его младшую сестренку Надюшу. Целых три часа просидели мы в

этой крохотной комнатке, но хозяин так и не появился. Волновались все трое. «На разведку» иногда выходил Саша, но каждый раз, возвращаясь, он как бы извиняясь, сочувственно говорил: «Пока не приехал». В обед нас пригласили спуститься в столовую. Мне запомнился очень вкусный рассольник с почками. В кинозале показали фрагменты со Сталиным, после чего нас вновь отправили в «детскую». После очередной разведки Саша вернулся со словами: «Отец уехал». Я понял, что все это время Василий находился в доме, но не захотел меня видеть.

Дядя Виктор предложил самостоятельно преодолеть кордоны, что мы и сделали. У входа в Колонный зал нас поставили в общую очередь. У гроба, чуть в стороне, мой дядя заметил стулья и несколько сидящих людей. Я ничего не замечал кроме лица Сталина. «Не хочешь, – спросил тихо дядя Виктор, – туда… к ним?» «Нет», – ответил я, и мы покинули зал. После ареста Василия дети стали жить с мамой Галиной Бурдонской у ее матери Анастасии Терентьевны. Иногда они приезжали к нам на 2-ю Песчаную «поболтать». Галина Александровна Василия называла Васькой, а Саша мою тетю Веру Павловну – тетечкой Верочкой. Иногда забегала Надя поделиться секретами. За разговором с подругой я сфотографировал ее (смотри фото). Вскоре Галина Александровна получила двухкомнатную квартиру на Новослободской. Саша навещал отца и однажды привез для меня его подарок – изготовленный им на токарном станке значок. Смысл подарка Саша не сказал. Мне он напоминает розочку на Бахчисарайском фонтане, откуда вытекает вода, а затем по капле падает в сосуды. За звуки этих капель А.С.Пушкин это сооружение назвал «Фонтаном печали». Что хотел сказать Василий этим значком, Саша не знал. Такой же значок он закрепил на отвороте своего пиджака. Свой я храню в коробке с документами (смотри фото).

Персональная пенсия

В декабре 1953 года маму вызвали в Совет Министров и вручили ей распоряжение Совета Министров СССР от 14 ноября 1953 года: «Назначить с 1 ноября 1953 года внуку И.В. Сталина – Джугашвили Евгению Яковлевичу, 1936 года рождения, персональную пенсию в размере 1000 рублей в месяц до окончания им высшего учебного заведения. Председатель Совета Министров Союза ССР Г. Маленков». Насколько мне было известно, такую же пенсию назначили и другим внукам. Пенсию получала мама. После ее кончины в 1957 году книжку оформили

на меня.

Суворовский период закончился 21 июня 1954 года получением Аттестата об окончании Калининского Суворовского военного училища. Оценки в основном были «хорошо», «отлично» – только пять. Троек не было. Выпускал наш курс новый начальник училища генерал-майор И.Долгов. Первое время мы, суворовцы, собирались в ресторанах, пели песни о Сталине. Особенно любили мы «Марш артиллеристов», где был припев: «Артиллеристы, Сталин дал приказ…». Однако в годы хрущевской «оттепели» среди нас, воспитанников суворовских училищ, появились «умники», которые быстро перестроились и, позабыв свое сиротское начало, тоже стали кидать камни в своего спасителя.

Путевка в Грузию

В первый раз в Грузию я поехал «дикарем» в 1955 году. Такую вольность мне позволила мама (а что ей оставалось делать), поскольку я был уже слушателем первого курса Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского. В академию я был принят без вступительных экзаменов. Маме сказали, что на ее обращение по поводу моего дальнейшего образования Министр обороны Н.А. Булганин написал: «Приветствую первого внука Сталина, который хочет учиться».

Поездом доехал я до самого Батуми. Встретил меня знакомый по Москве тоже студент Эднан Чичинадзе. Об этом эпизоде жизни в Батуми я скажу в разделе «Аджария». А вот в 1956 году мама достала путевку в санаторий имени Челюскинцев в город Гагра.

Санаторий находился на берегу моря. Приехал, а места в санатории не оказалось. Разместили в кабинете Главврача, который позвонил в райком партии: «Приехал какой-то Джугашвили, живет в моем кабинете на диване». Нагрянувшие люди прямо в кабинете устроили допрос: кто я и откуда, почему не предупредили о приезде. Перевели в номер, а в столовой посадили за другой стол к грузинам.

Я все время «пропадал» на пляже. Иногда ездил в городской парк. Но особенно запомнилась экскурсия на зеро Рида. Дело в том, что в санатории отдыхала группа артистов Театра оперы и балета имени Захария Палиашвили из Тбилиси. Среди них была ведущая солистка Медея Амиранашвили. Ее муж Отари организовал поездку на озеро Рица на грузовой машине. На базаре они закупили все необходимое и пригласили меня «прокатиться с ветерком».

Медею посадили в кабину, а мы, человек шесть, забрались в кузов. Вот так, стоя и держась за кабину, мы лихо доехали. На фоне озера разожгли костер и приготовили шашлыки. Пили вино, пели песни, фотографировались, вернулись поздно ночью.

Деловые встречи, или «Кто ты, Евгений Джугашвили?»

Примерно через неделю меня повезли поужинать с партийными работниками из Тбилиси, они отдыхали в правительственных дачах. Потом я узнал, это были: начальник КГБ Грузии А.Н. Инаури, министр сельского хозяйства Ш.И. Чануквадзе, второй секретарь города Гори Р. А. Бзишвили, директор Института переливания крови Ш.В. Эгнаташвили и другие товарищи, которых я не запомнил. Тамадой избрали Ш.И. Чануквадзе. Входе застолья их интересовало: от какого я сына, где живу в Москве, где учусь, что я знаю о судьбе Василия, сколько у него детей и у Светланы, общался ли со Сталиным и т. д. Отвечал то, что знал, а о Сталине сказал, что видел его только на параде как участник в батальоне Калининского Суворовского военного училища.

После ужина или скорее после перекрестного допроса уважаемые чиновники оставили меня в покое. Но, забегая вперед, скажу, что эта встреча определила дальнейшее мое пребывание в Грузии.

В санатории познакомили меня с человеком, который воспринял смерть Сталина как личное горе настолько сильно, что был, как бы, не в себе. Ко всему был равнодушен. Врачи попросили меня пообщаться с ним. Они считали, что общение со мной поможет ему. Невероятно, но Наскид Партенович Датуашвили действительно пришел в себя и не отходил от меня. Он тоже «воспитывал», рассказывая о Кахетии. «Абхазия, – говорил он, – это еще не Грузия. Настоящая Грузия – это Кахетия. Евгений, тебе обязательно надо съездить в Кахетию». В Москву он на каждый Новый год присылал в посылке с десяток палочек чурчхелы, твердые сладкие груши, грецкие орехи, чеснок, сохраненный в опилках виноград и бутылку грузинской водки «Чачи». Жена его умерла. Он один воспитывал сына Паату. Окончив школу, Паата приехал с отцом в Тбилиси. Я поддержал желание сына стать военным. Паата сдал вступительные экзамены и поступил в Тбилисское артиллерийское училище. Окончил с отличием. В Афганистане Паата получил генерала. В независимой Грузии был заместителем Министра Обороны Каркарашвили.

В дальнейшем судьба Пааты Датуашвили оказалась

трагичной. Его и Каркарашвили направили учиться в Россию в Академию Генерального штаба. При выходе из общежития он был убит, а Каркарашвили тяжело ранен. Хоронили Паату в Тбилиси. Рядом с гробом сидел убитый горем мой старый друг Наскид Партенович. Он рад был увидеть меня. Рядом с гробом, ничего не понимая, играли двое его внуков. Я подумал: «Может быть, зря я помогал Паате стать военным. Стал бы виноделом в своей Кахетии и остался бы жив».

Поездка в г. Гори

Особый интерес ко мне проявил Ш.В. Эгнаташвили. Он предложил мне поехать в Тбилиси – в столицу Грузии. До конца путевки оставалось десять дней. Мне было жаль терять столько драгоценных дней на море, ради которого я приехал. К тому же была образована молодежная кампания из отдыхающих парней и девушек. Однако Шота Васильевич торопил. Принимая решение, я подумал: «Акуда это меня несет? С незнакомыми людьми в незнакомую страну, пусть даже родину Сталина». Словом, была не была. К вечеру приехали в Тбилиси, остановились на даче Эгнаташвили в Цхнети (поселок над городом).

Из Тбилиси поехали в Гори к родственникам Эгнаташвили в семью Джабаури и Коринтели. Первый секретарь Гори Зураб Ильич Тавзарашвили предложил мне посмотреть асфальтирование нового моста через железнодорожные пути. Вечером он пригласил на спектакль в Горийский драматический театр. Наша компания разместилась в ложе на балконе. Спектакль шел на грузинском языке. Мне пытались переводить, но постоянные взрывы хохота зала отвлекали переводчика и я попросил бросить эту затею. После зашли к артистам за кулисы. Вначале они пожаловались, что наша компания отнимает у них зрителей – все смотрят на балкон. Затем спросили, понравился ли мне спектакль. «Очень понравился», – с благодарностью ответил я.

Наутро составили план. Отари Коринтели со своими близкими повез меня осматривать уникальный исторический памятник Грузии – древнейшую крепость – город Уплисцихе. Крепость располагалась в 12 км от Гори. Это был пещерный город. Его название дословно переводится «Божья крепость». Город возник в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Уплисцихе выделяется из всех памятников седой старины не только своей древностью и пещерами, высеченными в скале, но и большим тоннелем, пробитым до реки Куры. Правда, выйдя из города-

крепости по этому тоннелю, я не обнаружил реки. За минувшие годы река далеко ушла от крепости. Вместе с Отари я побывал в Атенском ущелье. Здесь растет виноград, из которого изготавливают вино «Атенури». На винном заводе мне дали его попробовать на вкус. Оно чем-то напоминало наше «Советское шампанское». Говорят, в свое время возили его и к Сталину. В Москву улетал с невероятными воспоминаниями о пребывании в Грузии, провожал меня на аэродроме Тбилиси Отари Коринтели.

Кто с нетерпением ожидал в Москве моего приезда, так это мама. Первый ее вопрос: «Как тебя приняли?». Мой восторг и рассказы о моих приключениях она слушала с каким-то облегчением. Она поняла, что теперь меня от Грузии не оторвать. Умерла мама от рака в сентябре 1957 года. Меня вызвали с лекции. Поехал в Боткинскую больницу, она еще была жива. У ее постели сидел мой брат Виталий, который приехал из Урюпинска. При нас мама вскоре скончалась. Она прожила всего 48 лет. Похоронили маму на Головинском кладбище, отпевали ее в церкви «Всех Святых» на Соколе.

Встреча с сестрой

В октябре Анна Сергеевна Аллилуева – родная сестра жены Сталина Надежды пригласила меня домой в «Дом правительства» на улице Серафимовича № 2. Расспрашивала о маме, о ее болезни, где ее похоронили. Сказала, что встречалась с мамой, подарила мне книгу своего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь» с надписью:

«*14 октября 1957 года, Москва*

Дарю на память Жене Джугашвили, сыну Яши Джугашвили-Сталина, книгу воспоминаний моего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь». Сергей Яковлевич Аллилуев любил Яшу, жил с ним в Петербурге, а также за городом в Зубалове. О его сыне – Жене он знал через Яшу и Эгнаташвили Александра Яковлевича. А также и я, Анна – его дочь, знала о Жене через Урюпинских родственников Аллилуевых: Матрену Федоровну Аллилуеву, Августу Михайловну Дутову-Аллилуеву, Майю – ее дочь и Ирину – дочь Серафима Аллилуева. Через Васиных детей – Сашу и Надю.

В данный момент я познакомилась с ним по печальной причине, по случаю смерти его матери, с которой я виделась при жизни несколько раз. Скорблю ее безвременной смерти. С соболезнованием к ее сыну Жене. Яша также говорил, что у него

есть сын в городе Урюпинске. Желаю ему удачи в жизни, счастливой благородной деятельности, а также хорошей семейной жизни, чего, к сожалению, не имела его мать. Анна. 14.X.1957 г.»

Сама Анна Сергеевна прожила еще семь лет. Умерла она в загородной Кремлевской больнице в августе 1964 года. Гроб для прощания выставили в красном уголке «Дома правительства». Я пришел вместе с Сашей. Собралось не более 15–20 человек. Мы с Сашей постояли у гроба в почетном карауле. Затем меня позвала Светлана Иосифовна, она сидела на стуле среди близких. Рядом с ней находилась, как я догадался, Галина. «Вот, Женя, познакомься, – сказала Светлана, показывая на свою соседку, – это твоя сестра». Галина отвернулась. Я вспомнил поговорку начальника учебного отдела в училище П.П. Прянишникова: «Не протягивай губы, когда тебя не целуют». Я тоже повернулся и отошел в сторону. Стоя в толпе, я затылком почувствовал, что кто-то сзади сверлит меня глазами. Обернулся. Точно. Прямо за моей спиной стояла мать Галины Юлия Исааковна Мельцер. Мне показалось, что ей не терпелось меня задушить. Но поздно. Душить меня надо было раньше, в Урюпинске.

На Новодевичье кладбище ни моя сестра, ни ее мать не поехали. Я поехал! Помянули покойницу в ее квартире. Ее сын Владимир Аллилуев и его жена Светлана организовали поминки. За столом я сидел рядом со Светланой Иосифовной.

Академические будни

А в академии занятия шли по плану. День за днем приближалась защита дипломной работы. Наш курс состоял в основном из офицеров, послуживших в войсках. 30 человек, в том числе и я, были выпускниками общеобразовательных школ. Нам обещали (так было раньше), что присвоят нам звание младших лейтенантов на втором курсе. При переходе на второй курс, как и на последующие, нам повышали стипендию на 100 рублей (с 650), но «прокатили» по присвоению звания офицера. Несерьезность, мальчишество так и перли из нас. Так и дурачились мы все пять лет. Часто приходилось слышать: «когда вы повзрослеете, в конце концов». Вспоминаю зимой в шинелях, с портфелями я и мои друзья Саша Соколов и Олег Григоренко из академии после занятий шли домой. Около метро «Динамо» снегоуборочные машины оставили кучи грязного снега. Олег и Саша, верзилы выше меня, запросто перемахнули одну из них и

стали ждать меня. Собравшись, я разогнался и перелетел кучу. Приземляясь, чуть не сбил мужика. Тот вместо ругани вдруг сказал: «Молодец!» и пошел своей дорогой. Его слова, вернее одно слово «молодец» оказалось для меня сильнее всякой брани. Больше ни я, ни мои друзья. Не прыгали на улице и вели себя как положено курсантам – слушателям академии.

Для практической работы нас вывозили в академическую базу «Кубинка» под Москвой. На фронтовых бомбардировщиках ИЛ-28 стояла радиоаппаратура, с которой мы работали, находя неисправность, заложенную преподавателем. На практику мы выезжали на аэродром около города Коломыя (Западная Украина). На аэродроме базировался полк самолетов ИЛ-28. В этой командировке я с удивлением узнал, что летный состав котируется выше инженерного. Однажды во время ночных полетов повалил мокрый снег крупными хлопьями. Все вокруг померкло, даже огни взлетно-посадочной полосы (ВПП). «Непременно, – подумал я, – отменят полеты». Ничуть не бывало! Летчики шутили: «Сложняк! Двойная оплата!» По-деловому поднимались они по стремянке в кабину. Включали двигатели, фары и скрывались в снежной завесе. Это вызывало во мне искреннее преклонение перед летным составом. Никакого сравнения с нами – обслуживающим персоналом – технарями.

Свобода и смерть Василия

В январе 1960 года позвонил Саша: «Отец приехал. Приезжай». «Слава Богу!», – подумал я, кончился видимо срок и наконец вся семья собралась вместе. Ехал я на Новослободскую с желанием в первую очередь увидеть и познакомиться с самим Василием Иосифовичем. А потом, думал я, при случае, спрошу, почему он не принял меня в траурные дни. Но когда я его увидел, то желание спросить об этом тут же пропало. На улице я бы его не узнал, хотя образ Василия хорошо знал по фотографиям. Вместо статного генерала ВВС в моем представлении, я увидел сильно облысевшего, невзрачного, моего роста жалкого человека. Позже Галина Александровна рассказала о его проблемах с ногами, желудком и сердцем.

В мартовские дни 1953 года Василий был травмирован настолько, что вряд ли осознавал свои поступки. Смерть отца он связывал со своим концом. До меня ли ему было тогда. Тюрьма сделала свое дело, она искалечила Василия, но не сломила окончательно. Он был освобожден досрочно. Смерть узника, сына Сталина, была нежелательна. На Фрунзенской набережной ему

дали трехкомнатную квартиру (взамен особняка), вернули машину «Паккард», выдали 30 тысяч и бесплатную путевку в Кисловодск. Комплект генеральского костюма в дорогу пришлось заново собирать. Надя приезжала на 2-ю Песчаную и забрала две мои военные рубашки с галстуками. После Кисловодска Василий безуспешно просит дать ему работу. От безделья начинает пить и от отчаяния пытается попасть в посольство Китая. К тому же на свою беду совершает ДТП с участием иностранцев. Василия снова арестовывают и уже в апреле того же года опять заточают в тюрьму.

Президиум ЦК решил: «В связи с преступным антиобщественным поведением В.Сталина отменить Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 года о досрочном освобождении В.Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снятия судимости; водворить В.Сталина в места лишения свободы для отбытия наказания согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20.09.1955 года».

В апреле 1961 года Василия высылают в город Казань сроком на 5 лет под фамилией Джугашвили. В Казани ему выделяют однокомнатную квартиру в «хрущевке» на последнем этаже по улице Гагарина в доме № 105. Вместе с ним поселились: его новая жена Мария Нузберг (Шевергина), с которой он познакомился в больнице, и ее две дочери, удочеренные Василием. Побывав на «свободе» менее года, 19 марта 1962 года Василий скончался. О смерти отца мне сообщил Саша. Капитолина Васильева, одна из незарегистрированных жен Василия, вместе с Сашей и Надей ездили на похороны. Светлана Иосифовна не поехала, хотя находилась в Москве. Похоронили Василия в Казани на Арском кладбище. Значительно позже одна из его приемных дочерей перенесла прах в Москву на Троекуровское кладбище, где похоронена их мать. Говорят, на этом кладбище, в основном хоронят чекистов. О перезахоронении отца Саша узнал из газет.

Наследство И.В. Сталина

Позвонила Светлана Иосифовна. Она сказала, что у отца нашли сберегательную книжку на сумму 30 тысяч рублей. «Я решила распорядиться этими деньгами, – сообщила она, – следующим образом: у папы было трое детей. Сумму делим на троих – по десять тысяч. Яша имеет двоих детей. Значит, каждому по пять тысяч. У Васи их четыре, следовательно, каждому по две с

половиной тысяче. Свою часть, 10 тысяч, я забираю себе».

В ответ я поблагодарил ее за столь справедливое решение. «А вот твоя сестра устроила мне истерику. Она считает, что вся доля Якова принадлежит ей, а не какая-то половина».

Что это были за деньги, доставшиеся мне в наследство от великого деда? Черный хлеб стоил 1,35 рубля, белый – 2,80, картошка – 40–50 копеек, говядина 12,8 рубля, сельдь – 9 – 11, сахар – 9,50, водка – 40 рублей, пальто мужское 600–800, велосипед – 600 рублей.

Новый автомобиль «Москвич» тогда стоил 8 тысяч рублей и автомобили были в свободной продаже, можно было еще поднакопить или занять… Но на полученные деньги я решил купить пианино, потому что мама очень хотела стать музыкантом и хорошо играла на многих инструментах, и в молодости даже играла в Урюпинске на пианино при показе немых кинофильмов в кинотеатре.

Завод г. Подлипки

В августе 1959 года окончил академию в звании инженер-лейтенанта ВВС. Направили меня служить в г. Подлипки на завод КБ (конструкторское бюро) «Салют», которое возглавлял Сергей Павлович Королев. На заводе я попал в цех № 39, в котором проверяли ракету-носитель 8к75. В кинофильме «Укрощение огня» хорошо показана эта ракета. В цехе происходили «горизонтальные» испытания всех пяти блоков ракеты: один «центральный» – вторая ступень и четыре «боковушки» – первая ступень.

В должности младшего военпреда я начал свою работу. На территорию завода и в каждый цех можно было пройти по специальному пропуску. Мне, как и всем военпредам, выдали пропуск-«вездеход», т. е. я мог пройти в любой цех завода. Выдали мне также белый халат, металлическую печать и портфель для секретного делопроизводства. «Военная приемка» на заводе имела порядка 50 человек. Кроме офицеров в штате было несколько гражданских лиц, в основном комсомольцы с техническим образованием, юноши и девушки.

Вскоре меня избрали секретарем комсомольской организации военной приемки. Город Подлипки находится в Подмосковье, поэтому одним из первых культурных мероприятий была поездка в Москву в Третьяковскую галерею. Поручил я по желанию двум-трем комсомольцам прочитать необходимую литературу и быть готовыми доложить непосредственно у картин о художниках.

Вспоминается, как мы монтировали сигнализацию в подшефной больнице. Завод изготовил диспетчерский пульт, выделил нам необходимые инструменты, обеспечил проводами. Инженер 39 цеха обаятельный Федя Лухманов дал мне свой «личный пробник» – амперметр с батарейкой для прозвонки цепей. Закончив работу, после ужина поехали по домам. Все инструменты подарили больнице, в том числе и Федин «пробник». Длительное время Федя Лухманов, встречая меня в цехе, каждый раз, широко улыбаясь, спрашивал: «Евгений Яковлевич, а пробник?»…

Работа в цехе обычно была в одну смену. Но, если прижимали сроки, организовывали и вторую. Проверка каждого агрегата (узла) изделия происходила строго по инструкции. Например, приемка рулевых машинок, отклоняющих сопла рулевых камер сгораниях.

Основные – маршевые сопла закреплены неподвижно. В комнате испытателей стоят порядка десяти стоек (по каждому агрегату). Вместе с работником Отдела технического контроля (ОТК) выполняешь написанные операции. Сдача военпреду оформляется подписями в паспорте. При подготовке запуска космонавта в паспорте каждого прибора по диагонали проводится широкая красная полоса: «На борту человек».

Здание 39-го цеха на территории завода выделялось своей высотой. Вначале планировалось проверять блоки в вертикальном положении, но потом отказались. После испытаний блоки погружались в железнодорожные вагоны. Отодвигались высоченные двери-задвижки, и мотовоз по очереди подавал в цех один вагон за другим. С помощью крана, движущегося по стенам цеха, происходила загрузка каждого блока ракеты. Вагоны опломбировывались, выделялась охрана, и состав отправлялся на Восток. Не знаю, кто выдумал «засекретить» полигон, назвав его Байконуром. В Казахстане в самом деле есть такой городок, только он расположен в 500–600 километрах от полигона. В свое время на пустом месте в степи был построен город «Ленинск» – столица полигона, недалеко от железнодорожной станции Тюра-Там.

Первая командировка

Вслед за изделием отправлялась небольшая бригада рабочих и инженеров завода, инженеры КБ «Салют» и военный представитель. Заводская бригада обычно выезжала поездом, инженеры КБ чаще пользовались своим самолетом и давали

такую же возможность нам – военпредам. Первую свою командировку на полигон я летел на самолете. По договоренности все ведущие по своим приборам от разных фирм собирались во «Внуково». Помню, собралось человек 20. Подошел летчик в гражданской форме. По списку отметил присутствующих. Затем, улыбаясь, предложил в течение получаса «погреться» в буфете и удалился. Время было 23 часа.

В буфете познакомился с военпредом-прибористом Станиславом Бакушкиным. Он обратил на себя внимание тем, что в отличие от всех нас, которые заказали по 100 граммов коньяка, он попросил налить ему вино «Алиготе». Так и осталась за ним кличка «Тов. Алиготе». «Согревшись» мы последовали за членами экипажа к самолету, который стоял недалеко от аэровокзала. В самолете занимай любое кресло! Глухо закрывается дверь. В тишине слышно, как начинают по очереди запускать двигатели, увеличивая обороты, самолет медленно трогается. Порулив по аэродрому, мы останавливаемся. В окне за бортом самолета видны огни аэропорта. Наконец взревели моторы, ускорение нарастает, прижимает к креслу, еще минута и я в воздухе. Под крылом поплыла ночная Москва. Как тут не вспомнить песню А. Пахмутовой «Надежда»: «Снова между нами города…»

Через три часа посадка в городе Уральск. Пока заправляли самолет, нас пригласили подождать в аэропорту. Через два с половиной часа были на месте. Выхожу из самолета и попадаю в «духовку». Такое было первое впечатление. Жара – вот что характерно для полигона летом, и холод, ветер с песком – зимой. Необходимые формальности в бюро пропусков, после чего отправляемся на свою площадку № 2.

Площадка № 2 (41 км)

Королевская площадка № 2 находилась в 40 километрах от города Ленинск. Это был небольшой городок, расположенный в стороне от огромного и высокого, порядка 80 метров, здания. Называлось строение Монтажно-испытательный корпус (МИК), точно такой же, как на заводе. По прибытию изделия на полигон, в МИКе его проверяют в том же объеме, как и на заводе (мало ли что могло случиться в пути хотя бы от стыков рельс на 2000-м перегоне). Здесь же проверялась и вся космическая аппаратура. В городе имелось множество подсобных хозяйств: гостиницы, столовая, автопарк, для командировочных бесплатный кинотеатр и т. д. Подсобных площадок на полигоне было несколько, но наша королевская была главной. Отсюда в 1957 году был запущен

искусственный спутник Земли (ИСЗ), отсюда в 1961 году 12 апреля стартовал Ю. Гагарин.

Оборудование

Вернемся к ракете-носителю. После проверки и устранения замечаний отдельные блоки (5 штук) собирают в «пакет» и грузят на железнодорожный кран-укладчик в горизонтальном положении. В центре «пакета» находится «вторая ступень» (центральный блок). Вокруг него крепятся растяжками на пиропатронах «боковушки» – «первая ступень». При подъеме работают обе ступени с самого начала полета. Собранный пакет отвозят на «стартовый комплекс» в 10–12 километрах от МИКа.

«Пусковой стол» стоит на краю громадного котлована, поэтому его иногда называют «козырек». Котлован служит для отвода струй двигателей. Ракету поднимают в вертикальное положение и вставляют в шарниры боковушек четыре опоры подвижных ферм, работающих по принципу коромысла. При их помощи ракета не стоит на столе, а висит. При подъеме опоры освобождаются и уходят в сторону под собственным весом. В «стартовый комплекс» входит еще «бункер» – объект глубоко под землей, из которого производится запуск. На поверхности бункера установлены бетонные столбы-наконечники для разрушения блоков в случае их падения. Пуск производит боевой расчет офицеров.

Для наблюдения полета имелась трибуна под навесом в 3–4 километрах от старта. Она имела проводную «громкую связь» с бункером. За время работы в Подлипках я был свидетелем и неудачных пусков. Например, я видел гибель собачек Белки и Стрелки. Сначала ракета хорошо, то есть штатно по времени, сошла со стола и начала, ускоряясь, набирать высоту. По «громкой связи» в динамике голос оператора:… «Пять секунд. Полет нормальный… Десять секунд. Полет нормальный… Пятнадцать секунд…» Наступила пауза.

Вдруг у одной из боковушек вырвалась черная струя. «Авария», – мелькнуло в голове. Ракета качнулась и стала заваливаться в сторону. Сработало аварийное «отключение двигателей». Движение ракеты стало замедляться, и на мгновение ракета повисла в воздухе. Затем «гвоздем» начала падать. При ударе о землю мы вначале увидели огромный столб огня. Потом над степью прогремел взрыв. Черное облако поднялось над степью. Несмотря на неудачу, был и утешительный факт: ракета упала в стороне, не повредив дорогое сооружение «пускового

стола».

Хозяин площадки

Сергея Павловича Королева – Главного конструктора КБ «Салют» близко я никогда не видел, но слышать о нем приходилось больше чем надо. Первый раз – на заводе в Подлипках. Он пришел в наш 39 цех в окружении работников КБ и завода. Шла приемка одного из боковых блоков. Целая толпа белохалатников вошла в цех, о чем-то поговорили, постояли, посмотрели на нас и затем ушли. Потом много раз я видел Королева на полигоне в МИКе и на стартовой площадке, а также в кинозале, куда он иногда заходил. Сидел один, молча, после просмотра также молча уходил в свой домик. Вид у него был суровый. Я не видел, но говорят, что он выгонял женщин со старта. Женщина на старте – плохая примета. Интересно, как же он согласился на решение Хрущева запустить в космос В. Терешкову. Как Королев реагировал на ее поведение в полете, мы знаем!

Работа в МИКе обычно велась неторопливо. Но как только проходил слух, что прибыл СП (Сергей Павлович) или просто «Король», то все преображалось: все проблемы с бензином в автопарке, со спиртом на складе, со смежниками решались быстро. Помню, как гоняли в Москву самолет за какой-то деталью. Словом, работа закипала и «била ключом».

Сын Н. Хрущева

На нашей площадке я видел еще одного Главного конструктора В.Н. Челомея. Он возглавлял КБ «Филиал № 1». Его команда доводила до ума ракету 8к84. Прибыл он на полигон со свитой, в которой находился сын Н.С. Хрущева Сергей, лауреат Ленинской премии и даже Герой социалистического труда. В 2009 году известный ракетчик В.Н. Бугайский в книге «Эпизоды из жизни Главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем» написал о стиле работы В. Челомея. В. Бугайский длительное время с ним работал и в общении хорошо познал его и как специалиста, и как человека. Он прямо пишет: «…выскочка и авантюрист, пользующийся поддержкой Н. Хрущева» (*Бугайский В.Н.* Эпизоды из жизни Главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем, 2009. С. 68–73).

В.Н. Бугайский в книге раскрывает секрет особого отношения

Хрущева к Челомею. Он пишет: «Сталин в свое время на совещании назвал Челомея «авантюристом в технике» и освободил его от обязанностей Главного конструктора. Оказавшись не у дел, Челомей подвизался преподавателем в МВТУ (Московское высшее техническое училище). Казалось, после этого скандала ему уже не подняться. Умер Сталин, появился Хрущев, который, как известно, питал особые чувства к тем, кого наказывал Сталин». Надо сказать, что по результатам работ трех наших ведущих конструкторов у военных сложилось устойчивое мнение: «Королев работает на ТАСС, Янгель – на нас и Челомей – на унитаз».

Приезд сына Хрущева на площадку естественно вызвал интерес и многие «любители поглазеть на знаменитость», в том числе и я, стали ходить на их совещания, планерки. Хотелось, прямо скажу, послушать лауреата, Героя, как он разбирается в ракетном деле. Но Сергей Никитович ни разу не выступил, тихо сидел в президиуме рядом с В. Челомеем.

Умничать перед такой аудиторией он не решался. Сам он прекрасно понимал, что попал в президиум комиссии благодаря своему отцу, а не по своим научным заслугам. Позже, как только сняли Н.С. Хрущева, в октябре 1964 года, он также был отправлен в отставку. Другое дело сегодня. Ныне обласканный сынок, неудачный ракетчик нашел пристанище в США в роли политолога. Нет, нет, да и появляется на экранах наших телевизоров. То он рассказывает, какой его папа был хороший, то наводит «тень на плетень» по поводу судьбы своего брата Леонида, загадочно погибшего в годы ВОВ. Теперь Сергей Хрущев, после того как его папаша основательно почистил архивы, может смело говорить о брате все, что ему захочется. Ведь недаром Н.С. Хрущев собирался наградить посмертно сына Звездой Героя, да не успел (*Мартиросян А.Б.* 200 мифов о Великой Отечественной войне. За порогом победы. М.: Вече, 2009. С. 286–293).

Изделие 8к75

Ракета 8к75 была создана С.П. Королевым в первую очередь для доставки ядерной боеголовки. Точка попадания на расчетной дальности определялась площадью эллипса. Вытянутую часть площади эллипса определяла инерционная система наведения. Ширина зависела от точности коррекции полета с помощью радиосистемы. Полет проходил в полном молчании радиоаппаратуры. На крайнем участке выведения за пять секунд

до выключения двигателей в эфир выходит сигнал передатчика. На земле в пункте управления определяется место нахождения ракеты. Ее координаты сравниваются с расчетными, и на борт посылается команда «влево-влево» или «вправо-вправо». После коррекции траектории выключаются двигатели, и отделяется баллистическая боеголовка.

Классический запуск 8к75

Запуск изделия венчал работу и КБ «Салют», и всех смежных организаций. Желающие посмотреть собирались на НП, вели разговоры, шутили, поглядывая иногда в сторону ракеты. Если пуск производился ночью, то в темноте черной степи она сильно выделялась своим свечением. За несколько минут до старта по громкой связи звучит первая команда: «Ключ на старт!» Ключ представлял из себя небольшой металлический стержень с плоским округлым концом. На другом конце стержня как у обычных ключей была бородка. Ключ вставлялся в специальное гнездо на стойке (типа шкафа) и по команде «ключ на старт» оператор поворачивал его до упора по часовой стрелке. Этот ключ запитывает (подает напряжение) на борт ракеты-носителя. При этой команде зрители настораживались, но продолжали свои разговоры. Томительно проходит время порядка 3 или 5 минут. Внезапно звучит команда: «Минутная готовность!» Сразу наступает мертвая тишина. Слышен только слабый фон-гудение переменного тока в динамиках. Взоры людей устремлены на освещенную стартовую площадку. После небольшой паузы звучит команда: «Протяжка один!» Пошла запись многоканальной телеметрической аппаратурой со всех датчиков ракеты-носителя (давление в камерах сгорания, в баках, в углах поворота рулевых машинок и т. д.). Эти записи контроля в полете передаются с помощью телеметрического радиоканала. В случае аварии они помогут определить причину. Если нет замечаний, то следует команда: «Протяжка два!» Движение ленты увеличивается до штатной скорости. От ракеты отходит подпитывающая жидким кислородом кабель-мачта. Затем следует команда: «Пуск!» Включается автомат запуска двигательной установки. Все! На этом операторам остается только смотреть и фиксировать работу автоматической системы. Оператор на пульте видит, как проходят следующие команды: «Зажигание!» – воспламеняется горючее (керосин и жидкий кислород) в камерах сгорания; «Предварительная!» – двигатели работают на половину мощности; «Главная!» – двигатели вышли на максимальную тягу

и затем «Подъем!», после которой происходит отрыв ракеты от пускового стола.

После яркой вспышки по команде «Зажигание!» площадка погружается в облако серой пыли и накрывают ракету. Но через секунду показывается ее голова. Только сейчас мы, зрители, услышали грозный рев двигателей. Вылезая из облака, ракета озарила местность свечением своего огненного хвоста и, ускоряясь, уходит в черное небо. Она уходила с ревом и каким-то треском. По громкой связи шел отсчет секунд полета. «Десять секунд – полет нормальный… 20 секунд – полет нормальный… 40 секунд – полет нормальный…». А тем временем ракета уходила все выше и выше, и хвост ее становился все бледнее и бледнее и вскоре превратился в белую точку. По громкой связи счет прекратили на 120-й секунде и сообщили: «Разделение». Отстрел первой ступени – четыре боковушки. В результате белая точка оказалась в светящемся кресте еще работающих двигателей первой ступени. А вторая ступень – центральный блок продолжала полет, набирая нужную скорость до полного исчезновения.

Гибель маршала ракетных войск стратегического назначения (РВСН) Неделина М.Н.

Были и трагические случаи. Например, гибель Маршала Ракетных войск Митрофана Ивановича Неделина. Нам рассказали в Москве наши коллеги другого КБ. Готовился запуск двухступенчатой боевой ракеты. В отличие от нашей, в которой компонентами топлива были керосин и жидкий кислород, боевая ракета была заправлена новым токсичным топливом – гиптилом. Задолго до старта Маршал прибыл на площадку и наблюдал за подготовкой. Неожиданно заработал двигатель второй ступени. Он мгновенно прожег бак первой ступени, пламя охватило всю ракету. Последующим взрывом была уничтожена ракета и весь персонал, находящийся на фермах обслуживания. Кто не сгорел, те умерли от удушья парами гиптила. Говорят, приезжал сам Л.И. Брежнев. О Неделине в печати было краткое сообщение, что погиб в авиационной катастрофе.

Сухой закон – не помеха!

Водка на полигоне официально не продавалась даже в столице г. Ленинск. На праздники на семью офицера продавали

по две бутылки. Однако, при желании, водку всегда можно было достать. Никаких заборов и границ в степи не поставишь. На машине по степи можно проехать в любой населенный пункт к казахам. Бери хоть ящик. Это если ехать далеко. Рядом перекупщики казахи набавляли цену. У рабочих нашего завода был свой источник – спирт, который выдавался для промывки контактов штекерных разъемов. Согласно инструкции бригадиру выдавалось определенное количество спирта. Бригадир к положенным по инструкции 5-ти литрам спирта приписывал еще 5 и получал 10 литров чистого медицинского спирта.

Хранили его в канистре, а для мелких расходов переливали в стеклянный графин и запирали в небольшой настольный сейф. Помню, дело было зимой: двое рабочих сильно промерзли на улице и решили перед обедом «дернуть», чтобы согреться. Кинулись к бригадиру – он уехал и увез ключи от сейфа. Не долго думая, они из нержавейки сварили поддон типа корыта. Поставили его на цементный пол. Подняли сейф и грохнули его об пол в это корыто. Графин естественно разбился, а спирт весь оказался в поддоне. Сейф поставили на место для порядка. Пьяных на работе я не встречал. В гостинице всякое бывало. Одно время начальство ставило вопрос о замене медицинского спирта (этилового) на метиловый. С.П. Королев даже запретил говорить на эту тему, опасаясь несчастных случаев. От метилового спирта у человека возникает слепота, а иногда наступает смерть.

Быт и отдых

Завтракали и ужинали мы обычно в гостинице. Обедали в единственной столовой, она была для военнослужащих, которые на мотовозе приезжали из Ленинска, для командировочных и просто желающих пообедать. Каждый раз столовую приходилось брать штурмом. К открытию дверей у столовой собиралось не менее пятидесяти человек. За минуту до открытия стоящие у дверей начинали барабанить в дверь. Открывающий дверь очень рисковал быть сбитым ворвавшейся толпой. После прорыва все устремлялись к подносам. Громыхая, они забирали их и становились в очередь на раздачу. Зимой вначале бросались к вешалке, военные скидывали с себя шинели, приезжие – куртки, в общем, верхнюю одежду и уже потом занимались подносами. В такой суматохе у одного «ротозея» – полковника из Управления МО сперли дубленку.

По воскресеньям, если не было работы в МИКе, мы, правда, очень редко, ездили в Ленинск на пляж искупаться. Пляж в

воскресенье представлял собой муравейник. Практически вся молодежь города, а Ленинск – город молодых, находилась на пляже. Оборудование пляжа мне напоминало пляж в Урюпинске, из-за отсутствия всякого оборудования. Но были различия. В Урюпинске на пляже белый песок, чистая вода. На другом берегу Хопра крутой обрывистый берег, дубовый лес. Здесь везде серо-желтый песок, что на дорогах, что на пляже. Высоту противоположного берега было трудно определить: то ли метр, то ли полтора. Вода в Сырдарье просто мутный поток. Но зато сколько же здесь солнца! Его было навалом, от него пылало все вокруг. Даже вода не давала прохлады. Как потные приехали, так и уезжали потными. Газированную холодную воду здесь продают не стаканами, как у нас в Москве, а пол-литровыми банками. Выпили по две банки и поехали обратно. Спрашивается: ради чего тащились 40 километров? Оказывается, тащились «ради интересу».

Тюльпаны

Обычно командировка длилась порядка одного месяца. За каждые сутки полагалось по три рубля, и общая сумма выплачивалась в день отъезда. Какой-то умник-крохобор установил «закон»: день приезда и день отъезда оплачивать как за одни сутки. Если вначале радовала новая обстановка, то в конце все надоедало. Интересно, как космонавты, находясь в корабле более месяца, не сходили с ума. А о пребывании их по полгода и говорить не приходится. Только за это можно сразу давать героя. Это я к слову, а сейчас вернусь к отъезду.

Окончив работу все командировочные «уматывают» домой в основном поездом (трое суток в пути до Москвы). Некоторые, в том числе и я, улетали самолетом Аэрофлота. Попасть в списки такого самолета мне помогал бывший летчик Евгений Николаевич Орлов – сотрудник КБ «Салют» по перевозкам (работал у Василия Сталина до 1953 года).

В марте и начале апреля в степи Казахстана происходит настоящее чудо. Вся степь покрывается разноцветными тюльпанами. Дикие, степные тюльпаны не похожи на парниковые. Они небольшие, с длинным корнем и имеют большие зеленые листья. Их приятно держать в руках. В дорогу их выкапывают с еще не распустившимся бутоном. Однажды я привез целый букет таких тюльпанов своей супруге Нане.

Военная приемка радиозавода

В коллективе военного представительства завода было три офицера, с которыми у меня сложились дружеские отношения. Это были: Валерий Прусс – неторопливый и рассудительный аристократ, его манерам разговора можно было позавидовать. Будучи женатым, он представлял идеального семейного человека. Володя Сясько также был женат на прелестной Леночке. Он рассказывал мне, что в период ухаживания за Леной они устраивали встречи на вокзале. По прибытию поезда они, как и все встречающие на перроне, целовались. Свою жену Владимир Борисович ласково называл «малый» за ее твердый, мужской характер. «Малый» давал «добро» или «запрет» на все мероприятия. «А малый знает?» – всегда спрашивал я. И наконец Володя Плоткин, перспективный и думающий офицер, отличался в среде офицеров своей воспитанностью и скромностью.

Вместе с Сясько я подружился с гражданским инженером военной приемки Валентином Свиридовым по прозвищу «генерал». В приемке только мы – я и Володя – называли Валентина генералом, поскольку он был нашим другом. Добрый по своей натуре и покладистый во всем, он старался произвести солидное впечатление, только не всегда получалось. Однажды на работу «генерал» пришел с намотанным на горле шарфом. Никто бы не обратил на это внимания, если бы не его оглушительный кашель. В горле что-то першило и ему приходилось время от времени, извиняясь, с надрывом это устранять.

В тот день наш начальник районный инженер устроил совещание в своем кабинете. Коротая время в ходе совещания В. Сясько без задней мысли просто кашлянул в кулак. Недалеко сидящий «генерал» пригрозил ему кулаком. Сообразив, в чем дело, Сясько шепнул мне. Немного погодя я тоже кашлянул в кулак, но значительно громче. Мы стали провоцировать «генерала» на его коронный кашель. Он долго держался. Наконец, так бабахнул на весь кабинет, аж форточка захлопнулась. Все вздрогнули. «Извиняюсь», – сказал «генерал», поднимаясь и сверкая глазами.

Снова в Грузию

Собираясь в отпуск всегда помнил слова второго секретаря Горийского района Реваза Александровича Бзишвили: «Приезжайте почаще, привезите своих друзей». Первое время мы с ним были на «вы». К 1962 году его избрали первым секретарем Горийского райкома партии. В отпуск собирался и Володя Плоткин в свой любимый Крым. Мне удалось его уговорить на

недельку «заскочить» в Грузию. Во-первых, вдвоем веселее, а во-вторых, он никогда не бывал в Грузии.

Предварительно я дал телеграмму Р.А. Бзишвили на предмет, как он смотрит на наш приезд. Ответ я получил немедленно: «Мы вас ждем». Эту телеграмму я храню до сих пор. Далее все пошло как в калейдоскопе. Снами постоянно находились Отари и Лейла Коринтели, их дочь Лиана, сын Миша и сестра Лейлы Лаура. Наш гость Володя Плоткин вначале был, по-моему, в восторге. Но потом каждодневные застолья ему надоели. Дня через два-три нас поместили в г. Боржоми в доме отдыха «Плато». «Ну, слава Богу, – сказал Володя, – теперь-то уж точно отдохнем». Но, сказав это, он поторопился.

Боржомские ребята также умели «держать марку». Куда нас только ни возили и везде застолье. В доме отдыха нас перехватывали отдыхающие. Какой отдых. Володя стал проситься, чтобы его отпустили домой. Однажды в очередной раз приехала компания. Володя наотрез отказался куда-либо ехать: «Ты давай езжай, – обратился он ко мне, – а я здесь побуду». Тогда один из приезжих обратился к нему: «Ну, хорошо, дорогой, понимаем тебя, а в библиотеку прокатиться можешь?» – «В библиотеку, – удивился Володя, – конечно не откажусь». Поехали. Приехали и стали подниматься по ступенькам вверх. Вдруг Володя толкнул меня в бок со словами: «Смотри!» Я поднял голову: перед нами крупными буквами висел транспарант «Ресторан». А рядом, еще невысохшей краской на фанере была надпись «Библиотека». Мы с Володей догадались почему «испортилась» машина по дороге на полчаса. Делать нечего. Снова пришлось садиться за стол. Через день Володя уехал.

Дом отдыха «Плато»

Директор дома отдыха Ной Гонгладзе оказался легендарной личностью – был одним из тех военнопленных, которые на острове Тексель (Голландия) подняли восстание в 1945 году.

Не очень охотно директор все-таки рассказал о своей одиссее. Коротко она выглядит примерно так. Немцы во время войны из советских военнопленных создавали национальные боевые легионы (армии) – казахский, киргизский, латышский и т. д. Грузинский легион был создан в 1941 году. Гитлер не особенно доверял этим легионам и часто переправлял их в глубь оккупированных территорий.

В 1943 году 88-й грузинский батальон в количестве 800 человек был передислоцирован на голландский остров Тексель. В

апреле 1945 года батальон восстал и захватал остров. Пятитысячный десант немцев потопил в крови это восстание. Ною Гонгладзе было непонятно, почему англичане только обещали помочь восставшим высадкой десанта. «Обещали, – говорит директор, – на третий день восстания, однако никакого десанта не последовало. До 15 мая 1945 года никто на острове не знал, что война окончилась. Только 20 мая высадились канадские солдаты и заставили немцев сложить оружие».

В живых осталось 288 человек, которые были прощены и вскоре отправлены в СССР. Директор организовывал всякие встречи. В первую очередь я был представлен первому секретарю Боржомского района Джибо Николаевичу Ломашвили. Именно он впервые предложил мне попробовать ханш. Это блюдо из сваренной требухи желудка и копыт коровы. Не сразу пришлась мне по вкусу эта похлебка, если говорить дипломатично.

Джибо Николаевич Ломашвили и начальник курортного управления г. Боржоми Вахтанг Хуцишвили организовали поездку в город-крепость Вардзия – пещерный монастырский комплекс 12–13 веков. Вардзия – выдающийся памятник средневекового зодчества Грузии с сотней помещений и переходов между ними, высеченных в горе, трапезными, кельями, кладовыми и винными погребами.

Вардзия включает в себя 15 церквей. Монастырский комплекс играл важную роль в политической и культурной жизни Грузии. Он также использовался в целях обороны. В восточной части Вардзия находится тайный тоннель, который ведет к реке. В 1938 году комплекс был объявлен музеем-заповедником, а в 2007 году Минкультуры Грузии представило в ЮНЕСКО список из 15 памятников культуры и природы, в том числе и Вардзия. Город в скале начал строить грузинский царь Георгий III – отец Тамары. Строительство завершила она. Из Вардзии царица Тамара осуществила несколько успешных походов в Турцию. Ходит легенда, что опасаясь места турок и других врагов Грузии, ее хоронили в нескольких гробах и в разных местах. Но так похоронили, что до сих пор отыскать ее могилу не могут. Город-крепость был неприступным. Однако турки все-таки взяли его благодаря землетрясению и, как говорят, предательству жителя города. По дороге Джибо Николаевич разрешил мне сесть за руль, и я до сих пор помню свой восторг от этой поездки.

Нана Нозадзе

Ной Гонгладзе также познакомил меня с хашурскими

товарищами. Среди них оказался Тенгиз Джапарашвили, он был холост, и мы подружились. Однажды он приехал и пригласил меня в Тбилиси на футбол. Для меня, москвича, ехать на футбол «за тридевять земель» (до Тбилиси 180 км) было странным желанием. Но возможность еще раз побывать в столице, я упустить не хотел. Не помню, кто играл с тбилисским «Динамо, но победило наше «Динамо». Отметить решено было у родственника Тенгиза Аполона Нозадзе. Это ему мы были обязаны за купленные билеты на стадион. Оказалось, что он отмечает годовщину рождения своего сына Кахи. В квартире собралось более 50 человек. Молодых девушек посадили прямо напротив меня. Хозяин, Аполон, рассаживая их, пошутил: «Евгений, выбирай!» Когда я входил в квартиру, то за руку знакомился с этими девушками. Одна из них при соприкосновении наших рук вдруг отдернула руку. Оказывается, ее ударило током. Весь вечер я практически не обращал внимания на девичий цветник. Я внимательно слушал тамаду, который, видимо, ради меня, говорил частично по-русски. Я проходил «свои университеты»! Наблюдал, как надо вести себя за столом, как класть на стол грузинский хлеб, что говорить и когда. Ночевал я тут же на раскладушке, стоящей в стороне от стола. Наутро я заметил, что одна из «пострадавших» девиц пришла помочь в уборке, помыть посуду. На этот раз, сидя на раскладушке, я рассмотрел эту девушку повнимательнее, и после завтрака, когда Тенгиз решил показать мне Тбилиси, я попросил взять с собой эту помощницу. Нана долго не соглашалась, «не все убрала», Аполон ее уговорил. Села с Нателой – женой Аполона. В заключение осмотра Тбилиси заехали перекусить перед дорогой на гору Мтацминда в ресторан. Мне сказали, что ресторан построен по указанию Л.П.Берии. Грандиозный вид открывался отсюда. «Особенно большое впечатление при обзоре, – рассказывал Аполон, – получаешь ночью, когда огни домов и фонарей напоминают угли от большого костра, а некоторые, говорят, сравнили ночной Тбилиси со звездным небом, упавшим к подножью горы». Спускаясь с горы, я попросил заехать к Нане за ее фотокарточкой. Получив фотографию, я благополучно вернулся в Боржоми на Плато в дом отдыха.

Находясь один в комнате (Володя уехал), я частенько подходил к фотографии, которая стояла на тумбочке, и внимательно вглядывался в черты лица, которые мне все больше и больше хотелось видеть. Отари Коринтели привез огромный ящик с грушами, яблоками и персиками. Предложил прокатиться в Гори. Но меня уже тянуло в Тбилиси. Тенгиз Джапарашвили возил по боржомским окрестностям, на теплый источник в

Ахалдаба. Там теплая вода била из-под земли. Местные мужики соорудили бассейн и баню. Искупался в бассейне и я. Говорили, что зимой эффект горячей воды при падающем снеге незабываем. Тепло меня встретил первый секретарь г. Хашури Заал Абазадзе. А однажды Тенгиз повез меня ночью посмотреть, как хашурские рыбаки ловят в Куре рыбу. Идея простая: рассыпают специальный порошок сверху по течению. Рыба как бы в полусне плывет вниз по течению и попадает в сети, натянутые поперек реки. Однако мои мысли тянулись в Тбилиси. Тенгиз несколько раз находил дело в Тбилиси и заезжал за мной. А отпуск заканчивался. В очередной приезд в Тбилиси поехали к Нане домой. Все вместе поднялись на Мтацминда. В машине были Тенгиз, я, Аполон с женой Нателой и Нана. Я попросил ее пройтись со мной по площадке, с которой обычно туристы любуются панорамой города. Было темно, внизу пылал огнями Тбилиси, доносилась музыка из ресторана. Тут, на фоне всего города, я сделал ей предложение. Она после некоторого замешательства вдруг заплакала. Аполон и его жена бросились к ней. Кто знает, что выкинул москвич. Когда она им сказала причину, тревога на лицах Аполона и жены превратилась в улыбку до ушей. Тенгиз предложил немедленно отметить, тем более ресторан рядом.

Никакого ответа в тот вечер я не получил и уехал в Боржоми ни с чем, но с твердой уверенностью не отступать. В следующий раз, примерно через неделю, Тенгиз привез меня к ее родителям: отец – Георгий Семенович, мать – Маргарита Алексеевна, брат Гиви и сестра Эди с сыном Леваном. Отец на пенсии, мать – домохозяйка. Жили они в небольшом доме, занимая часть дома из двух комнат. Имели пристройку, где располагалась одна небольшая комнатка и миниатюрная кухня. Потом я узнал, что под пристройкой Георгий Семенович соорудил «маран» для хранения вина. Одним словом, согласие было получено.

Смотрины

По пути в Боржоми решил заехать в Гори к Р. А. Бзишвили. Он и его жена Тамрико внимательно выслушали мой рассказ о знакомстве с Наной Нозадзе и моем решении жениться. Они поинтересовались, хорошо ли я знаю эту семью. Ясно было, что толком я ничего рассказать не могу. «Вот что, – подумав, сказал Реваз Александрович, – поедем обратно, я хочу посмотреть на эту семью». На райкомовской «Волге» помчались в Тбилиси. На обратном пути Р. А. Бзишвили долго молчал. Его что-то смущало. «Девочка она хорошая, симпатичная, образованная, окончила

университет, – начал тихо он, – семья грузинская, в этом нет сомнений. Но очень трудно будет вам с точки зрения материального вопроса». Я ответил, что и сам не богат, всего лишь старший лейтенант. «Добро, – сказал Реваз Александрович, – свадьбу справим в Гори».

В своем доме стол накрыть взялась семья Коринтели. Новые горийские друзья Отари Чигладзе («Котана») и Тенгих Инаури (Троко) также приняли участие. Мой дядя Виктор Васильевич Рахманов и его жена Вера Павловна в это время по путевкам отдыхали в Боржоми. Послали и за ними машину. Но они сами приехали на «ЗИМе» Тенгиза Джапарашвили. В райкоме Р.А. Бзишвили, обнимая, поздравил меня и Нану. Затем повел в ювелирный магазин за кольцами. Но был выходной день, и магазин оказался закрытым. Послали за директором, но вернулись без него – директор уехал в Тбилиси. Милиция вскрыла магазин, и Бзишвили подручными средствами вскрыл один из стеллажей и подобрал нам золотые кольца. В ЗАГСе отсутствовала работница, регистрирующая брак. Поехали за ней. Привезли! Зарегистрировали нас с Нанулей 6 октября 1962 года.

В книге регистрации поставили свои подписи, официально приглашенные свидетелями» невесты, подруги Наны с детства – Элеонора (Нора) Гвритишвили и Цицина Даушвили. Они вместе учились в 57-й школе города Тбилиси, в университете, были рады за свою подругу. Однако, как и все родственники невесты, не могли не беспокоиться о дальнейшей судьбе Наны в далекой Москве. Ведь вся подготовка прошла по-военному – быстро.

За столом тамадой был избран первый секретарь Боржомского района Д.Н. Ломашвили. Позже тамаду вызвал в Тбилиси первый секретарь ЦК КП Грузии В.П. Мжаванадзе. Политработник В. Мжаванадзе после войны служил в Киевском военном округе. Женился на Виктории Петровне – родной сестре Нины Петровны Хрущевой. Под крылом свояка Никиты Хрущева вначале дорос до генерал-лейтенанта, а потом «как снег на голову» для грузинского народа был «единодушно избран» Первым секретарем ЦК КП Грузии. Аговорят, что чудес не бывает.

«Что Вы себе позволяете? – начал В. Мжаванадзе. В Гори на свадьбе поднимаете тост за Сталина. Вы что, не знаете решения партии о культе личности?» – «Знаю, – ответил Д. Ломаптвили. На свадьбах, по нашему обычаю, поднимают тосты за предков жениха и невесты. Ачто мне делать, если дед нашего жениха Сталин?».

Квартира

Квартирный вопрос вскоре встал передо мною, поскольку жилье моего тестя, в котором мне придется жить, находясь в Тбилиси, было крайне убогим. Идти в Совет Министров Грузии я не хотел, потому что председателем Совмина был Г.Д. Джавахишвили. В то время многие грузины – жители Тбилиси осуждали его за недавнее выступление в Москве по поводу выноса Сталина из Мавзолея. Подстроил выступление сам Н. Хрущев. Он опасался, что первый секретарь КП Грузии, его свояк В.П. Мжаванадзе, неизвестно откуда привезенный, своим выступлением вызовет в республике взрывоопасную ситуацию. Вот те же слова пусть скажет председатель Совета Министров Джавахишвили – авторитетный государственный деятель.

Вот почему вдруг и внезапно «заболел» В. Мжаванадзе. Но квартирный вопрос надо было решать, и я пошел в Совмин. Вскоре тесть Георгий Семенович получил ордер на трехкомнатную квартиру. Однако переезжать родители жены не торопились. Причина состояла в том, что квартира находилась на последнем восьмом этаже. Поднялся я пару раз пешком в эту квартиру и понял, что надо делать обмен. Проблема с лифтами в Тбилиси существует и по сей день. Обращаться снова в Совет Министров я не посмел. Квартира пустовала длительное время.

Джумбер Ильич Патиашвили

В те годы секретарем ЦК КП Грузии по сельскому хозяйству был Д.И. Патиаптвили. При знакомстве Джумбер Ильич сам рассказал, что учился в одной школе с моей женой. У нас сложились почти дружеские отношения во время довольно частых встреч. Я докладывал ему о своей работе, говорили о Василии, Светлане, об их детях и наших прохладных отношениях. Никогда не касались политики. Д.И. Патиашвили, хоть и был как все карталинцы открытым и прямым, но со мной, в моих же интересах, избегал политических тем.

Но однажды, не помню зачем, я заехал в подсобное хозяйство ЦК в районе города Мцхета. Патиашвили находился там с высокими гостями из Москвы. Это было заметно по черным машинам «Волга» и машине «Чайка».

Джумбера Ильича я застал в саду. За столом он сидел один и слушал портативный приемник. Кивком головы он поздоровался со мной и какой-то задумчивый продолжал сидеть. После паузы он вдруг медленно проговорил: «Кто нами правит». Затем встал и ушел видимо к отъезжающим гостям. Эту фразу он сказал мне один на один. Не скрою, мне было лестно, что Джумбер Ильич

хотя бы так дал мне понять свое отношение к кремлевской власти.

В очередной отпуск я решился с квартирным вопросом обратиться к Патиашвили, хотя о разговорах в ЦК на эту тему, как говорится, даже не заикался. Выслушав меня, он обещал подумать. Закрыв эту тему, разговор пошел о Нане – как она чувствует себя в Москве, с кем общается, где работает. Вдруг он спросил: «Ты с Эдуардом Амвросиевичем знаком?» Я ответил, что нет, не знаком. Он тут же позвонил по телефону. Я понял, он звонит Шеварднадзе. Переговорив пару минут, он сказал: «Пойдем, он ждет». Было лето. В Тбилиси принято военным не носить галстуки, чего нельзя было сказать про Москву. Я подумал, что без галстука идти к первому секретарю неприлично, и сказал об этом Джумберу Ильичу. Посмотрев на меня, он махнул рукой. Помню, было часов 10 вечера. Идя по коридору, Джумбер Ильич предупредил меня, чтобы я ничего у Шеварднадзе не просил. «Хорошо», – ответил я.

Это было время, когда Л.И. Брежнев поощрял написание мемуаров советскими полководцами. Вышли воспоминания А.М. Василевского, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко, И.Х. Баграмяна и т. д., увидели свет и книги советских конструкторов А. С. Яковлева, В.Г. Грабина. Казалось, что все идет к переоценке Сталина, данной в докладе на 20-м съезде партии Н. Хрущевым. В приемной секретарша смотрела телевизор с сильно приглушенным звуком, молча кивнула головой Джумберу Ильичу, который уже шел к двери Шеварднадзе. В кабинете первого секретаря также была полная тишина, горела на его столе лампа. Эдуард Шварднадзе сидел и работал с какими-то бумагами. Увидев нас, он встал, поздоровался со мной за руку и предложил сесть. Мы сели напротив, по обе стороны. Вначале, рассмотрев меня, он сказал: «Я Вас слушаю». Помня слова Патиашвили «ничего не просить», я коротко рассказал о своих успехах в Москве (поступление в адъюнктуру, получение очередного воинского звания, о супруге и т. д.). В заключение своего «отчета» я сказал: «Эдуард Амвросиевич, в Москве у меня проблем нет». Наступила пауза. Прервал ее Шеварднадзе: «А в Тбилиси есть?»

Здесь я многозначительно посмотрел на Д. Патиашвили: дескать, сами видите, я не виноват, и выложил мою квартирную проблему. В этот раз мне было легче по сравнению с тем, когда я был у Г.Д. Джавахишвили, там вопрос решался с нуля. Здесь же оставалось только обменять уже имевшуюся у меня трехкомнатную квартиру на равноценную этажом пониже. Никакого обещания Э. Шеварднадзе не дал. Однако вскоре мой тесть – персональный пенсионер Георгий Семенович Нозадзе (на

него была записана предыдущая квартира) получил ордер на трехкомнатную квартиру на третьем этаже нового дома на Проспекте Чавчавадзе.

Несомненно, спасибо Э. Шеварднадзе, что быстро был решен мой вопрос. Но особую благодарность я адресую Джумберту Ильичу. Это он позвонил, привел меня в его кабинет и представил. А его слова «ничего не проси» – это дипломатия работников аппарата ЦК. Джумбер Ильич вел меня для знакомства, и просить «с порога» было бы не совсем хорошо для меня. Он всей душой хотел мне помочь, а после получения квартиры интересовался ходом ремонтных работ. Что касается Шеварднадзе, то Эдуард Амвросиевич видимо полагал, что маятник в поношении Сталина может пойти в обратную сторону. Он умел всегда держать «нос по ветру». Не зря был назван «белым лисом». Например, после 20 съезда партии в конце 50-х годов он работал в Кутаиси первым секретарем комсомола. На одном из праздников города мне предложили познакомиться с Э.

Шеварднадзе. Но как только он узнал, с кем его хотят познакомить, то мгновенно исчез в толпе. Его затылок остался у меня в памяти до сих пор. Авот при Брежневе он принимает внука Сталина, помогает решать его проблемы и солнце для него уже всходит не с Востока, а согласно его словам, непременно с Севера.

Тбилремонт

В квартире решили сначала заменить входную деревянную дверь, чтобы не разворовали сантехнику. Друг Жора Магулария знал все: где делают железные двери, кто и как делает. «Жека, – сказал он, – надо на авиационный завод и прямо к директору». Я предложил ему «спуститься на землю» и поискать, скажем, какого-нибудь слесаря или бригадира. В то время не было как сейчас фирм по изготовлению дверей, делали кустарно по знакомству. «Тебе нужна хорошая дверь? – спрашивал он. – Тогда пошли к директору». Этот разговор произошел уже в проходной завода.

Директор авиационного военного завода Важа Шалвович Тордия оказался молодым человеком, не похожим на недоступного чиновника. Небольшого роста, светловолосый и был одет как все – простой пиджак и простая сорочка с галстуком. Создавалось впечатление, как будто совсем недавно после института его из конструкторского бюро перевели на эту должность. То есть он не походил на хамоватого чиновника,

внушающего страх своим подчиненным. Словом, встреча состоялась, дверь была сделана и поставлена.

Мало того, что Важа Шалвович прислал бригаду рабочих для перепланировки квартиры, так еще и регулярно приезжал проверять работу.

Индико Самсонович Антелава

Шота Кванталиани – ярый сторонник Сталина, в Москве познакомил меня с Индико Антелава. Парень из Зугдиди приезжал в столицу за товаром для небольшого магазина, где он был директором. Как-то он поинтересовался, был ли я в Менгрелии, и очень удивился, что я там не бывал: «Вот приедешь в Тбилиси, приезжай ко мне в Зугдиди, я покажу тебе Менгрелию». И действительно, мне пришлось много раз бывать у него дома. Вначале он принимал меня холостяком, потом он женился на Люлико, которая подарила ему двух прекрасных дочурок, Маку и Нану.

Показывать свою Менгрелию Сасонович начал сразу в собственном доме. К моему удивлению хашламу (сваренные куски говядины) там подают в холодном виде. Везде в Грузии хашламу только в горячем виде прямо из кипящего котла подают на стол. «Так у нас принято», – сказал хозяин. Авот хаши подаются с кувшином молока. Каждый наливает в свою тарелку с хаши молока, сколько захочет. Если холодную хашламу я не оценил, то был в восторге от хаши с молоком. С тех пор в Тбилиси, если дома готовился хаши, я непременно подливал в тарелку молоко, по-менгрельски.

Общаясь с Индико и его друзьями, я увидел, что менгрелы очень предприимчивые люди. Они быстро схватывают суть дела и быстро его решают. Обмануть менгрела невозможно. Поэтому цыганам у них делать нечего. Себя они считают грузинами, но по характеру не похожи на открытых карталинцев или рассудительных кахетинцев, и уж, тем более, совсем не похожи на медлительных рачинцев. Имеют свой язык, но не имеют письменности. В любой толпе они быстро находят друг друга и сразу переходят на свой язык.

В Зугдиди я побывал на бумажной фабрике. Впервые видел технологию производства бумаги. Особенно мне понравилось дробление деревянных поленьев в мелкую крошку. Осмотрели знаменитую ГЭС на р. Ингури, спустились даже в подземные сооружения управления станцией. Ездили в Поти, Анаклия и в другие населенные пункты, навещали его друзей и

родственников. Один родственник во время нашего приезда вдруг схватил нож и бросился в коровник. Он хотел в честь нашего прихода зарезать теленка, еле-еле уговорили его не делать этого.

Самсонович непременно знакомил меня с «большими людьми» и своими друзьями. Так он познакомил меня с директором Ингурского целлюлозно-бумажного комбината Пацация Отари Амбаковичем, первым секретарем Менгрелии Бондо Серапионовичем Чикия, Председателем городского совета Отари Читанава, которого из-за его роста и массивной фигуры прозвали «Спило» (слон). Отари Читанава отличался своим юмором. Например, он как-то за столом в компании показывал, будто убитый горем, свою записную книжку. Оказывается, его жена Луара ножницами аккуратно вырезала из нее подозрительные ей номера телефонов. Показывая веером развернутую книжку, он в отчаянии говорил: «Ну, как я теперь смогу работать!» А однажды во время спора прямо с трибуны бросил своему оппоненту: «Тебе нельзя курить!» – «Это еще почему?» – удивился тот. – «Потому что у тебя голова деревянная и может случиться пожар».

Когда Индико узнал, что Шеварднадзе решил мой квартирный вопрос, он тут же предложил свои услуги: «Каштан, – со знанием дела говорил он, и красивее и более долговечен». Он предложил использовать каштан для изготовления оконных рам и межкомнатных дверей. Вместе с Жорой Магулария мы поехали в Зугдиди. Индико нас ждал уже с досками. Наняли грузовую машину, загрузили и поехали в Тбилиси. Грузовую машину пустили вперед. Беспокойный Жора всю дорогу нервничал: «Пусть только попробуют остановить», – повторял он каждый раз, подъезжая к посту ГАИ. Но никто, к огорчению Жоры, не остановил. Магулария с досады даже плюнул. На авиазаводе груз поместили в сушилку, затем доставили на квартиру.

Глава 2
Сын И.В. Сталина

Письмо из Белоруссии

Осенью 2004 года получил письмо из Белоруссии. Терещенко Виктор Демьянович сообщает, что фронтовики п/о Копти Витебского района соорудили памятник Якову Иосифовичу Джугашвили. Просил выслать фото отца. «По документам, именно здесь воевал сын Сталина», – пишет В.Терещенко. В письме была приложена фотография самого памятника. Немедленно подготовил фотографию нужных размеров. Выбрал фото, где Яша сфотографирован сразу после окончания Артиллерийской академии имени Дзержинского, то есть перед самой отправкой на фронт. Через некоторое время получаю второе письмо: «Евгений Яковлевич! С коммунистическим приветом – Виктор Терещенко. В эти дни, начало апреля, на памятник Якову Иосифовичу Джугашвили монтирую портрет Якова, присланный Вами осенью прошлого года. Портрет вместился рядом с орденом Отечественной войны. Получается вроде нормально. В этом году страна отмечает 69-летие победы и жители поселка Копти, ветераны войны обращаются ко мне с вопросом: «А приедет к нам когда-нибудь Евгений Яковлевич? Очень было бы красиво, если бы Вы навестили наш воинский мемориал в удобное для вас время. Это дало бы хороший резонанс».

Таким образом, в Белоруссии ветераны первые вынесли свой вердикт – Яков погиб в бою и соорудили ему памятник с надписью: «Здесь в июле 1941 г. защищал Витебскую землю от немецких захватчиков командир артиллерийской батареи старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович – сын И.В. Сталина».

Генерал-лейтенант А. Сергеев

То, что Яков погиб в бою, утверждает и генерал-лейтенант А. Сергеев. После гибели его отца – Артема, ближайшего соратника Сталина, во время Гражданской войны, Артем Сергеев воспитывался в семье Иосифа Виссарионовича. В своей книге «Беседы о Сталине» он пишет: «Старший сын Сталина Яков ушел на фронт, воевал. Он долго считался пропавшим без вести, потом

якобы оказался в плену. Но нет ни одного достоверного подлинного документа, свидетельствующего, что Яков был в плену. Вероятно, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, немцы нашли при нем его документы и устроили такую игру с нашими соответствующими службами. Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моем партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение – фальшивка это или нет, ничего сразу не сказал, и лишь через день уверенно заявил: «монтаж». И сейчас криминалистическая экспертиза подтверждает, что все фотографии и тексты Якова якобы в плену – монтаж и фальшивка. Конечно, если бы Яков, как утверждают немцы, попал в плен к ним, то они бы позаботились о достоверных свидетельствах, а не предъявляли сомнительные: то фотографии размытые, то со спины, то сбоку. Свидетеля тоже в итоге ни одного не оказалось: то они знали Якова лишь по фотографиям, то в плену опознали его: то такие же несерьезные свидетельства. У немцев хватало тогда технических средств, чтобы и на кинопленку снять, и на фото, и записать голос. Ничего этого нет. Таким образом, очевидно, что старший сын Сталина погиб в бою».

Писатель Ю.И. Мухин

«Тем не менее, в печати 6 июня 2007 г., – пишет Ю. Мухин – появилось сообщение: «В архивах ФСБ РФ заявляют о наличии документов, подтверждающих пленение немцами старшего сына Сталина». Ю. Мухин говорит: «Давайте прочтем эту «радостную» новость подробнее: «В архивах ФСБ России имеется достаточное количество документальных подтверждений того, что сын Иосифа Сталина Яков Джугашвили действительно находился в немецком плену», – заявил в среду журналистам начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ Василий Христофоров.

По его словам, «в архивах есть многочисленные свидетельства лиц, которые находились с Яковом в фашистском плену». Согласно официальной историографии, командовавший артиллерийской батареей старший лейтенант Джугашвили был взят в плен в июле 1941 года под Витебском и находился в лагерях до 1943 года, когда он сымитировал побег и был застрелен охраной. Однако, недавно доктор исторических наук Сергей Девятов, который по совместительству является начальником Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны (ФСО), сообщил, что отечественные

и зарубежные архивы, в том числе и архив семьи Сталина, косвенно подтверждают версию о том, что его старший сын Яков Джугашвили никогда не был в немецком плену в годы ВОВ. По мнению Девятова немцы могли инсценировать плен сына Сталина.

Девятов озвучил такие данные на прошедшем недавно круглом столе: «Проблемы публикации источников по истории России XX века, посвященных рассекречиванию материалов из архивов ФСБ России». По словам Девятова, «проведенные объективные криминалистические исследования, в том числе почерковедческие, говорят о том, что, скорее всего, это было активное пропагандистское спецмероприятие немецких спецслужб. Существует около 10 фотографий Якова Джугашвили в плену», – пояснил историк. Специалисты одного из центров Минобороны проанализировали их. «Это очень грамотный фотомонтаж. Скорее всего, были использованы те фотографии, которые были найдены на теле погибшего старшего лейтенанта Джугашвили. А когда фотографии кончились, они допустили ошибку, дав «зеркальное» изображение одного из фото – на нем застежка на мундире с другой, «женской стороны», – поясняет историк. По его словам, показательно и то, что не обнаружено ни одной киносъемки Джугашвили в лагере». Но больше всего эту версию подтверждает экспертиза записей, которые он (Яков Джугашвили) сделал, якобы находясь в плену. Ведь сохранились записи и тетради времен, когда он учился в военной академии, и если в ряде записок почерк похож и мог быть искусно подделан, то в некоторых он вообще не соответствует почерку Якова Джугашвили», – отмечает Сергей Девятов.

В Госдепартаменте США находится папка с копиями допроса нацистами Якова Джугашвили, справка о смерти, подписанная Генрихом Гимлером, главой полиции Адольфа Гитлера, заявления охранников и врача. В заключении медэксперта в акте было написано: «В области скулы в 4 сантиметрах от уха имеется входное пулевое отверстие размером с горошину. Повреждение черепных костей размером с чайное блюдце с выходом частиц головного мозга. Смерть наступила мгновенно в результате причиненных повреждений».

В версии убийства заключенного присутствует выстрел охранника из винтовки примерно с 60 метров. Но винтовочная пуля пробила бы с такого расстояния и обе скулы насквозь по прямой, а не срикошетила в мозг. Следовательно, выстрел мог быть сделан только из пистолета, поскольку только из него можно было выстрелить в голову снизу вверх (так, собственно, и проводят казнь опытные палачи). И Иона Андронов, журналист,

первый опубликовавший очерк о Якове Джугашвили «Узник Заксенхаузена», абсолютно прав, считая, что заключенный был убит расчетливо и умышленно, а все эти версии про его бросания на проволоку – ложь.

Главная примета

Есть еще одно важное обстоятельство. У Якова была примета, по которой его, безусловно, можно было идентифицировать. Немцы не могли не знать, что в 1926 году Яков совершил попытку самоубийства и выстрелил себе в область сердца. Ему делали операцию, и у него после этого случая оставался шрам на груди. Так вот, немецкий медэксперт, осматривавший тело, якобы Якова, не отметил на нем не только электроожогов, но и этого шрама. А ведь этот эксперт СС понимал, что если его вызвали определить причину смерти заключенного концлагеря, то это очень важный заключенный, и Рейху необходимо не только само заключение, но и возможность впоследствии связать это заключение со смертью не кого попало, а определенного человека.

И еще о понятном. Если сын Сталина сдался в плен, то почему немцы не использовали его образ для широкой пропаганды, в которой они были мастера, и в которой шли на риск. Скажем, в Катынском деле они даже международную комиссию пригласили для обозрения ими же убитых поляков, а его прятали. Документы лагеря смерти Освенцима, в котором было уничтожено 4 миллиона евреев, немцы не сожгли и оставили нам в целости, а дело о Якове Джугашвили сожгли? Почему немцы не сняли Якова – сын Сталина для кинохроники. Как можно упустить такое событие? Наконец, почему не дали портрет знаменитого пленника на обложках глянцевых журналов? Ведь именно у них в плену находился сын одного из глав антигитлеровской коалиции.

«Существует мнение, что слова Сталина: «Я солдата на фельдмаршала не меняю» принадлежат А. Чаковскому. Немцы на самом деле и не собирались обменивать «своего» Якова Джугашвили, поскольку это был не Яков, их цель была попроще – спровоцировать Сталина на переговоры об обмене сына, а потом об этом сообщить всему миру, а главное – советским солдатам на фронте. Е.Я. Джугашвили в своем интервью совершенно точно объяснил мотивы отказа Сталина: «обмен незамедлительно вызвал бы негативную реакцию, как в тылу, так и на фронте, подорвав тем самым обороноспособность страны». И когда у немцев, – продолжает Ю. Мухин, – авантюра с обменом «Якова»

не выгорела, то они его пристрелили не только за ненадобностью, но и потому, что он становился опасен. Мог, по слухам о наших победах, запаниковать (ведь по натуре это был предатель – трус) и «расколоться» товарищам по бараку, выдав свою авантюру».

Двойные стандарты

Большинство опубликованных материалов и телевизионных фильмов о сыне Сталина – Якове Джугашвили содержат один и тот же смысл: Яков был в плену.

Главный лейтмотив – Яков в плену! Положение пленного Якова устраивало наше антисталинское правительство. Из детей членов правительства СССР (а на фронте были все) никто в плен не попадал, а тут, надо же, какое счастье, сам сын Сталина. Сын Хрущева оказывается в бою погиб, а сын Сталина в плен сдался. Подходит эта версия и Западу по понятным причинам – вековая ненависть!

Правда, в последнем телефильме «Темное дело» редакция НТВ начинает высказывать сомнения в правдивости немецкой версии. Например, немцы вложили в уста «Якова» антисемитские высказывания. На передачу были приглашены писатель Ю.И. Мухин и мой младший сын Яша. Мухин ответил: «Вряд ли Яков Джугашвили мог говорить с ненавистью к евреям, поскольку его жена Юлия Мельцер была чистокровная еврейка. А немецкое командование об этом не знало». Вывод: версия неверна.

«В немецких документах, – сообщает далее ведущий, – говорится о том, что Яков Джугашвили – сын Сталина владел тремя языками: немецким, французским и английским». Настоящему Якову, выросшему в грузинской глубинке, даже русский давался тяжело (в институте и академии преподавали немецкий язык, ни французского, ни английского там не преподавали). Это говорит о том, что языками владел тот человек, которого выдавали за Якова, а не настоящий Яков. Скорее всего, этот человек уже давно жил в Европе и для него, как для большинства европейцев, знание нескольких европейских языков – обычное явление. В этом я убедился, побывав в Нидерландах. Вывод: версия неверна.

«По немецкой версии, – продолжал Смехов, – Яков погиб, коснувшись руками проволоки высокого напряжения и, одновременно часовой с вышки произвел выстрел из винтовки. Но немецкий медэксперт, прибывший из Берлина, при осмотре трупа не отметил в заключении ни ожогов, ни шрама на груди». На что мой сын Яша справедливо заметил: «Если медэксперт не

заметил шрама на груди якобы Якова, стало быть, человек, убитый 14 апреля 1943 года в Заксенхаузене, не был Яковом Джугашвили, а подставное лицо. Вывод: версия неверна.

В телефильме «Темное дело» много подобных провалов. Казалось бы, можно делать правильный вывод. Однако главенствующая антисталинская интеллигенция проводит политику типа двойных стандартов: ни да, ни нет. Другими словами: Яков Сталин сдался в плен! Но в плену вел себя достойно. Следовательно, и вашим, и нашим. Умная версия, удобная для всех.

Коснусь и своего старшего сына Виссариона, попавшего в обойму режиссеров подобных изделий нынешнего Агитпрома. В поисках следов Якова он со своими немецкими коллегами в Берлине просмотрел кинохронику с 1941 по 1943 годы, но ни метра кинопленки, ни сантиметра магнитофонной записи не нашел. Вернулся домой и говорит с каким-то удивлением: «Абсолютно ничего нет! Даже в концлагере, где сидел якобы Джугашвили, также никаких документов». Ю.И. Мухин говорит, что их уничтожили, поскольку «документы» создавались на подставное лицо и попади они в руки суда – кары не миновать.

А вот если бы Яков в самом деле попал в лапы фашистов, то немецкие новости захлебнулись бы, трезвоня «на всю Ивановскую» – «сын диктатора в плену»! Однако никакого звона не было и немецкие «Новости» помалкивали.

Сыновья благодарность

В качестве последнего аккорда мне необходимо выразить Юрию Игнатьевичу Мухину – автору книги «Трагедия Сталина и его сыновей. Я солдата на фельдмаршала не меняю» свою сыновью благодарность. Видимо сам Бог послал его нашей семье. Верила ли семья или не верила? Главное, что его книга окончательно разгромила геббельсовскую провокацию. Чрезвычайно кропотливое исследование позволило автору собрать неопровержимые и убедительные доводы, которые перевернули этот заколдованный пласт. Явно не в интересах правительства, но Ю. Мухин доказал: «Яков – сын Сталина погиб в бою!». Причем книга написана откровенным Мухинским острым четким языком инженера и, как все его работы, насыщена здоровым юмором.

* * *

Тематика исследований Ю.И. Мухина чрезвычайно обширна и не исчерпывается темами, касающимися истории СССР и ее сталинского периода. Например, он исследовал такие темы как так называемый «холокост» (книга «Опасная тайна»), лунная афера американцев (книга «Лунная афера США»), тайна человеческой души («Не надейся – не умрешь»). Но главным его достижением, на мой взгляд, являются обнаруженные им закономерности человеческих отношений в столь важной сфере современного мира как управление. Результатом его исследования данной темы явилось появление в нашем языке нового термина – делократия. Как известно, слово «бюрократия» состоит из двух слов: «Бюро» (начальник) и «кратос» (власть), что в итоге означает «власть начальника». В такой системе управлении начальник поощряет и наказывает работника. При бюрократической системе управления работник является исполнителем воли начальника. Его угодничество может отрицательно влиять на качество его работы, ради которой он был принят. При делократической системе управления поощряет работника и наказывает само Дело. Управленец системы с помощью своих подчиненных работников выстраивает технологическую цепочку для организации производства Дела. До этого момента делократическая система управления ничем не будет отличаться от бюрократической. Но когда управленец своим непосредственно подчиненным работникам поставит общие задачи, оставляя им максимум свободы для решения возникающих вопросов, отношение к труду резко меняется. В цепочке есть разделение труда, и каждый отдельный работник имеет потребителя своего труда, а также сам является потребителем труда других работников. В идеале каждый работник, участвующий в изготовлении Дела, должен быть единоличным хозяином своего участка, как хозяин мини-завода.

Книга писателя Ю.И. Мухина получилась объемом порядка шестисот страниц. Из огромного материала по созданию делократической системы управления остановлюсь только на идее создания отряда Директоров внутри технологической цепочки. В качестве примера возьмем цех по изготовлению двигателей. Скажем, токарь выточил втулку. Потребителем токаря согласно системы является слесарь (сборщик). Он должен впрессовать эту втулку в корпус двигателя, затем передать свою работу в следующее звено технологической цепочки.

А если слесарь обнаружил брак? В бюрократической системе слесаря могут уговорить или тот же токарь или начальник цеха и за какое-то вознаграждение он впрессует втулку. Оплата труда в этом случае тоже есть, но отсутствует Дело. Ибо нет здесь

истинного потребителя труда у слесаря: ему заплатили люди, находящиеся по отношению к нему против хода технологического процесса.

Появление бракованной детали в делократической системе равносильно чрезвычайному положению (ЧП). Слесарь, во-первых, остановит работу. Он на своем участке сам является Начальником. Полномочия, полученные от управленца, он использует и применяет в интересах Дела. Слесарь есть представитель руководства и заинтересованное лицо по качеству продукции.

Во-вторых, он становится бескомпромиссным контролером на своем участке. Благодаря чему армии контролеров в делократической системе отсутствуют. Тоже своего рода паразиты и только отчасти и не по своей вине. Эти люди, контролеры, действительно тоже работают, получают деньги. Но Дело они не делают.

В делократической системе управления эффективно работать начнут абсолютно все: врачи и педагоги, полицейские и продавцы и, конечно все в экономике. «Ведь в бюрократической системе управления, – пишет Юрий Игнатьевич Мухин, – подчиненный – это животное. И, как полагается скотине, он туп и ленив. Вы (обращение к управленцам) из своих подчиненных сделаете Людей. Дав им свободу от себя, вы сделаете их рабами Дела, их работа станет интересной, творческой для них самих. Они начнут учиться и совершенствовать свое Дело, их успехи принесут большую человеческую радость. Половина жизни человека проходит на работе, для своих подчиненных вы сумеете эту половину сделать лучшей». (*Мухин Ю.И.* Законы власти и управления людьми. Крымский мост-9Д. М.: Форум, 2008. С. 293.)

Если вдуматься, то делократия представляет собой новый тип отношений между людьми. Новый тип организации людей и даже новое отношение к жизни. Не ошибусь, если скажу, то правильность толкований узловых моментов нашей недавней истории Юрием Игнатьевичем обусловлена прежде всего его глубоким пониманием мотивов поведения людей в той или иной ситуации. О сути делократии и о многом другом, очень интересном, можно узнать, прочитав книгу Ю.И. Мухина «Закон власти и управления людьми».

Глава 3
Дочь И.В. Сталина

Отцовский подарок

Дети И.В. Сталина от Надежды Аллилуевой Василий (1921 г.р.) и Светлана (1926 г.р.) после рождения были зарегистрированы как Сталин и Сталина. Сын от первой жены Екатерины Сванидзе Яков (1907 г.р.) получил фамилию Джугашвили. Почему Иосиф Виссарионович детям от второго брака не дал свою настоящую фамилию, с которой родился сам? Сталин – это достояние партии и символ достигнутых побед! Смогут ли его дети и внуки достойно носить эту «шапку Мономаха»? Это, во-первых, а во-вторых, он знал, что после его смерти «не один ушат грязи будет вылит на мою голову». Тогда каково станет положение «нового «сталинского» поколения»?

События вскоре показали, что такая фамилия совсем не подарок. Первый, кто это понял, оказался сын Василия Саша Сталин. Носить чудовищный груз ответственности, причем в среде работников искусства (он мечтал поступить в театральный ВУЗ) Саша не пожелал. При получении паспорта вместо фамилии отца он вписал фамилию матери. И все знали, что Александр Бурдонский внук Сталина, но, как говорят, его всегда тяготило происхождение. Однако пользоваться им не брезговал, принимал любые приглашения. Все это не мешало режиссеру А. Бурдонскому находиться в стане врагов великого деда. Но это уже другая история.

Побег и возвращение

Светлана решилась на подобный шаг только в 1957 году. Сменив фамилию на «Аллилуева», она выходит замуж (в который раз!) за индийского журналиста Брад еж Синг Раджа. Смерть мужа в 1967 году позволяет Светлане выехать на похороны в Индию. Там она оказалась в американском посольстве. После семнадцатилетнего отсутствия в 1984 году Светлана Петерс (в США она вновь вышла замуж за архитектора В.В. Петерса) возвращается в Москву с дочерью Ольгой. Остановились они в гостинице «Советская». Сын Светланы Иосиф Аллилуев сообщил мне их телефон. После разговора я приехал в гостиницу, с

волнением поднялся на второй этаж. Светлана встретила меня приветливо и смотрела с каким-то любопытством. Я был в военной форме. На мое предложение спуститься в ресторан поужинать они отказались.

Вместо этого она открыла холодильник, который оказался абсолютно пустым, достала недопитую бутылку шампанского и мы выпили по рюмочке в честь ее возвращения. Договорились о встрече у меня дома. Яша учился в школе, а вот старший сын Виссарион служил в армии в войсках ПВО Московской области. Поехал за ним в город Ногинск, командир части отпустил его на двое суток.

В Москве случайно оказался мой приятель из Тбилиси Бондо Дадвадзе – профессиональный фотограф. Узнав, что Светлана будет у меня дома, умолял меня помочь ему сделать пару снимков о нашей встрече. Я позвонил в гостиницу и спросил, как Светлана смотрит на желание фотографа. «Да ради Бога», – ответила Светлана Иосифовна. Однако пройдет время, и она заявит, что съемка была организована насильно. Стол Нана накрыла по-грузински, денег не жалели. Ведь сама Светлана Сталина будет в доме! Недопитая бутылка из холодильника подсказала, что надо купить из спиртного. Закупил я порядка шести бутылок шампанского. Запас не помешает, думал я, когда ставил на стол первую бутылку. Однако этот запас, как и весь ужин, стал причиной вызова меня к начальнику политотдела академии. Но это произойдет после, а сейчас вернемся к нашей встрече.

В назначенное время я подъехал к гостинице, Бондо уже был на месте. Вышли Светлана и Ольга. Когда они садились в машину, Бондо сделал свои «пару снимков». За столом тамадой был я. Поднимал тосты за Светлану, ее дочь, за членов моей семьи и, конечно, за товарища Сталина. В целом моя семья ей понравилась. «В целом» потому что я не понравился. Впоследствии она напишет, что я раздражал ее своими «идиотскими тостами».

А за столом Светлана поделилась своими планами. Она устала от журналистов: все время быть на виду ей надоело. Она хочет устроить свою жизнь в СССР не в Москве, где много иностранцев, а вдали от Москвы, например, в Тбилиси. «У меня там, – призналась Светлана, – есть знакомые». Ранг знакомых не подходил для решения вопроса о проживании дочери Сталина. Я посоветовал обратиться к руководству Грузии. Впрочем, она без всяких советов это прекрасно понимала. В Представительстве Грузии работал мой друг Заур Месаблишвили. Я сообщил ему о желании Светланы, а ей, на всякий случай, дал телефоны

Представительства Грузии.

В Тбилиси Светлане Аллилуевой предоставили двухкомнатную квартиру улучшенного типа в престижном районе Ваке, назначили пенсию и паек из продуктов питания. За ней закрепили машину (по вызову), дочку обучали на дому, а на ипподроме Ольге предоставили лошадь для спортивных занятий.

Конфликт

Будучи в Грузии она написала письмо в Академию Генерального штаба, где я работал старшим преподавателем. Начальник политотдела генерал-полковник М.Н. Дружинин вызвал меня: Вот письмо Вашей родственницы Светланы Аллилуевой. Она пишет, что Вы «живете не по средствам, торгуете должностями в Грузии, недостойны быть членом партии и позорите звание советского офицера». Вначале я не поверил его словам: «Что за бред! Что значит, живу не по средствам, что за торговля должностями?» Видя мое замешательство, он показал конверт и само письмо. Мне пришлось рассказать о встрече со Светланой. Выслушав меня, ничего не сказав, Дружинин положил письмо в стол и спокойно сказал: «Евгений Яковлевич, идите и работайте». Вернувшись домой, сразу же позвонил ее сыну – Иосифу. Он врач-кардиолог, доктор медицинских наук, профессор. Я рассказал, что был «на ковре» у начальника политотдела по поводу письма его матушки. Выслушав меня, Иосиф почти закричал в трубку: «Ты послушай, что эта «матушка» написала в партком моей клиники: «докторская диссертация написана не мной, из партии исключить, но самое забавное – требует выслать меня на остров Сахалин». Дочь Светланы – Екатерина Жданова, по словам самой Светланы, заявила, что «не простит и не собирается прощать» (имеется в виду бегство матери на Запад). Семнадцатилетний конфликт между матерью и детьми усугублялся. Кремлю видимо надоели ненормальные отношения дочери Сталина со своими детьми, надоело выслушивать всевозможные пересуды из-за рубежа, и, полагаю, было принято решение поспособствовать их сближению. Заур Месаблишвили пригласил меня съездить к Иосифу и уговорить его поехать к матери в Тбилиси с целью примирения. Иосиф отказался, сказав что «эта затея обречена на провал». Но, понимая с каким ведомством он имеет дело, вынужден был согласиться. По прилету в Тбилиси ему дали трубку и набрали номер матери. «Как только она поняла, кто звонит, – сказал Иосиф, – в трубке раздалась матерная брань. Это услышали все присутствующие».

Положив трубку, он сказал: «Яже вас предупреждал». Стаким результатом Иосиф и его жена Люда вернулись в Москву.

После письма в Академию она прислала письмо мне домой и вдогонку телеграмму, в которой заявила, что у Якова не было никакого сына, а я, стало быть, самозванец. Она пригрозила, что займется моим разоблачением. (Отмечу, что деятели из «Эха Москвы» и «Новой газеты» требовали от суда признать мой иск «О защите чести и достоинства Сталина» недействительным, основывая свои доводы на «мнении» Светланы Аллилуевой). В письме она пишет: «Все бегут за Женькой. Сиди тихо в своем Урюпинске, иначе будешь иметь дело со мной. В Грузию ездить не смей». Далее в письме она советует моей жене: «Брось Женьку – этого хама! Мне жаль Вас, Нана, и Ваших детей. У Вас хорошие дети и, право, им было бы лучше с Вами, чем с таким отцом» (14 марта 1985 г., г. Тбилиси).

Сказать, что я был огорчен агрессивностью Светланы, значит сказать слишком мягко. Я был взбешен столь наглой ложью и бесцеремонным вторжением в мою семью. Не менее отвратительным поступком была кляуза в Академию. Я, видите ли, должен следовать ее наставлениям под «угрозой разоблачения». Кто же требует этого? Так ведь это ж мать, бросившая своих детей, и дочь Сталина, которая предала своего отца. Вправе ли она использовать авторитет столь громадной личности в истории человечества, о которой не прекращаются споры до сих пор и вряд ли когда-нибудь прекратятся?

Спор о Сталине это, прежде всего, спор о ценностях, то есть спор о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Одни считают, что общественное благо важнее личного, другие наоборот, считают, что личное превыше всего, а общественное благо – дело десятое. Сталин хотел, чтобы люди ставили общественное благо превыше личного и государство он строил так, чтобы оно служило всему обществу. Вот это и есть «хорошо» по Сталину. Светлана же, воспитанная в окружении матери, смыслом своей жизни считала заботу о своем личном благополучии. В качестве доказательства может сойти вся ее жизнь. Кроме того, она не скрывала своего подобного отношения к жизни и в своей знаменитой книге «Двадцать писем к другу». Вот что она пишет по поводу смерти своего отца: «.. я понимала, что наступило некое освобождение. Я еще не знала и не осознавала – какое, в чем оно выразится, но я понимала что это – освобождение от всех и для меня тоже, от какого-то гнета, давившего все души, сердца и умы единой общей глыбой… Людям хочется счастья, эгоистического счастья, ярких красок, фейерверков страстей, – хочется не только этого, я знаю: хочется

культуры знаний, хочется, чтобы жизнь стала европейской наконец-то и для России; хочется говорить на всех языках мира; хочется изящной мебели и одежды вместо деревенских сундуков и зипунов. Хочется перенимать все иноземное – платье, теории искусства, философские направления, прически, все – безжалостно откидывая свои собственные достижения, свою российскую традицию. Разве осудишь все это, когда это все естественно после стольких лет пуританства и поста, замкнутости и отгороженности от всего мира…» (*Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу., М.: Внешинберика, 1990. С. 9, 15).

Говорят, что человек больше всего ненавидит того, кого предал. Кто из родственников Сталина, кроме меня открыто выступает в защиту И.В. Сталина? Думаю, что моя позиция по отношению к Сталину и вызвала в Светлане столь лютую ненависть ко мне. Ведь защита Сталина это, прежде всего, защита ценностей и вытекающих из них идей, ради осуществления которых жил, боролся и погиб И.В. Сталин. Ее обвинения в мой адрес в том, что я не внук Сталина и являюсь самозванцем всего лишь отчаянная попытка скрыть истинную суть конфликта. Чтобы было уж совсем понятно, сообщу о том, что обвинения в самозванстве начались лишь под конец ее недолгого, но скандального пребывания в СССР, до этого она считала меня своим родственником и наши отношения были действительно, как у любящих родственников. Подтверждением могут служить хотя бы ее собственные слова в книге «20 писем к другу», которые гласят: «…а пятерых из восьми внуков он (т. е. Сталин) не удосужился ни разу (там же, стр. 8) повидать…» Если бы во время написания этих слов она считала меня самозванцем, то количество внуков И.В. Сталина было бы не восемь, а семь. А разве не показателен ее раздел отцовских денег? Именно Светлана осадила Галину, потребовавшую себе всю долю Якова, «а не какую-то половину». Она вступалась за меня во время каких-то мелких недоразумений между мной и Глиной, пыталась даже лично нас познакомить, но безуспешно. По возвращении Светлана нашла общий язык с Сашей Бурдонским – сыном Василия, который публично признается в своей антипатии к деду В интервью с Леонидом Велиховым он сказал: «Я никогда не был почитателем Сталина. У меня были и есть совсем другие идолы: Станиславский, Немирович, Мейерхольд, Вахтангов, Комиссаржевская… у меня много божков, на которых молюсь. Сталина среди них нет. В молодости я вовсе его не любил, что с моим темпераментом приобретало форму активного отрицания…» Как говорится «рыбак рыбака видит издалека».

Удар кукушонка

В 1986 году меня вновь вызвали «на ковер» к начальству. Но на этот раз к самому главному – Начальнику академии генералу армии товарищу Г.И. Салманову. Дело было зимой. Он смерил меня взглядом и попросил одеться. Сели в его «Чайку» и в полном молчании поехали. Я терялся в догадках: «Что случилось? Куда везут?» Приехали в Главное Политическое Управление (ГлавПУр) к его Начальнику генералу армии товарищу А.Д. Лизичеву. Облокотившись локтями на стол, главный идеолог армии сказал, что на имя Министра обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Соколова поступило письмо, в котором автор изобличает полковника Джугашвили в недостойных для офицера махинациях: приобретение дачи в Грузии и машины, а также изготовление фотографий с целью наживы. «Опять Аллилуева», – подумал я. Но письмо написала некая Володина А.С., хранитель музея МИИТа, с которой общалась моя сестра Галина. После беседы со мной генерал армии А.Д. Лизичев сказал: «По службе к Вам у нас замечаний нет. Работайте, как работали. До свидания». В 1989 году меня вновь вызвал в кабинет Начальник политотдела Академии генерал-полковник М.Н. Дружинин опять по письму и опять от Володиной. По всей вероятности Володина или не получила ответ на свое письмо Министру Обороны, либо ответом они с Галиной были недовольны. Им хотелось «крови», например, разжаловать, уволить, посадить! Если не получилось по военной линии, решили ударить по партийной. Письмо направили в ГлавПУр, то есть Лизичеву А.Д.

Начальство поступило по принципу: есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем. Мне предложили перейти в любую другую академию. Я выбрал академию имени М.В. Фрунзе. Должность была оставлена – старший преподаватель, но в академии Фрунзе она была уже не генеральская, как в академии ГШ. Так полковником я и закончил военную службу.

Жаль, конечно, что вмешательство моих родственников сильно навредило мне по службе. Обиды на начальство держать не могу – оно поступило стандартно: не вынося сор из избы, тихо закрыло дело. Обидно было покидать академию и расставаться с коллегами по работе. Особенно жалею, что не буду каждый день видеть моего друга Германа Васильевича Кириленко, с кем познакомился в этой же академии на военно-историческом отделении. Кстати, поздравляю его с присвоением генеральского звания.

Финал беглянки

Через два года Светлана поняла, что все ее чаяния и надежды рухнули окончательно. В поисках своего счастья она постоянно меняла место жительства, друзей и подруг. Все не устраивало. Не понравилось ей жить и в Грузии. Заур Месаблишвили занимался сопровождением Светланы Аллилуевой из Москвы в Тбилиси и обратно. Когда она решила вернуться на запад, в 1986 году, он провожал ее в аэропорт. Она ему сказала: «Мне надоело жить среди дикарей». А на прощание бросила в лицо: «Чекист проклятый».

В свое время, когда Светлана Аллилуева оказалась за рубежом, и западные журналисты со злорадством обыгрывали бегство дочери Сталина, Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин, обращаясь к западным лидерам с трибуны ООН предупреждал их не использовать в своей политике Светлану Аллилуеву, потому что она больной человек. Кроме своих четырех официально зарегистрированных мужей она, возможно, попортила жизнь еще пятерым мужчина, с которыми пыталась в разное время безуспешно найти свое счастье, брак с которыми не был узаконен.

В последние годы она жила в одиночестве в Швейцарии, Англии и США. 22 ноября 2011 года Светлана Иосифовна Аллилуева скончалась в возрасте 85 лет в городке Ричленд-Синтер (штат Висконсин) в Америке. По российскому телевидению она была представлена как жертвой, так и борцом с тоталитарным режимом.

Глава 4
Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов

Письмо Сталину

20 августа 1944 года Александру Евгеньевичу Голованову Верховный Совет СССР присвоил воинское звание Главный Маршал авиации. Он был самым молодым маршалом в мире – ему исполнилось всего 40 лет. Еще одна исключительная деталь в биографии А. Голованова – его дедом был Николай Кибальчич, тот самый революционер-народоволец, который готовил покушение на царя и был за это повешен. Именно он перед казнью отправил из тюрьмы на высочайшее имя пакет с чертежами первого в мире космического летательного аппарата. А.Е. Голованов с 13 лет воевал в рядах Красной гвардии, потом попал на Южный фронт, работал в контрразведке. Затем сменил свою работу в партийных органах на профессию летчика гражданской авиации. В 1941 году вышел на Сталина, написав письмо о создании авиационных соединений, способных выполнять боевые задачи независимо от состояния погоды и времени суток.

«Товарищ Сталин! Европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация при умелом, конечно, ее использовании. Англичане безошибочно летают на Берлин, Кельн и в другие места, точно приходя к намеченным целям, независимо от состояния погоды и времени суток. Совершенно ясно, что кадры этой авиации хорошо подготовлены и натренированы…

Имея некоторый опыт и навыки в этих вопросах, я мог бы взяться за организацию и организовать соединение в 100–150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым авиации, и которое летало бы не хуже английского или немецкого и являлось бы базой для ВВС в смысле кадров и дальнейшего увеличения количества соединений.

Дело это серьезное и ответственное, но продумав все как следует, я пришел к твердому убеждению в том, что если мне дадут полную возможность в организации такого соединения и помогут мне в этом, то такое соединение вполне возможно создать. По этому вопросу я и решил, товарищ Сталин,

обратиться к вам.

Летчик Голованов».

«Написал письмо, дескать, исполнил свой долг, – признался однажды Александр Евгеньевич, – и спокойно продолжал летать». Однако, что было для него неожиданно, буквально через неделю или две он был вызван в Кремль и принят Сталиным. Предложение летчика было одобрено. Присвоив Голованову звание полковника, Сталин поручил создать Авиацию дальнего действия (АДД). «Это была первая встреча с товарищем Сталиным, которая круто изменила мою судьбу», – скажет потом Александр Евгеньевич.

Адъюнктура ВПА

К Александру Евгеньевичу на ул. Сивцев Вражек, где он жил, я поехал с целью решить проблему, которая возникла в моей жизни в конце 1976 года. В 1975 году я поступил на годичное военно-историческое отделение при Академии Генерального штаба. Руководил этим отделением генерал И.И. Джорджадзе. Его легенда о якобы его дружбе с Яковом Джугашвили мною была разрушена (см. главу «Друг липовый»). Скорее всего, Джорджадзе на меня сильно обиделся и, используя свои связи в Академии, сделал так, что после окончания отделения меня направили преподавателем истории военного искусства в Военно-Воздушную академию им. Ю.А. Гагарина в город Монино Московской области. На дорогу в один конец мне требовалось более 2 часов поездки на троллейбусе, метро, электричке (с Ленинградского вокзала).

Выслушав меня, Голованов сказал: «Я тебе должен сказать следующее дело: время работает не в твою пользу, да и я на пенсии. Давай пока еще поучимся, попробуем поступить в адъюнктуру Военно-политической академии (ВПА), есть там у меня один порядочный генерал, он должен тебе помочь». Его жена Тамара Васильевна угостила обедом. За столом я узнал новую для себя историю похождения Якова Джугашвили. Он успел поухаживать и за хозяйкой дома. А. Голованов пояснил: «На Курском вокзале провожали Яшу в Тбилиси. Тамара Васильевна была в числе провожающих. Яша пытался задержать ее в вагоне при отправлении поезда. Но она вырвалась из рук Яши и спрыгнула на перрон». После паузы он серьезно сказал: «Я никогда не думал, что буду участвовать в судьбе внука товарища Сталина». В академии мне разрешили сдать необходимые экзамены, и я был принят в адъюнктуру.

ВПА имени В.И. Ленина славилась своей демократичностью. Когда хочешь, приходишь и уходишь. Можно вообще не приходить, когда нет занятий. В академии встретил обрусевшего грузина, преподавателя философии полковника Г. Г. Лукова. Философ он был от Бога – при чтении лекций не пользовался записями, блестяще преподносил материал, что называется от души. Познакомился я и с другим преподавателем той же кафедры философии полковником Д.А. Волкогоновым. Вникая в детали солдатской службы, он неделями жил в солдатских казармах, питался в их столовой. Спал рядом с ними. Волкогонов производил впечатление незаурядного ученого-новатора, пропагандиста коммунистической морали в армии. Им было написано много книг-исследований на эту тему. Он быстро дорос до заместителя начальника Главного Политического Управления армии (ГЛавПУр) и звания генерал-лейтенанта.

Однако, став советником Горбачева, он вдруг круто поменял свои убеждения. Оказалось, что он противник социализма, а партию, которую возносил в армии, назвал преступной. Его перерождение произошло в одночасье! Интересно, сколько таких Волкогоновых паслось на ниве социализма, приобретая всевозможные блага! Теперь они «стригут купоны», охаивая наше прошлое.

Дельный совет

Как-то мы прогуливались с ним в окрестностях его дачи в г. Икша, Голованов спросил: «Как поживает твоя сестра Галя?» Я доложил, что пытался с ней встретиться, звонил несколько раз. Каждый раз она отвечала, что очень занята. Последний раз к телефону подошел ее муж, алжирец, и в резкой форме потребовал «прекратить домогательства, никакого брата у нее нет!» Пройдя молча несколько шагов, Голованов глядя мне в глаза сказал: «Не надо было звонить второй раз!»

Александр Евгеньевич во время наших встреч не касался темы детей вождя, ни Светланы, ни Василия, видимо учитывая мое с ними родство. Но неприязнь к обоим с его стороны я чувствовал и без слов: его негативное отношение выражалось в его нежелании говорить о них. О Василии он сказал свое мнение Ф. Чуеву, поэту и писателю. Оно было, мягко говоря, не очень лестного содержания.

Случай с картой

Он больше любил рассказывать о Сталине. В продаже стали появляться мемуары полководцев о ВОВ. Ф. Чуев советовал Голованову начать писать свои воспоминания об АДД. Но Александр Евгеньевич медлил. Из его рассказов мне особенно запомнился случай с картой.

На свою память Александр Евгеньевич, как он говорил, никогда не жаловался. Более того, гордился, что она его не подводила. Но однажды произошел с ним такой случай. «Товарищ Сталин, – так обычно Голованов называл Верховного, когда что-нибудь говорил о нем, – вызвал меня в Кремль. Боевые действия шли на территории Венгрии». Захватив нужные карты, он отправился к Сталину. Как я понял из рассказа Голованова, Сталин назвал города-цели, по которым АДД должна была нанести бомбовые удары. Голованов сказал, что задача ясна и будет выполнена. «Вы бы записали города, – посоветовал Сталин, – города-то венгерские». – «Я запомнил их», – сказал Голованов.

Когда Голованов вернулся в штаб, то недосчитался одной карты, той самой, на которой были отмечены города-цели. Мало того, что потерял карту, мог и города перепутать. Беды не миновать! Скрывать от Сталина Голованов не стал и тут же позвонил Сталину: «Я у вас, тов. Сталин, оставил карту, пропасть она не могла». Сталин ответил, что у него нет никакой карты. «Нет, – настаивал Голованов, – я оставил ее у вас на столе».

Через несколько часов необходимость нанесения ударов по городам Венгрии, названным Сталиным, отпала. При следующей встрече Сталин молча вышел из соседней комнаты. На протянутой руке он двумя пальцами держал мою забытую карту. «Хорошо, что сообщили о пропаже», – сказал он, бросая ее на стол.

«Голованова не беспокоить!»

В очередной раз вызванный с фронта в Москву Голованов прибыл в столицу до рассвета и, решив, что в такой ранний час им никто не будет интересоваться, поехал навестить семью, тем более, что родилась дочь, которую он еще не видел. Однако перед этим заехал в штаб и сказал офицеру Евгению Усачеву, чтоб сразу вызвал, если спросят. А кто может спросить командующего АДД, безупречно исполнительный Усачев знал.

Дома время летело быстро, из штаба не звонили, но в половине одиннадцатого Голованов решил все-таки поехать в штаб. Каково же было его удивление, когда Усачев доложил, что

его уже давно спрашивали.

– Как же Вы могли мне об этом не сообщить? – возмутился Голованов.

– Мне было запрещено.

– Кто же мог Вам запретить?

– Товарищ Сталин.

Оказывается, в десятом часу утра позвонил Верховный и спросил, прибыл ли Голованов и где он сейчас находится. Усачев доложил. Спросив фамилию офицера и занимаемую должность, Верховный сказал:

– Вот что, товарищ Усачев, Голованову Вы не звоните, и его не беспокойте, пока он сам не приедет или не позвонит, иначе Вы больше не будете работать у Голованова. Когда он появится, передайте, чтоб он мне позвонил. Все ясно?

Разговор был окончен.

– Не мог же я, Александр Евгеньевич, не выполнить указание товарища Сталина, – сказал Усачев. «Конечно, он прав», – подумал Голованов. Не часто товарищ Сталин давал указания младшим офицерам. Да и кто бы посмел не выполнить?

Раздался звонок. В трубке был голос Молотова. Голованова ждали на ближней даче. Поехал, переживая. Еще бы! Отлучился из штаба, когда могли вызвать в любое время. Решил сразу извиниться.

Однако, войдя в комнату, увидел улыбающегося Сталина и рядом Молотова.

– Ну, с кем поздравить? – весело спросил Сталин.

– С дочкой, товарищ Сталин.

– Опять дочка? – Это была третья дочка у Голованова. – Ну ничего, люди нам очень нужны. Как назвали?

– Вероника.

– Это что же за имя?

– Греческое имя. В переводе на русский – приносящая победу.

– То, что нам нужно. Поздравляю вас!

Разговор перешел на другие темы. Сталин, обычно больше слушавший и мало говоривший, на этот раз сам стал рассказчиком. Он вспоминал побеги из ссылок, как провалился в прорубь на Волге и потом долго болел, как из-за плохой конспирации не удался побег Свердлова из Туруханского края… И вдруг, без всякого перехода Сталин сказал: «Полетим в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем.

«Я не выдержал и улыбнулся, – вспоминал Голованов, – улыбнулся той осторожности, которой придерживался Сталин, видимо, всю жизнь, даже с людьми, которым доверяет. Нелегкая была жизнь у этого человека, когда приходилось

разочаровываться в друзьях».

– Чему Вы улыбаетесь? – спросил Сталин удивленно. Голованов промолчал. Сказать правду не решился, а неправду – не смог.

Немного помолчав, Сталин сказал: «Об этом никто не должен знать, даже самые близкие Вам люди. Организуйте все так, чтобы самолеты и люди были готовы к полету, но не знали, куда и зачем. Нужно организовать дело, чтобы под руками были самолеты и в Баку, и в Тегеране, но никто не должен знать о нашем там присутствии.

Было решено, что Голованов также полетит в Тегеран, а Сталина повезет летчик Грачев, которого Голованов знал еще по полетам в Монголии.

Как выяснилось позже, осторожность Сталина была весьма не лишней: немецкая разведка тщательно подготовила покушение на «Большую тройку» в Тегеране. Но на сей раз Сталин перехитрил Гитлера.

Роман-газета

Феликсу Ивановичу Чуеву удалось уговорить Александра Евгеньевича написать свои воспоминания. Рукопись сдали, типография приступила к работе. Но когда книга была набрана, по приказу сверху она была «рассыпана», т. е. уничтожена. В 1995 году «Роман-газета» № 4 «Полководцы» опубликована статью Главного маршала авиации Александра Голованова «Он стоял во главе тяжелейшей мировой войны». С небольшим сокращением я предлагаю читателю самого Александра Евгеньевича:

«Из целой плеяды военачальников я хочу остановиться на личности Константина Константиновича Рокоссовского. Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось сталкиваться во время Великой Отечественной войны. С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армии, прославившей себя в битве под Москвой. Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 17-й армией не ладились дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда К.К. Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват его

переговоров противником. Этот расчет оказался верным. Прибыв под Сухиничи, ему не пришлось организовывать боя за них, так как противник по его прибытии туда оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году. Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской операции снискали ему не только славу великого полководца в нашей стране, у нашего советского народа, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другую фамилию полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны.

Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению со своими подчиненными, к которым он всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения и в то же время обладая волевыми качествами и выдающимися организаторскими способностями по организации и ведению боевых операций, он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всего личного состава, с которым ему довелось воевать.

Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждая их и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что когда это произойдет, К.К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев. Нужно сказать, что несмотря на то, что Константин Константинович был до войны репрессирован и провел немалое время в заключении, он не потерял ни веры в партию, членом которой состоял, ни веры в руководство страной, и остался столь же деятелен и энергичен, каким он был всегда. Годы заключения не сломили, а закалили его. Рокоссовский являлся полководцем, к которому с большим уважением, с большой теплотой относился И.В. Сталин, он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, за широту мышления, за его культуру, за его скромность и, наконец, за его мужество, за его личную храбрость, за его решительность и в то же самое время за его отношения с людьми, со своими подчиненными. Яне слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И.В. Сталин стал называть по

имени и отчеству, а битва на Курской дуге закрепила отношение Верховного к нему.

Сейчас уже можно сказать, что результаты Курской битвы были бы еще большими, если было бы принято предложение Константина Константиновича о едином командовании, то есть объединении двух фронтов – Воронежского и Центрального, в один, ибо стратегическое положение этих фронтов требовало единого руководства. Большинство тогда, вместе с Верховным, не согласилось с этим, и все же Рокоссовский оказался прав. При обороне, построенной по схеме ее организации на Центральном фронте, при едином руководстве оборонительной операцией в начале самой битвы, противник был бы разгромлен, не достигнув успеха и на участке, занимаемом Воронежским фронтом, а перейдя в контрнаступление, свежие силы Степного фронта сыграли бы решающую роль в полном поражении противника на данном направлении и нам не пришлось бы вести затяжных боев при дальнейшем разгроме врага Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать парадом Победы на красной площади. Заслуги Константина Константиновича перед Родиной также были высоко оценены нашей партией и правительством, он получил достойные награды и ему было присвоено высокое звание Маршала Советского Союза.

Несколько слов о самом…

Хочу здесь остановиться и на фигуре Верховного Главнокомандующего – И.В. Сталине. Он стоял во главе тяжелейшей мировой войны… Он проходит в моем повествовании, если можно так выразиться, красной нитью, однако здесь нет ничего удивительного, поскольку у меня не было каких-либо других руководителей, кроме него, я бы даже подчеркнул, кроме лично него. Об этом я уже говорил в самом начале своих записок. Начиная с того момента, как я вступил в командование 81-й дивизией в августе 1941 года, в дальнейшем преобразованной в 3-ю авиационную дивизию Дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования, а в дальнейшем став командующим АДД, кроме лично Сталина никто не руководил ни моей деятельностью, ни деятельностью указанных мной соединений и рода войск.

Почему Верховный решил лично руководить боевой работой, начиная с дивизии, и не разрешал заниматься этим делом кому-либо другому из руководящих товарищей, я высказывал лишь

свои предположения и считаю, что эти предположения близки к истине, хотя безапелляционно утверждать этого не могу. Как это ни покажется странным, и я второго такого случая не знаю, а материалы, находящиеся в архиве министерства обороны, однозначно подтверждают это. Вот почему так тесно связано мое повествование с именем Верховного, ибо все, что делалось АДД, исходило непосредственно от него. Прямое и непосредственное общение с И.В. Сталиным дало мне возможность длительное врем наблюдать за его деятельностью, его стилем работы, наблюдать за тем, как он общается с людьми, за его стремлением, как это ни покажется странным, вникать даже в мелочи, в детали того вопроса, который его интересует.

По моим наблюдениям, мнительность и подозрительность были спутниками Верховного, в особенности, когда это касалось людей с иностранными фамилиями. Мне даже случалось убеждать его в безупречности тех или иных товарищей, которых мне довелось рекомендовать для руководства определенной работой. Как пример, приведу здесь А.И. Берга (он был назначен заместителем председателя комитета, в связи с его запиской, касающейся радиолокации и других вопросов радиоэлектроники). Верховный с пристрастием расспрашивал меня все, что я о нем знаю. Однако, изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай Бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому. Я слышал от него о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать после смерти Владимира Ильича и вести борьбу с различными уклонистами, даже с людьми, которым он безгранично доверял и которых считал своими товарищами, а потом оказался обманутым. Это, видимо, развило в нем определенное недоверие к людям, с которыми он общался, и нужно было определенное время и определенное поведение людей, чтобы его осторожность в общении с ними перешла в доверие. Однако я высказываю мое личное мнение по этому вопросу, а пришло оно ко мне через несколько лет общения с Верховным.

Не раз я задавал себе вопрос, всегда ли был Сталин таким, каким я его увидел, таким, каким он был во время войны? Ведь до 1941 года я его никогда не видел и представление мое о нем, как я уже упоминал вначале, не было, образно говоря, лучшим. Могу сказать одно, что за все время моего общения с И.В. Сталиным я не имел основания утверждать или с чьих-либо слов предполагать, что отношение Верховного к другим военачальникам как-либо разнилось с отношением ко мне.

Отношение его к людям соответствовало, если можно так сказать, их труду, их отношению к порученному им делу. Каково было отношение товарищей к порученной им работе, таково было и отношение к ним И.В. Сталина.

Работать с И.В. Сталиным, прямо надо сказать, было и не просто, и не легко. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно коротки и ясны. Туманных, неясных ответов он не признавал и если такие ответы были, не стесняясь указывал на незнание дела того товарища, который такие ответы давал. Мне ни разу не довелось видеть или наблюдать, чтобы для этого он подыскивал какие-либо формулировки, и в то же самое время мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он кого-либо унизил или оскорбил. Он мог прямо, без всякого стеснения заявить тому или иному товарищу о его неспособности, но никогда в таких высказываниях не было ничего унизительного или оскорбительного. Была констатация факта. Способность говорить с людьми, образно выражаясь, безо всяких обиняков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могло вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина.

Длительное время работали с ним те, кто безусловно, а может быть правильнее сказать, безупречно знали свое дело, умели его организовать и умели им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит и не стесняясь выражал со всей полнотой и ясностью свое мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним он не тратил, освобождая его от непосильной для него, с его точки зрения, должности. Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров Вооруженных сил Советской Армии. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может.

«Не бойся, России не пропью»

В один из августовских дней я был вызван Сталиным с

фронта, что случалось нередко. Прибыв в штаб АДД, я, как всегда, занялся накопившимися делами. Раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал голос Сталина. Поинтересовавшись, как идут дела, он сказал:

– Приведите себя в порядок, наденьте все Ваши ордена и через час приезжайте.

Раздались частые гудки. И прежде случалось, что Сталин, позвонив и поздоровавшись, давал те или иные указания, после чего сразу клал трубку. Это было уже привычно. Верховный имел обыкновение без всяких предисловий сразу приступать к тому или иному вопросу. А вот указаний надеть ордена и привести себя в порядок за год совместной работы я еще ни разу не получал.

Обычно не носил никаких знаков отличия, и пришлось потрудиться, чтобы правильно прикрепить ордена на гимнастерке, почистить ее и пришить новый подворотничок.

Придя в назначенный час, я и вовсе был сбит с толку. Поскребышев направил меня в комнату, расположенную на одном этаже с Георгиевским залом. Там уже были К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, А.С. Щербаков и еще два-три человека.

Вошел Сталин, не один. Рядом с ним я увидел высокого полного человека, в котором узнал Уинстона Черчилля, и какого-то военного, оказавшегося начальником английского имперского генерального штаба Аланом Бруком. После представления Черчиллю всех нас Сталин пригласил к столу.

Если не ошибаюсь, на этой встрече присутствовало человек десять, а может быть чуть больше. Стол был небольшим, но за ним уселись все.

Я увидел в руках британского премьера бутылку армянского коньяка. Рассмотрев этикетку, он наполнил рюмку Сталина. В ответ Сталин налил тот же коньяк Черчиллю. Тосты следовали один за другим. Сталин и Черчилль пили вровень. Я уже слышал, что Черчилль способен поглощать большое количество горячительных напитков, но таких способностей за Сталиным не водилось. Что-то будет?

Почему, и сам не знаю, мною овладела тревога. За столом шла оживленная беседа, звучала русская и английская речь. Референт Павлов с такой легкостью и быстротой переводил разговор Сталина с Черчиллем, что казалось, они отлично понимают друг друга без переводчика. Я впервые увидел, что можно вести разговор на разных языках так, словно переводчика не существует.

Черчилль вытащил сигару такого размера, что подумалось, не изготавливают ли ему эти сигары на заказ. Речь Черчилля была

невнятна, говорил он, словно набрав полон рот каши, однако Павлов ни разу не переспросил его, хотя беседа была весьма продолжительна.

В руках Павлова были записная книжка и карандаш: он, оказывается, одновременно стенографировал. Небольшого роста, белокурый молодой человек обладал поразительным мастерством переводчика.

Тосты продолжались. Черчилль на глазах пьянел, в поведении же Сталина ничто не менялось. Видимо, по молодости я слишком откровенно проявлял интерес к состоянию двух политических деятелей: одного – коммуниста, другого – капиталиста, и очень переживал, чем все это кончится…

Наконец Сталин вопросительно взглянул на меня и пожал плечами. Я понял, что совсем неприлично проявлять столь явное любопытство, и отвернулся. Но это продолжалось недолго, и я с тем же откровенным, присущим молодости, любопытством стал смотреть на них.

Судя по всему, Черчилль начал говорить что-то лишнее, так как Брук стараясь делать это как можно незаметнее, то и дело тянул Черчилля за рукав. Сталин же продолжал непринужденно вести, как видимо, весьма интересовавшую его беседу.

Встреча подошла к концу. Все встали. Распрощавшись, Черчилль покинул комнату, поддерживаемый под руки. Остальные тоже стали расходиться, а я стоял как завороженный и смотрел на Сталина. Конечно, он видел, что я все время наблюдал за ним. Подошел ко мне и сказал: «Не бойся, России не пропью. А вот Черчилль будет завтра метаться, когда ему скажут, что он тут наболтал…» – И он твердой, неторопливой походкой вышел из комнаты.

Гору мусора развеет ветер истории

По возвращении с Тегеранской конференции 5 или 6-го декабря позвонил Сталин и попросил приехать к нему на дачу. Явившись туда, я увидел, что ходит он в накинутой на плечи шинели. Был он один. Поздоровавшись, Верховный сказал, что, видимо, простудился, и высказал опасение, как бы не заболеть воспалением легких, чего он особенно опасается, ибо всегда тяжело переносил это заболевание. Походив немного, он неожиданно заговорил о себе.

– Я знаю, – начал он, – что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. – И походив немного, продолжал, – но я уверен, что ветер истории все это развеет.

Нужно сказать прямо, я был удивлен таким высказыванием. В то время мне, да я думаю не только мне, а всем не представлялось вероятным, что кто-либо может сказать о Сталине плохое. Во время войны все связывалось с его именем, и это имело явно видимые основания. Первоначальные успехи немцев были локализованы. Гитлеровские армии были разбиты под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Мы одерживали победы одну за другой, монолитность армии и народа была очевидна, и стремление стереть врага с лица земли было единодушно. Четко и бесперебойно работала вся машина государства, а при персиморансе – то есть игре оркестра без дирижера, а в понятии управления государством без твердого руководства, эта государственная машина так работать, естественно, не могла бы. Четкая же работа этой машины так же всегда связывалась с его именем.

Походив еще немного, он продолжал:

– Вот все хорошее народ связывает с именем Сталина, угнетенные народы видят в этом имени светоч свободы, возможность порвать вековые цепи рабства. Конечно, только хороших людей на свете не бывает, о таких волшебниках говорят только в сказках. В жизни любой самый хороший человек обязательно имеет и свои недостатки, и у Сталина их достаточно. Однако, если есть вера у людей, что, скажем, Сталин может их вызволить из неволи и рабства, такую веру нужно поддерживать, ибо она даст силу народам активно бороться за свое будущее.

Метод работы Сталина

Контроль за ходом отданных Верховным распоряжений и указаний был с его стороны повседневен, если не сказать ежечасен, и спрос был суров. Я здесь хочу подчеркнуть, что не было ни одного товарища, несмотря на занимаемые должности, который бы мог, а сказать честнее, который посмел бы что-либо сделать на свой лад, на свое усмотрение, если он имел уже на сей счет определенные указания. Я хочу здесь засвидетельствовать и то, что ни одна операция, ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие никогда и нигде не проводились без санкции, без доклада Верховному. Он твердой рукой руководил проводимыми операциями фронтов, руководил работой своих заместителей и своих представителей Ставки на тех или иных фронтах, на тех или иных направлениях. Спрос со всех был одинаков, невзирая ни на чины, ни на занимаемую тобой должность. Он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчеты или ошибки и давал

рекомендации или прямые указания, как их исправить. Это касалось и командующих фронтов и армий, это касалось и начальника Генерального штаба А.М. Василевского и заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова.

Все решения, принимаемые Верховным, всегда предварительно, как правило, обсуждались или оговаривались с большой группой товарищей, имеющих отношение к принимаемому решении или знающих обсуждаемый вопрос. Все более или менее важные вопросы обсуждались и решались в присутствии членов политбюро и Государственного Комитета Обороны. Напомню, что в ГКО была объединена вся советская исполнительная и законодательная власть и партийное руководство всей страны. Государственный Комитет Обороны был высшим органом, которому подчинялись все без исключения партийные и советские организации. Последнее слово в обсуждаемых или решаемых вопросах принадлежало Верховному, но мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он противопоставлял свои мнения большинству, хотя по ряду вопросов с некоторыми военными товарищами не бывал согласен и решал вопросы в пользу интересов дела, за которое высказывалось большинство. Думаю, то здесь нет надобности убеждать кого-либо в том, что Сталин явился истинным руководителем вооруженной борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Его военный талант несравним ни с кем не только из наших военных деятелей, но и любым военным или государственным деятелем капиталистических стран, в том числе и военных деятелей фашистской Германии. Некоторые товарищи говорят, что он был не силен в тактике. Яне знаю, о какой тактике ведется речь. Если идет речь о тактике мелких подразделений или о тактике ведения боя полком или дивизией, так такие знания, надо полагать, ему и не были нужны. Эту тактику должны знать командиры рот, батальонов, полков, дивизий, корпусов, наконец, командующие армиями. Если же идет речь о тактике в стратегии, где таковая тоже, как известно, имеется, так равного ему в этой тактике не было. Кажется мне, что нет совсем никакой необходимости в том, чтобы доказывать, что верховный не воевал по глобусу, хотя, как известно, война имела глобальное значение.

Мне хотелось бы сказать и о быте Верховного, который мне довелось наблюдать. Этот быт был весьма скромен. Он владел лишь тем, что было на нем. Никаких гардеробов у него не существовало. Вся его жизнь, которую мне довелось видеть, заключалась почти в стопроцентном общении с людьми. Его явной слабостью было кино. Не раз довелось мне присутствовать при просмотре фильмов. У Сталина была какая-то удивительная

способность, а может быть это была потребность, многократно, подряд смотреть один и тот же фильм. Особенно с большим удовольствием смотрел он фильм «Если завтра война», неоднократно повторяя его. Видимо, нравился он потому, что события там развивались совсем не так, как они развивались в Великой Отечественной войне. Однако победа все же состоялась. Смотрел он этот фильм и в последний год войны. С удовольствием он смотрел и созданный уже в ходе войны фильм «Полководец Кутузов». В его личной жизни не было чего-либо примечательного, особенного. Она, его личная жизнь, была серой, бесцветной, и, видимо, это потому, что той личной жизни, которая существует в нашем понятии, у него не было. Всегда с людьми, всегда в работе».

«Иосиф Виссарионович для меня святой!»

А.Е. Голованов, как я знаю по его рассказам, был в дружеских отношениях с К.К. Рокоссовским. Оба блестящие полководцы, высокие, статные, красивые. Особенно неотразим по рассказам очевидцев был Константин Константинович (поляк по происхождению). О нем ходили всевозможные истории. Не зря их частенько приглашали в Кремль на приемы по случаю приезда иностранных гостей.

Писатель, полковник КГБ А.Б. Мартиросян автор многих работ о войне, подчеркивает в них, что только два полководца не предали своего Верховного Главнокомандующего. Это были Главный маршал авиации А.Е. Голованов и маршал К.К. Рокоссовский. Встретиться с Мартиросяном мне помог мой сын Яша, который сам в свою очередь связался с Арсеном с помощью интернета.

Так вот, А. Мартиросян рассказал, что во время одного банкета в Кремле был поднят тост за «верного ленинца». Все маршалы ринулись в очередь со своими бокалами к столу, где сидел Хрущев. Только два маршала не тронулись с места: А.Е. Голованов и К.К. Рокоссовский. Такая дерзость не осталась незамеченной. Больше этих маршалов на банкеты не приглашали. Не мог стерпеть Хрущев и отказ маршалов подписать ходатайство Президиума СССР о присвоении Н.С. Хрущеву звания Маршала. Процедура требовала согласия всех маршалов. Наконец, развязка наступила, когда К.К. Рокоссовский отказался написать о Сталине в негативном плане, как хотел Н. Хрущев. «Иосиф Виссарионович для меня святой», – ответил он побелевшему от гнева Хрущеву. На следующий день утром, когда он приехал в Генеральный штаб

(он работал помощником Министра обороны), в его кабинете сидел Маршал Москаленко, он же вручил К.К. Рокоссовскому Постановление Президиума СССР об отставке. Та же участь постигла и Главного Маршала авиации А.Е. Голованова.

Насколько наш генералитет «трухлявый», приспособленческий, показывает эпизод снятия Г.К. Жукова. Как по команде, по его словам, все вдруг «позабыли» своего начальника – Министра обороны. Ни звонков, ни посещений, опальный Маршал ждал напрасно, его забыли наследующий день. Не побоялся «забыть» Жукова А.Е. Голованов. Он приехал к нему на его день рождения. «Георгий Константинович, – рассказывал нам Александр Евгеньевич, – был сердечно тронут его приездом. Просил прощения, что во время войны вычеркнул А.Е. Голованова в наградном списке на Героя Советского Союза». «Да что вспоминать прошлое», – сказал Александр Евгеньевич, переводя разговор на другую тему.

Не могу не вспомнить, коль речь зашла и о К.К. Рокоссовском, как он однажды во время войны вынужден был остановить машину из-за пробки на дороге. Пробку создала группа солдат. Выйдя из машины, К. Рокоссовский увидел солдата, сидящего на проезжей части дороги. Он что-то рассказывал хохочущей солдатской толпе и одновременно закручивал проволокой сапог. Маршал подошел сзади. Все расступились и замолчали. «Куда собрался, солдат?» – спросил Рокоссовский. Глядя только на свой сапог, солдат ответил: «На Берлин идем, Гитлера еб…ть!» Солдата, как пишет Ф. Чуев, Маршал наградил. За высокий моральный дух и политическую сознательность.

Бронетанковая академия

После защиты диссертации, получив ученую степень кандидата исторических наук, в 1973 году я был направлен на преподавательскую работу в Академию Бронетанковых войск имени Малиновского. Представился начальнику академии Маршалу Олегу Александровичу Лосику. Увидев меня в авиационной форме, маршал очень мягко посоветовал мне сменить форму: «Слушатели больше любят своих». Сменить форму не составляло большого труда.

Бронетанковая академия размещалась во дворце Екатерины II. Начальник кафедры «История военного искусства» генерал-майор танковых войск И.Е. Крупченко предложил мне в качестве нагрузки, кроме проводимых мною занятий со слушателями,

курировать музей, проводить экскурсии делегаций и прочие заботы.

Всегда на торжественных собраниях, когда личный состав академии дружно вставал под Гимн Советского Союза, меня охватывал восторг. Глядя на крепких, молодых, грамотных командиров-танкистов я полагал, что ничто не сможет остановить эту силищу. Как в годы ВОВ танки составляли главную ударную силу сухопутных войск. Не случайно в городах на пьедестале стоят танки, именно они первыми врывались в населенные пункты.

Однажды кафедру историков повезли на полигон для сдачи зачета по вождению техники. И.Е. Крупченко не стал входить в мое положение, поскольку я увидел впервые танк так близко. «Евгений Яковлевич, – весело сказал он, – ты имеешь машину. Управление танком проще простого. Если в машине у тебя есть руль – баранка, то здесь ты видишь два рычага – левый и правый. Направо – тяни на себя правый рычаг, налево – левый. Прямо – рычаги до упора от себя. Понял? Тогда залезай в машину и вперед».

Вначале я час ходил по кругу. В башне сидел инструктор и в наушниках я слышал либо ругань, либо одобрение. Потом Крупченко пустил меня по трассе с мостами, горками, ямами. Вручая мне значок танкиста третьего класса, Иван Ефимович, довольный моим вождением сказал: «Ну вот, ты теперь танкист!»

Когда я покидал академию при переводе в Академию Генерального штаба и представлялся по случаю убытия, Олег Александрович Лосик сказал мне: «Евгений Яковлевич, в академии Вы вели себя скромно и достойно. Желаю Вам успехов на новом месте службы. Не забывайте танкистов».

Глава 5
Вячеслав Михайлович Молотов

Полет к союзникам

Молотову была сохранена квартира в переулке Грановского. На одном этаже располагались квартиры его и его дочери Светланы (она располагалась напротив). Встреча произошла в квартире, в которой жили он, его супруга Полина Семеновна и домработница Сара Михайловна. На встречу пришла дочь Светлана со своим супругом Алексеем Никоновым и дочкой от первого брака с Героем СССР летчиком-испытателем Ильюшиным – сыном авиаконструктора С.В.Ильюшина. На встрече также присутствовали Главный Маршал авиации А.Е. Голованов, поэт Ф. Чуев и наш общий друг Ш. Кванталиани.

За обедом разговор вначале шел о полете Молотова в США. После разгрома немцев под Москвой зимой 1941 года «союзники» стали проявлять интерес к сотрудничеству. В начале апреля 1942 года президент США Рузвельт пригласил Сталина в Вашингтон. А.Е. Голованову было поручено организовать перелет. Давая указания, Сталин сказал: «Об этом знаю я, Вы и Молотов». Маршрут полета был следующим: Москва – Лондон, т. к. лететь надо было над странами, занятыми врагом. Был организован пробный полет до Англии. Самолет ТВ-7 (Пе-8) после семи часов полета благополучно приземлился в Шотландии. Голованов рассказал о противодействии английского руководства готовящемуся перелету. Например, трагически закончилась пробный полет командира экипажа майора С. Асямова на английском самолете. Погибли английский экипаж, два офицера и три члена Советской военной миссии. Самолет загорелся в воздухе и развалился на части. Голованов был убежден, что дело тут нечистое. Черчилль не был заинтересован, чтобы встреча Сталина и Рузвельта состоялась. При перелете самой делегации в мае месяце англичане советовали завершить полет на острове Ньюфаундленд, что отверг в Рейкьявике американский полковник Арнольд. «Не надо туда лететь, – сказал он, – вы там не сможете сесть. Там все время меняется погода. Садитесь здесь на аэродроме Гус-Бей», – и показал его на карте. Так и поступил новый командир экипажа по фамилии Пусэп.

К концу апреля обстановка на советско-германском фронте резко обострилась. 20 апреля Сталин дает телеграмму Рузвельту,

в которой сообщает, что для обмена мнениями по поводу открытия второго фронта в Европе в США приедет Молотов. О кознях англичан Молотову не докладывали, хотя Молотов знал о них и так. Он сказал: «Да англичане не хотели, чтоб я летел к Рузвельту». Отправляя новый экипаж в дорогу, Голованов строго предупредил: «За рубежом придется отказаться от чужих самолетов. Если окажется необходимость, поезжайте на поезде или на машине на случай выполнении ответственного задания». А Сталин на гибель командира экипажа Асямова сказал Голованову: «Ну и союзнички у нас! Надо за ними смотреть в оба!»

К 10 мая самолет был готов. Сталин обещал Рузвельту прибытие делегации к 10–15 мая. Англичане и здесь показали себя – они не торопились принимать самолет у себя. Вылет состоялся только 19 мая. Главный пассажир – руководитель делегации летел под именем «Мистер Браун». Направляясь к союзникам, Молотов не баловал себя иллюзиями. Ни он, ни Сталин не верили, что удастся договориться об открытии второго фронта. «Но настаивать и даже требовать, – говорил он, мы были обязаны». Тем более что союзники это обещали. Английский премьер Черчилль подписывать коммюнике об открытии второго фронта наотрез отказался, но присутствовал при подписании договора между СССР и Великобританией. Договор касался организации союза стран для обеспечения мира в будущем. Это уже был хоть какой-то успех.

В отличие от Черчилля президент Рузвельт подписал и коммюнике об открытии второго фронта в Европе, и договор, и соглашение о поставках по ленд-лизу. С этими документами Молотов вернулся обратно в Лондон и показал их изумленному Черчиллю. Только на вторые сутки после раздумий он подписал коммюнике об открытии второго фронта. Видно было, что Молотов гордится результатами своей поездки. «Я считаю мою поездку в 1942 году нашей громадной победой», – говорил он.

Когда рассаживались, Полина Семеновна предложила мне сесть рядом с Молотовым в торце стола. Но я занял место напротив, чтобы постоянно видеть хозяина. В основном разговаривали Голованов, Чуев, Кванталиани. Я в основном слушал. В какой-то момент я заметил, что на лице Молотова отсутствует его знаменитое пенсне. В аресте Полины Семеновны винили в основном Берию. Это и понятно. Для подавляющего большинства граждан СССР Берия является олицетворением абсолютного зла.

Естественно, и здесь, и в последующих встречах на даче в Жуковке разговор в основном касался «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. Именно этот

доклад был положен в основу поношения Сталина. Только потом американский писатель Гровер Ферр после тщательного расследования напишет книгу «Антисталинская подлость», в которой покажет, что 61 утверждение Хрущева в отношении Сталина и Берии являются ложными. Асам доклад назвал «мошенническим» (*Мухин Ю., Гровер Ф., Голенков А.* Оболганный Сталин. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 154).

Я помню как нам, коммунистам, «при закрытых дверях» зачитывали этот доклад как очень важное, а, главное, секретное сообщение ЦК. Однако писатель А.Н. Голенков сообщил в печати, что этот «секретный» доклад на второй же день появился в американской газете «Нью-Йорк тайме».

О смерти Н.С. Аллилуевой

Пошел разговор и о смерти Надежды Аллилуевой. СМИ как раз раскручивали легенду о том, что параноик Сталин застрелил свою жену. Полина Семеновна нам рассказала об этих событиях, потому что сама была их участницей. 9 ноября 1932 года руководители правительства отмечали годовщину революции, за столом жена Сталина Надежда Аллилуева поссорилась с Иосифом, вспылила по какому-то поводу и вышла из-за стола. П.С. Жемчужная вышла за ней, успокаивая ее, и они долго гуляли по двору Кремля. Успокоившись, Надежда решила не возвращаться к столу, а пойти домой. Проводив Аллилуеву до дверей ее квартиры, Полина Семеновна вернулась к застолью. Няня Светланы рассказывала, что Сталин после празднования вернулся домой и лег спать в своем кабинете. Экономка Каролина Васильевна Тиль утром первая обнаружила на полу в крови Надежду Сергеевну в своей комнате. Потом разбудили Иосифа.

В своей книге Светлана Аллилуева дает рассказ свое няни о поведении ее матери накануне самоубийства: «…последнее время перед смертью Надежда Сергеевна была необычайно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга. Они сидели и разговаривали… няня слышала «как мама все повторяла, что все надоело, все опостылело, ничего не радует». А приятельница ее спрашивала: «Ну, а дети, дети?» – «Все, и дети», – повторяла мама. И няня моя поняла, что раз так, значит, действительно, ей надоело жить». (*Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. С. 101–102).

Итак, Сталин не стрелял. Тогда СМИ переключились на новую версию о самоубийстве и указали даже причину. Опять все уперлось в «диктатора» ибо причина якобы была опять-таки в

нем. По ТВ одна журналистка пыталась понять состояние Аллилуевой: «Много остается загадок и слишком много тайн, которые Кремль хранит и не отдает. Но судьба молодой умной прелестной женщины от этого не стала легче, чья драма заключалась в страстной любви и глубоком разочаровании в человеке, которого также страстно любили вначале и затем были разочарованы в нем миллионы людей…»

Причина самоубийства

Во-первых, никто и никогда не разочаровывался. Ни жена, ни тем более «миллионы людей». Во-вторых, никакой здесь кремлевской тайны нет, Надежда Аллилуева была нездорова. Причина самоубийства – ее болезнь. В роду Аллилуевых просматривается психическое неблагополучие. Этой наследственностью страдала мать Надежды – Ольга Евгеньевна Аллилуева (Федоренко). «Последние годы, – пишет Светлана, – ее стала мучить стенокардия – результат душевных недугов и переживаний… Умерла она в 1951 году в самом начале весны во время одного из стенокардических спазмов – в общем довольно неожиданно; ей было 76 лет». Касаясь сестры Надежды Сергеевны – Анны Сергеевны, она пишет, что находясь в тюрьме, та «большую часть времени пробыла в тюремной больнице. Сказалась дурная наследственность со стороны бабушкиных сестер – склонность к шизофрении». (*Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. С. 47, 57).

По поводу болезни жены Сталина более определенно высказалась газета Правда-5 от 26 июля – 1 августа 1996 г. № 28(57). Рассказав детали периода пребывания Надежды на работе в секретариате В.И. Ленина и плохом ее состоянии, газета пишет: «…Об этом косвенно свидетельствуют приказы управления Делами секретариата, в которых имеются строки о предоставлении Н. Аллилуевой отпусков по болезни: с 7 декабря 1920 г., с 8 апреля 1922 г. и т. д. В изданном приказе руководства управления от 10 мая 1922 г. указывалось: «Помощник секретаря Большого СНК тов. Аллилуева переводится в группу утерявших трудоспособность сроком на 2 месяца, с 8. 5. 22 г., ввиду ее болезни».

Племянница Надежды Кира Аллилуева в интервью сказала, что Надя страдала головными болями и по этой причине ездила в Германию. Владимир Аллилуев – сын Анны Сергеевны, старшей сестры Надежды, в книге «Сталин – Аллилуевы. Хроника одной семьи» так представил болезнь своей тети. Сначала на странице

35 пишет: «…В детстве и юности Надежда всегда была окружена заботой и любовью, как самой младшей ей перепадало душевного тепла даже больше чем другим». Однако уже на 36 странице автор, скрывая недуг семьи Аллилуевых, придумывает ей «трудное детство»: «…Видимо трудное детство не прошло даром. У Надежды стали прогрессировать головные боли сопровождавшиеся депрессиями и приступами. Все это сказывалось на ее психическом состоянии… Надежда не раз грозилась покончить с собой».

«Анна Сергеевна перед выходом из Бутырки, – пишет Владимир, была подвергнута принудительному лечению от шизофрении». Владимир отвергает болезнь матери и считает, что «лечение» носило политический характер и винил во всем Берию. А кого следует винить в помешательстве родного брата Надежды Федора Сергеевича? В отряде легендарно Камо (настоящая фамилия Тер-Петросян, кавказский большевик, кличку получил от Сталина) Федора Сергеевича испытывали «на верность». Был инсценирован налет на штаб большевиков якобы работниками жандармерии. Ужасную картину увидел Федор Сергеевич: разгромлено помещение, везде кровь, трупы. Он настолько был потрясен, что сошел с ума. Или еще один случай в семействе Аллилуевых в городе Урюпинске. В доме, в котором мы жили, покончила с собой Нина Аллилуева – дочь Михаила Яковлевича, брата Сергея Яковлевича. Она повесилась у окна. Я тогда был еще очень маленький, но помню во дворе массу людей. Все говорили: «Нинушка повесилась».

Однако вернемся к нашей теме – о Сталине.

В книге Мурина Ю.Г. «Иосиф в объятиях семьи» (сборник документов) жена Алеши Сванидзе – Мария Сванидзе (Корона) в дневнике сделала много записей о болезни Н. Аллилуевой. Тему она заканчивает словами: «После двух тяжелых потерь (имеется в виду убийство С.М. Кирова и смерть Нади) Иосиф очень сильно изменился. Стал мягче, добрее, человечней. До Надиной смерти он был неприступным, мраморный герой, а теперь, в особенности он потрясает своими поступками, я бы сказала, даже слишком обывательски человеческими».

А нам твердят всякие «историки» и журналисты нечто прямо противоположное, а именно, убив свою жену, которая как-то по-женски облагораживала «тирана», Сталин потерял всякую человечность, ожесточился и заперся в Кремле за железными решетками.

Мои вопросы к Молотову

Во время встреч с Молотовым я, как правило, только слушал. Но был случай, когда я задал ему несколько вопросов. Я спросил его, почему он, будучи Скрябиным, взял себе фамилию «Молотов»? Он ответил, что с детства заикается и произносить «Молотов» ему легче, тем более сам он из рабочих. «Мне казалось, – продолжил я, – что буржуазные политики, в общем, обеспеченные люди, и им проще отстаивать свою точку зрения в правительстве, чем нашим политикам». В.М. Молотов довольно внимательно посмотрел на меня и сказал: «Вы упрощенно понимаете этот вопрос». На следующий мой вопрос, о том, делился ли с ним Сталин о судьбе своего сына Якова, он категорически ответил: «Никогда».

На вопрос кому было труднее, Ленину или Сталину? Молотов, подумав, ответил: «Сталину было легче. Ленин создал корень – партию, на котором можно было решать вопросы».

Вначале, во время наших встреч, Молотов выпивал немного своего вина «За великое имя «Сталин», покуривал сигареты. Курил он дешевые сигареты, потому что привык к ним. Феликс Чуев донимал его вопросами по 20 съезду и всегда имел при себе сумку, в которой, кроме бутылки хорошего вина и фруктов, прятал магнитофон. Во время разговора с Вячеславом Михайловичем он незаметно его включал. Свои записи он опубликовал в книге «140 бесед с Молотовым».

В Жуковку (место нахождения дачи) приезжал писатель Иван Стаднюк. Однажды он пригласил Молотова к себе на дачу в Переделкино. Мы поехали на моей машине. Я не стал рисковать и посадил за руль своего друга из Зугдиди Индико Самсоновича Антелава. ПО дороге В. Молотов спросил: «Давно ли водитель управляет автомобилем?» – «С самого рождения!» – улыбаясь ответил Индико. «То есть водитель надежный, – заключил Молотов». – «Так точно!» – по-военному ответил Индико. Побывав у Стаднюка около полутора часов в обществе писателей, мы отвезли Молотова обратно к нему на дачу.

Восстановлен в партии

Молотову как старому большевику И. Хрущев назначил пенсию в размере 120 рублей. В Подмосковье выделили маленькую дачу в городке Жуковка. Л. Брежнев увеличил пенсию до 350 рублей (в деньгах после деноминации 1961 года), что позволило Вячеславу Михайловичу купить цветной телевизор. Исключенный из партии он, тем не менее, продолжал платить членские взносы. К. Черненко восстановил Молотова в партии,

что заметно улучшило его настроение.

Он с улыбкой рассказывал, как они с К. Черненко беседовали: «Я ему говорю одно, а он плохо слышит и говорит совершенно о другом. Так и расстались». Однако Молотов вскоре начал заметно сдавать. Последний раз мы навестили его в доме отдыха под Москвой в городе Чехове. Именно там какой-то отдыхающий не пожелал сидеть в столовой за одним столом с членом «антипартийной группы». Другой в том же доме отдыха на аллее просто шарахнулся в сторону, когда я попросил его сфотографировать нас с Молотовым.

Похороны

В.М. Молотов скончался 12 ноября 1987 года. Алексей Дмитриевич Никонов сообщил мне по телефону. Я приехал на улицу Грановского к дому. Из моих знакомых пришли В. Чуев, И. Стаднюк, поэт Дружинин, Нодари Алпенидзе (из писателей команды Э. Шеварднадзе), мой друг Ш. Кванталиани и друг по военной приемке С. Бакушкин. На двух автобусах и нескольких легковых машинах поехали в Кунцевскую больницу. Милиция оцепила подъезды к моргу и свирепо контролировала прибывающих. Мою машину грубо остановили: «Куда? Зачем? Кто Вы?»

У морга пришлось подождать. Всего собралось человек 80. Складывалось впечатление о нежелании властей заниматься этими похоронами и мы, пришедшие проститься с бывшим главой правительства, с Министром иностранных дел СССР, также нежелательны. Мимо нас прошла большая группа в соседний зал. Вскоре оттуда послышалась траурная музыка. А мы все продолжали стоять и мерзнуть. Не меньше чем через полчаса нас, наконец, впустили в траурный зал. Я постоял в почетном карауле у гроба. Ни одного официального лица не было. Выступили Ф. Чуев, И. Стаднюк, ветеран крейсера «Молотов» приемный сын Молотова полковник в отставке Скрябин. На этом траурный митинг закончился. После траурного митинга гроб повезли на Новодевичье кладбище. Поставили гроб, семья расположилась вокруг. Пока закрывали гроб, стояла томительная тишина. И. Стаднюк говорит мне: «Женя, давай споем Интернационал». Гроб без какой-либо музыки опустили в могилу, рядом с П.С. Жемчужной.

Почему молчал В.М. Молотов

Во время встреч в Жуковке никто, по крайней мере при мне, не задал хозяину вопрос: «Почему он, как ближайший соратник Сталина, промолчал на чудовищную ложь хотя бы после ухода Хрущева на пенсию?»

Американский писатель Гравер Ферр молчание Молотова и Кагановича пытается объяснить следующим образом: «… поддержка основных положений хрущевской критики Сталина Молотовым и Кагановичем наводит на мысль, что у каждого из них были свои сомнения в правильности политики 1930–40 гг. и начала 1950-х годов. В той или иной степени оба они разделяли взгляды Хрущева». Это, во-первых. А во-вторых, Гровер Ферр указал еще на одну причину: «…В состав Политбюро тогда же входили А.И. Микоян, В. М. Молотов, Л.М. Каганович и К.Е. Ворошилов. Однако только этим обстоятельством нельзя объяснить, почему все они согласились (пусть временно) с основными положениями «Закрытого доклада» (*Мухин Ю.И., Гровер Фэрр, Голенков А.* Оболганный Сталин. С. 70, 153–154).

Еще одной вероятной причиной молчания Молотова, на мой взгляд, вполне может быть разнос, который устроил ему Сталин в 1952 году на Пленуме ЦК ВКП(б) 16 октября.

«…Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя протии мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» (шартрез – французский ликер) на дипломатическом приеме, дал согласие

английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо».

Симонов комментирует: «Говорилось все это жестко, а местами более чем жестко, почти свирепо… Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял… Он говорил о Молотове долго и беспощадно… В зале стояла страшная тишина…»

После такого разноса у Молотова могла затаиться большая обида на Сталина. Я помню его злую реплику на даче в Жуковке: «Но он же меня вышиб из политики». После смерти Иосифа Виссарионовича, Молотову Хрущев возвращает должность министра иностранных дел. Его жену Полину Семеновну также возвращает из тюремной ссылки. Жемчужная (Карповская Перл) в 1948 году была исключена из партии за связь с сионистской организацией, а в январе 1949 года арестована и сослана в Казахстан. Сразу после ее возвращения была восстановлена в партии. С чего бы, спрашивается, у Хрущева такое внимание к семье Молотова. Не связано ли оно с убийством Сталина? Тогда

чем можно объяснить послушное следование Молотова в фарватере хрущевских преступлений. Почему даже после разгона «антипартийной группы» Вячеслав Михайлович продолжал отстаивать хрущевскую версию по ликвидации Л. П. Берии?

Метаморфоза большевика

В 70-х годах в беседе с поэтом и писателем Ф. Чуевым (автором книги «140 бесед с Молотовым») Молотов о событиях 26 июня 1953 года сказал, что Берию арестовали на заседании Политбюро. Такой же позиции, какой представлял ее Хрущев, придерживается и официальная линия правительства – арестован, осужден, наказан. Даже радиостанция «Свобода» до сих пор муссирует Хрущевскую басню.

«Кто первый взял слово, – начал рассказ Молотов, – я уже не помню. Я тоже в числе первых выступал, может я даже первый, а может второй… Были и другие вопросы, какие, я сейчас точно не могу вспомнить. Может быть, с этого началось. Начали с этого вопроса вне очереди, а вероятно кто-то поставил вопрос: просто надо обсудить Берию… Берия говорил, защищался, прения аж были. Выступал: «Конечно, у меня были ошибки, но прошу, чтобы не исключали из партии».

На Политбюро, оказывается, были прения, и выступил Берия! Но это еще не все. Ф. Чуев записал настоящую сенсацию: Молотов назвал имя убийцы Сталина. Он рассказал, что 1 мая 1953 года, стоя на трибуне Мавзолея, Берия ему доверительно сообщил, что это он спас членов Политбюро, что, дескать, это он убрал Сталина. Спустя несколько лет, едва ли не слово в слово, Молотов повторил то же самое известному писателю В. Карпову. Выбор был не случаен: Ф. Чуев писатель-хроникер, В. Карпов – Герой СССР, писатель. Силу печатного слова Вячеслав Михайлович знал хорошо, сам был редактором газеты «Правда». В книге «Генералиссимус» В. Карпов пишет:

«…И наконец, самое неопровержимое доказательство – признание самого Берии в убийстве Сталина!

Рассказал об этом Молотову. Я не раз хотел его расспросить о загадочной смерти Сталина, но не решался, уж очень вопрос был «щекотливый». Но после наших бесед в течение нескольких лет, после того, как Молотов стал доверять мне и даже просил организовать «конспиративные» встречи с друзьями, я однажды решился затронуть эту тему. Сначала не прямо, а наводящим вопросом:

– Говорят, Сталин умер не своей смертью.

Молотов ответил не сразу. Подумал.

– Да, для таких подозрений есть основания.

– Называют даже конкретного убийцу – Берию.

Вячеслав Михайлович опять довольно долго молчал.

– И это весьма вероятно. Может быть, даже не сам, а через своих чекистов или врачей.

Я чувствовал, что-то не договаривает Молотов, но нажимать на него не решался. Казалось, он больше ничего не скажет. Но, видимо, у него шла внутренняя борьба. Возможно, он думал, что уже стар и не надо уносить с собой большую тайну.

Без моего дополнительного вопроса он вдруг, как бы даже не для меня, стал вспоминать:

– На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года произошел такой вот разговор. Берия был тогда близок к осуществлению своих замыслов по захвату власти. Он уже сам, да и все мы считали его самым влиятельным в Политбюро. Боялись его. Вся охрана вокруг была его ставленники. Он мог в любой момент нас ликвидировать. Но он понимал, что так поступить нельзя, народ не поверит, что все мы враги. Ему выгоднее превратить нас в своих сторонников. И вот, как бы напоминая, что произошло на пленуме после XIX съезда, когда Сталин хотел с нами расправиться, Берия на трибуне Мавзолея, очень значительно сказал мне, но так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков:

– Я всех вас спас… Я убрал его очень вовремя.

Можно ли верить Молотову, что Берия сказал такие слова?

Я думаю, что можно. Молотов очень крупная личность, он понимал цену таким словам и вообще, всегда, на всех постах, знал вес и значимость каждого слова. Это не кухонный разговор. Он понимал, о чем говорит и с кем говорит. Эта фраза не повиснет в воздухе, она отложится в моей памяти, и я как писатель, когда-то дам ей огласку, и страшный смысл ее войдет в историю». (*Карпов В.* Генералиссимус. Оренбургская книга, 2004. С.778–790).

Прежде чем словам Молотова войти в историю, неплохо бы вспомнить, что 29 июня 1953 года состоялось заседание Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР. А точнее оно произошло ровно через три дня после убийства Л. Берия – 26 июня. (см. Раздел «Проклятая каста» За что убили Берию). Повестка дня звучала так: «Об организации следствия по делу о преступлениях, антинародных и антигосударственных действиях Берии». В СМИ создавалась ложная обстановка, дескать, Берия арестован и пишет покаянные письма в ЦК, скоро состоится суд. Где как не на этом эпохальном заседании Молотов обязан был

рассказать своим товарищам по партии о разговоре с Берией 1 Мая на трибуне Мавзолея. Однако история не сохранила ни единого свидетельства того, что такие слова на этом заседании были произнесены.

Возникает естественный вопрос к автору «Генералиссимуса»: «Почему Молотов промолчал, а стало быть, скрыл от следствия важное свидетельство виновности Берии в смерти Сталина?» Все очень просто: этого разговора на трибуне Мавзолея не было, и быть не могло! Автору наверняка должно было быть известно о том, что Берия занимался атомным проектом, а охрана Сталина подчинялась министерству МГБ, главой которого был Игнатьев. Наконец Берия был преемником вождя и этим все сказано.

Не связано ли это «откровение» Молотова с тем фактом, что появились книги таких исследователей как Ю. Мухин, Е. Прудникова, А. Мартиросян и А. Сухомлинов, в которых раскрывается тайна убийства Сталина и Берии? Но так как тиражи смехотворно малы (от 3000 до 5000 экземпляров!) подавляющее большинство нашего народа до сих пор живет сказками дедушки Никиты и имеет крайне смутное представление о событиях тех дней. Молотов, посредством «исследователей» вроде Карпова вбросил в массовое сознание эту ложь, которая благодаря его авторитету намертво въелась в сознание не одного поколения людей. «Ай, да Молотов! Ай, да…» «сын известной матери!»

Врать, используя свой авторитет, приобретенный в том числе, а может даже и в большей степени, в результате работы с Лениным и Сталиным – это одно и очень некрасиво. Но распространять слухи о том, что Берия сам признался в убийстве Сталина – это уже подлость.

Другими словами, с некогда революционно-исторической личностью произошла натуральная метаморфоза. Он превратился поначалу в союзника переворота, а в конце жизни в провокатора.

Глава 6
Любовь моя – Грузия

Гори

В г. Гори я впервые побывал в 1956 году, благодаря Ш. Эгнаташвили. Через 6 лет Р. Бзишвили, одобрив мой выбор невесты, помог с организацией свадебных мероприятий, в том числе свадебного стола, который был накрыт в доме Отара Коринтели. Я некоторое время, бывая в Грузии, не заезжал к Отари, ввиду отсутствия у меня личного автомобиля. А однажды, когда я наконец взял напрокат автомобиль и приехал к нему в Гори, он огорченно заметил, что ему стыдно перед соседями за мое, такое невнимательное поведение. Но, узнав причину, перестал сердиться и с большим удовольствием стал рассматривать мой автотранспорт. Брать напрокат автомобиль я перестал после того как мой друг и крестный моего младшего сына Захар Хиталишвили (герой Советского Союза, летчик-штурмовик) предложил мне пользоваться своей «Волгой» во время моих пребываний в Грузии. Кроме него я одалживал автомобиль также у Резо Порчхидзе. Его «Волга» зеленого цвета с номерными знаками 01–10 стала важной частью наших семейных воспоминаний, особенно для моих детей. Отара Коринтели я стал навещать регулярно во время своих отпусков.

Мои дети крещены в Мцхете в соборе Светицховели, а вот внуков решили крестить в церкви в 10 километрах от Гори в местечке Атени. Говорят, что именно там и был крещен Сталин. Моего старшего сына Виссариона крестил архитектор Вахтанг Абрамишвили. Вахтанг является внуком друга Сталина по духовной семинарии Петре Капандадзе. Младшего, Якова крестил, как я уже говорил, герой Советского Союза летчик-штурмовик Захар Хиталишвили. Крещение моего старшего внука Иосифа (Сосо) отмечали почти все члены партии «Единая Грузия» во главе с ее руководителем П. Георгадзе. Крещение Василия (Васо) прошло в кругу друзей. Тамадой был мой старый друг Отари Чигладзе. Близкие друзья называют его «Котана». Олю, самую младшую мою внучку, крестили аж пять человек. Почему? А почему бы и нет? Так решили ее родители, мой сын Яков и его супруга Нина, и все тут.

Горийское партийное руководство относилось ко мне с огромной доброжелательностью. Я еще буду писать об этом их ко

мне отношении. Но особенно близкие отношения у меня установились с Важа Павловичем Абрамишвили. От него исходила какая-то особая, отеческая забота и доброта. Он был последним, кого я застал руководителем районного партийного комитета г. Гори.

Особый день

Если я находился в Грузии, то день рождения вождя 21 декабря непременно отмечал в его родном городе. Вместе со мной в Гори ездили многие мои друзья и знакомые. Каждая поездка была по своему особенной, но ни одна из них не обходилась без бурных обсуждений правителей СССР по дороге туда и обратно. Одно время поездки организовывал Автандил Маргиани. Он был вице-премьером в правительстве Э. Шеварднадзе. Однажды он предложил взять с собой в Гори моих внуков – Сосо и Васо. Мы поехали на двух машинах. Вместе с нами поехали также Г. Бердзенишвили – писатель, академик; В. Хачапуридзе – предприниматель из Цхинвали; и еще несколько человек. Диспут в дороге не прекращался ни на минуту. Г. Бердзенишвили, автор книги «Сталин – Бог перманентных побед», лучше других владел темой, поправлял собеседников, уточнял какие-то факты, цифры и т. д. Я в основном слушал и старался не вступать в диспут. Дети сидели спокойно и с интересом разглядывали разгоряченных беседой моих знакомых.

У памятника Сталину

В этот день с самого утра площадь перед памятником Сталину заполнялась телевизионщиками. Нашу группу замечали издалека и выстраивались так, чтобы весь наш «колхоз» вошел в кадр. Вопрос большинства журналистов звучал примерно так: «Почему народ до сих пор помнит и любит Сталина несмотря на столь тотальную антисталинскую и антисоветскую пропаганду в Грузии? А мой ответ, если коротко, звучал примерно так: «Потому что при Сталине мы жили лучше, в безопасности и с уверенностью в завтрашнем дне…» Потом к микрофону попросили Сосо. Он, немного стесняясь (первое публичное выступление как-никак!), что-то сказал в микрофон по-грузински. По реакции публики я понял, что «дебют» прошел нормально. Василий тоже стал что-то говорить в микрофон, но когда вдруг камеру убрали, он замолчал. Василию это сильно не понравилось.

После возложения цветов к памятнику, Маргиани всю компанию пригласил в ресторан неподалеку. Тамадой был он. Его могучий голос продолжал звучать и за столом. Он попросил Сосо громко и с выражением прочитать знаменитое стихотворение И.Сталина «Утро». Сосо, как мне кажется, с удовольствием читал стихотворение перед собравшимися. Любопытство и восторг участников застолья выразились в бурных аплодисментах. Садясь на стул под аплодисменты, он на ухо тут же по-русски спросил меня: «Бабу, ты смотрел, все меня слушали?» На утвердительный ответ переспросил: «Это точно?» Что касается Василия, то он наотрез отказался что-либо говорить. Настроение ему было испорчено на площади у памятника. Наверно годам к восьми по моему совету Сосо свои «застольные чтения» прекратил. Его ждали другие аплодисменты и в другом месте. Я в детстве жутко стеснялся выступать перед публикой, поэтому мне было приятно наблюдать за Сосо, которого совершенно не смущало прикованное к нему внимание присутствующих. Теперь он дирижирует симфоническим оркестром. Я называю Сосо «господином маэстро».

Дворец в Ликани

Сам Иосиф Виссарионович после революции ни разу не посетил свой родной город. Хотя в 1951 году он собирался это сделать, находясь на отдыхе в Боржоми. Дворец находился в Ликани (предместье Боржоми). Я бывал там не один раз. Его построил царь Михаил Романов при освоении места добывания целебной воды «Боржоми». Был построен завод по изготовлению и разливу бутылок. Дворец стоял в ущелье на берегу р. Кура. Имелся большой парк. Мне запомнилась бильярдная. Над зеленым столом низко висели осветительные лампы. Джибо Николаевич Ломашвили, первый секретарь Боржоми, предложил мне сыграть с ним партию. Странное у меня было чувство – я играю на бильярде, на котором играл сам Иосиф Виссарионович. Это незабываемо. О его поездке в Гори знают многие жители Боржоми и Хашури. Один житель Хашури рассказал мне, что Сталин по дороге в Гори остановил машину в селении Осиаури, которое расположено между Хашури и Гори. В лесу накрыли стол. Закусив, Сталин закурил и оставил на столе свои спички. Когда машины уехали, этот житель коробок спичек хранил как «золотой сувенир о вожде».

Короче говоря, Сталин приказал развернуть машину и уехал в Боржоми. Некоторые говорят, что ему не понравилась дорога. Но

причина, видимо, была другая: он не любил ликования толпы. Ко всему прочему в 1949 г. в честь его 70-летия каждая республика предложила построить в Гори свою улицу. Предложение Сталиным было отвергнуто.

В Гори побывали дети Иосифа Виссарионовича Василий и Светлана в 1951 г. Правда, реакция дочери Сталина на посещение музея была более чем странна. Вот что она пишет по этому поводу: «…К сожалению, наша поездка была совершенно отравлена официальными почестями и осмотром «Музея Сталина» и его домика. Домик этот – лачуга, где жила семья сапожника, по инициативе Берии, был накрыт сверху крышкой, мраморным павильоном, похожим на небольшую станцию метро. Под этим мраморным балдахином с трудом можно было разглядеть крошечную хибарку, которая так и стояла бы сама по себе и говорила бы сама за себя без мрамора: там нам каждую вещь демонстрировали как святыню, с благоговейной дрожью. Это вызывало чувство мучительного стыда и желания поскорее уйти».

Снос памятника

Сегодня в Гори памятника И.В. Сталину нет, его убрало правительство М. Саакашвили. Один из приближенных к президенту чиновников Г. Барамидзе заявил по телевидению: «Сталин – это позор Грузии». Ночью при свете фонарей 22 июня 2010 года они демонтировали памятник. Все это напоминает хрущевские времена, когда так же под покровом ночи, в тайне от общественности, выносили Сталина из Мавзолея. М. Саакшвили, как и Н. Хрущев, боялся своего народа. О Саакашвили я слышал в Москве, что его прозвали «мотоциклом без тормозов».

Горийцам, скажем прямо, с руководителями республики просто не везет. Они, то превозносят Сталина-земляка, то наоборот называют «позором нации». Вот, например, Саакашвили-президент снес памятник Иосифу Виссарионовичу, а совсем недавно Шеварднадзе – секретарь ЦК КП Грузии якобы преклонялся перед именем товарища Сталина. Он в годы правления Л. Брежнева прямо заявил: «Надо изучить феномен Сталина и связанные с этим явления». Горийскому музею было поручено возглавить работу. Однако его призыв, как потом выяснилось, оказался болтовней.

Став министром иностранных дел СССР при новом хозяине в Кремле «Белый лис» в корне изменил свои взгляды и на товарища Сталина, и «на связанные с ним явления». Горбачев назовет

Шеварднадзе своим соратником, причем подчеркнет его неоценимый вклад в разрушение СССР.

Хинкали

А вообще-то мы чаще ездили в Гори сами. За рулем Яша, и Нина впереди, я с внуками сзади. «А в ресторан зайдем?» – в первую очередь спрашивал Василий.

Поездка в Гори по любой причине означала посещение музея Сталина. Работники музея – милые женщины, всегда были рады видеть нас и всегда спрашивали: «А где Нана?» Мы как всегда отвечали: «Сидит дома». Надо сказать, что Нана вообще не любила быть на виду.

Словом, быть в Гори, на родине Сталина и не выпить за него, было грешно. Обратно отправлялись с хорошим настроением. Нина включала музыку и вперед. Не доезжая г. Каспи, вернее развилки дорог, я начинал как обычно рассуждать: «Посидели в ресторане неплохо, но было бы еще лучше, если бы мы сейчас где-нибудь отведали хинкали». «Я вам дам хинкали!» – не отрывая взгляда от дороги, вставляет реплику Яша. Нина тогда спрашивает меня: «Яковлевич, а где готовят приличные хинкали?» – «Хватит! Едем домой!» – отрезал Яша. После небольшой паузы я вновь начинаю прерванный разговор: «Яша, а ты не знаешь это место?» В ответ получаю: «Отстань, не знаю!» Тогда я говорю Нине: «Ты знаешь, Нина, твой Яша на вид очень строгий, а на самом деле он не такой, он добрый и мягкий». «Не говори, – отвечает Нина, – мой Яшечка такая прелесть!» – «Ладно, – останавливает ее Яша, хватит, заедем, только ненадолго».

Георгий Северьянович Магулария

Жора Магулария, мой тбилисский друг – человек-непоседа. Вечно его куда-то несло. Сидеть на одном месте для него было хуже пыток. «Вот если бы мне дали должность с кабинетом и секретаршей, – откровенничал он, – я бы не смог работать, клянусь! Я бы сбежал». Он был сотрудником базы запасных частей автотранспорта и регулярно мотался по Союзу. Особенно часто ездил в город Горький (сегодня Нижний Новгород).

Внешне Жора был небольшого роста с вполне уже приличным животом. Он не был похож на типичного грузина, его скорее можно было принять за русского. Веснушки на лице и рыжий чуб (оставленный для последней драки) на почти облысевшей голове

делали его малоприметным в толпе. Поэтому я, когда увидел его красавицу жену Циалу, был поражен. Она была полной ему противоположностью. Что-то аристократическое в поведении и воспитании исходило от нее. Красивое лицо всегда озарялось при встрече очаровательной улыбкой. Мне казалось, она была настоящей грузинской княжной.

Разумеется, я спросил своего рыжего и невзрачного друга: «Послушай, Жора, каким образом тебе удалось заполучить такую жену?» Он мгновенно ответил: «Да запросто, я ее просто заболтал». То, что у него есть такой дар, я знал по себе, но поверить не хотел. Раскрыть секрет помогла сама Циала: «Евгений, не верьте ему. Георгий умел ухаживать как никто другой». Потом на полном серьезе Жора доказывал, что этот дар у него от предков. Он подарил мне документ – рекламу магазина купца Магулария в Москве, его родственника. В магазине предлагали продукты, напитки и кондитерские изделия. Сегодня семья состоит из самого Георгия, его супруги Циалы, двоих сыновей-близнецов и отца Жоры – Северьяна, находившегося уже в преклонном возрасте. Загорелся он идеей взять для меня машину напрокат. «Права» у меня были, но я не был жителем Тбилиси. «Подумаешь» не посмеют отказать внуку Сталина. У меня там есть знакомые. Пошли!»

В конторе проката единственная трудность состояла в отсутствии само машины в более или менее приличном состоянии. Общими усилиями нашли белый «Москвич». Сказать, что мы были в восторге, значит, ничего не сказать. Мы наслаждались свободой. Не надо у кого-то просить и одалживать машину. Вот она у тебя, езжай куда пожелаешь. Длинные очереди на заправку Жора преодолевал запросто. Он влезал в очередь и, показывая на меня пальцем, забирал заправочный пистолет. Невозмутимый в распахнутой до пупа рубахе, он махал мне рукой, дескать «давай скорей сюда»! Потом мы ехали по его делам: там надо взять доверенность, там срочно позвонить, там подписать бумагу, там просто поскандалить и т. д.

Внук Сталина – Василий Васильевич Сталин

Он и сообщил мне, что в Тбилисском университете появился сын Василия Сталина. «Жека, – пристал ко мне Жора, – поедем, познакомимся. Он же твой брат. Может, он в чем нуждается? Живет он в гостинице «Иверия». Приехали, у администратора узнали телефон, и Жора попросил Василия выйти в фойе. Вышел парень высокого роста, но очень худой, в белой рубашке с

закатанными рукавами. Познакомились. Ничего Васиного я в нем не нашел. Саша от Галины Бурдонской – другое дело – копия Василий. Жора предложил «перекусить», Василий отказался. Я заметил, что он был без часов и предложил ему свои как студенту. С неохотой он взял их, положил в карман и сказал: «Для меня время не существует». Мы с Жорой переглянулись – ничего себе заявочка! На этом мы и расстались. Учился он вначале в Москве, связался с наркоманами. Мать его – дочь Маршала Тимошенко и жена Василия Сталина – Катерина перевела его в Киев. Но и украинские наркоманы вскоре оказались в его окружении. Пытаясь спасти сына, Катерина привезла его в Тбилиси, устроила в Университет. Однако и здесь он нашел «друзей». Мать вынуждена была забрать его в Москву. В возрасте 23 лет он умер, мне сказали, от передозировки, похоронен на Новодевичьем кладбище г. Москвы.

Покупка автомобиля

В 1968 году подошла моя очередь на покупку автомобиля. Заплатил я деньги, получил гарантийный талон и стал ждать поступления авто на базу. Как только Жора узнал, что «жду товара», плюнул с досады и сказал: «Поехали на завод в Горький! Сам выберешь себе цвет для своей машины». Он знал, что автомобильному заводу выгоднее отпускать машины непосредственно с завода. Уговорил меня поехать, и к вечеру были на месте. Ночевали в «до боли» знакомой ему гостинице. Утром он повел меня на свой «родной» завод. «О, кого я вижу! – восклицали многие снабженцы, – опять «Северьяныч» приехал». Я решил взять «Волгу» белого цвета. Оформлением занимался естественно Северьянович. В бухгалтерии меня рассматривали с нескрываемым любопытством. А на складе, кроме комплекта для машины (насос, домкрат, гаечный ключ и т. д.) Георгию подарили еще пластмассовый передок к новой модификации машины.

Я в восторге касался новой машины, а от запаха в салоне у меня просто кружилась голова, не терпелось скорее поехать домой. Но с отъездом пришлось повременить. Нас предупредили, что у центральных ворот завода пасутся рэкетиры и под угрозой поломки машины требуют определенную плату. Георгий вначале выругался, затем исчез. Вернулся и коротко бросил мне: «Заводи, поехали». По территории завода доехали к каким-то воротам. Вышел охранник, проверил документы и, ничего не спрашивая, пожелал счастливого пути. «Они это сделали только ради исключения», – многозначительно пояснил Магулария, показывая

на себя пальцем. За воротами было спокойно, рэкетиров не было. Но тревога не покидала нас. Поглядывая по сторонам Жора стал выводить нас на главную дорогу. В Москву мы въехали глубокой ночью. «Северьяныч» обычно останавливался в гостинице, но на этот раз согласился остаться у нас, где мы и отметили свою покупку.

На этой машине мы с Георгием проехали из Тбилиси в Москву: я возвращался из отпуска, а он ехал в командировку в город Горький на свой автомобильный завод. Под Ростовом я налетел на дышло прицепа. Удар пришелся по ручке двери, где сидел мой друг. «Ты же, скотина, мог меня убить!», – издевался он долго. И все равно он по-прежнему садился в машину и был всегда рядом.

Тестю Г.С. Нозадзе на летний период Совет Министров выделял двухкомнатную квартиру в дачном поселке Цхнети, выше Тбилиси. По утрам я покупал знаменитый Цхнетский круглый белый хлеб и спускался в город к Жоре. Его дом, если ехать от проспекта Руставели, был в переулке на подъеме. Левое колесо я ставил в небольшую ямку (ручник уже не требовался) и давал длинный сигнал. Проходило какое-то время, прежде чем в арке дома появлялся недовольный моим сигналом хозяин. Принимая хлеб, он сердитым голосом каждый раз говорил: «Вот посмотришь – завтра же закопаю твою яму, чтобы ты не выпендривался перед соседями. Его сосед Сосо – человек с юмором, восклицал: «До чего я дожил! Внук Сталина утром мне привозит хлеб!» А ямка моя существует и по сей день. В утренние часы мы с Жорой любили подняться на Мтацминду, заказать иверийские сосиски с пивом и планировать свой новый день.

Нуну Саришвили

В очередной отпуск друг нашей семьи летчик-штурмовик Герой СССР Захар Хиталишвили пригласил меня посетить вагоноремонтный завод им. И.В. Сталина. Директором завода был Аполлон Масхарашвили. Он сам провел нас по цехам завода. До революции завод занимался ремонтом паровозного хозяйства, а затем, в советское время, начал выпускать грузовые автомобили и локомотивы. Показали мне токарный станок, на котором работал в свое время Михаил Иванович Калинин. Директор подарил мне оригинальный портрет И.В. Сталина, сделанный умельцами завода. Оригинальность заключалась в том, что в одном портрете было сразу три портрета, если смотреть на него с разных сторон.

После экскурсии по заводу директор пригласил нас к себе

домой на обед. Там за столом я познакомился секретарем парткома завода – Сулико Саришвили. Когда мы уходили, я заметил во дворе дерево хурмы, усыпанное огненно-желтыми плодами. Хозяин заметил мой восторг. Топором срубили, и подарили мне целую ветку с плодами. С этого дня началась моя дружба с Сулейманом Ипполитовичем Саришвили. Сулико был женат и имел двоих детей: Отари и Майю. Его жена Нуну была уникальная женщина. В ней сочетались одновременно качества матери, дипломата и повелителя. Она была в курсе всех тбилисских слухов и новостей. Получала их, как говорится, из первых рук, и имела свое мнение по каждому из них. Когда она приходила в гости, то первое, что она делала, это прищурив поврежденный глаз, внимательно изучала накрытый стол. Уникальность Нуну заключается в том, что она относится к самой себе с большой иронией. Она всегда повторяла: «Евгений, ты обязательно должен быть на моих похоронах». Это редкое качество в людях. Нуну является врачом-терапевтом и она сама, по собственной инициативе, взяла на себя медицинскую заботу о моих детях, когда они были еще очень маленькими.

Искренняя забота о детях очень сблизила наши семьи. Нуну Михайловна любила организовывать семейные пикники на природе. С наступлением темноты их водитель Топик Киримов добродушный парень организовывал освещение. В Москву Нуну приезжала всегда с подарками. Одним словом мы так подружились, что она попросила меня стать крестным отцом ее сына Отарико, я с радостью согласился.

После застолья в Душети

В своей семье Нуну Михайловна имела непререкаемый авторитет, ее слово было решающим. Мы с Гоги Схиладзе между собой сочувствовали Сулико по поводу его властной супруги, но никогда с ним не обсуждали ее. Однажды Нуну, сильно занятая в больнице, не смогла поехать по приглашению моего шурина Гиви в Душети на какое-то торжество в его семье. Гоги очень обрадовался, что Сулико будет один без Нуну, которую Гоги вообще-то побаивался. Да и не только он – при ней все мы старались держать себя в рамках. Словом «свобода» охватила нас и в гостях погуляли, как говорится, на славу.

По дороге обратно недалеко от Душети я остановил машину «посмотреть природу». Сулико еле-еле держался на ногах пока, наконец, не упал, и о камень не разбил голову. Привезли его обратно в Душети. Жена Гиви Нана обмыла улыбающегося

непонятной улыбкой Сулико, обработала рану и забинтовала голову. Только сейчас нас охватил ужас. Как сказать Нуну? И кто отведет домой Сулико? Время уже позднее и Нуну наверняка дома. Другими словами – грозы не миновать!

Гоги отказался сразу: «Ни за какие деньги!». Гиви вначале что-то бормотал о своей вине, поскольку выпивали у него. Однако закончил словами: «Товарищи! Нуну Михайловна не станет повышать голоса на человека, крестившего их сына. Как она любит Отарико, мы знаем». Затем, тыкая пальцем мне в живот, заключил: «Вот тебе, Евгений, и придется доставлять Сулико». «Совершенно верно, – подхватил Гоги.

Дверь открыла сама Нуну. Взглянув на нас, она все поняла. «Где сделали перевязку?» – быстро спросила она, затем посадила мужа на диван, а меня заставила, как на духу, все рассказать, как было – где сидели, что пили, где упал Сулико, и как доехали. «Вот, Евгений, – сказала Нуну, – Сулико одного отпускать никак нельзя!»

Поступок Отарико

Ее старший сын Отари, уже состоявшийся медик поехал на стажировку в Америку. Прошло некоторое время, по-моему, год-полтора, как позвонила Нуну: «Евгений, ты знаешь, что Отари натворил?» После значительной паузы она сказала: «Он, подлец, женился. Я его не для этого посылала в Америку! Пусть только попробует приехать!» – и в гневе бросила трубку. Однако, когда он, вместе с женой решил навестить своих родителей, то Нуну стала готовить торжественную встречу. Пригласила родственников из деревни. Позвонила она и мне: «Евгений, твоя машина тоже понадобится. Все поедут на аэродром встречать моего Отарико».

Гони Схиладзе, наш родственник, вместе со мной постоянно общался с семьей Саришвили и как все называл хозяина по имени – Сулико. Но когда Гоги узнал, что Сулико назначен председателем исполкома Ленинского района г. Тбилиси, то при первой же встрече с ним он, как бы между прочим, поинтересовался именем его отца. «Моего отца звали Ипполит, – ответил Сулико удивленно, – а тебе-то зачем?» Гоги сделал два шага назад и громко произнес: «Как поживаете, Сулейман Ипполитович?»

В исполкоме Сулико увидел, что творят чиновники. Взяточничество процветало. Однажды он со мной даже поделился своими мыслями, жалел, что ушел с завода: «Там, – сказал он, –

было приятнее работать». Бороться с несправедливостью он не мог, был мягким человеком. Видимо обстановка на работе сыграла свою роковую роль, он вскоре заболел и умер.

Душети

В 60 километрах от Тбилиси по Военно-грузинской дороге в Россию есть город Душети, около которого раскинулось знаменитое озеро Базалети. Знаменитое, потому что по легенде на дне озера хранится золотая люлька, в которой вырос герой-освободитель Грузии.

Для меня город Душети знаменитым стал потому, что брат Наны – Гиви – женился на девушке, семья которой проживала в этом городе. Семью возглавлял поэт Виктор Иванович Касрадзе. Он был высокого роста, худощавый и производил впечатление строгого и занятого человека. Он постоянно что-то мастерил: то возился в гараже, то строил во дворе помещение для электропилы. Именно здесь он потерял четыре пальца левой руки. Однако он по-прежнему играл на пандуре (струнный инструмент типа русской балалайки). С рождением его внучек Лелы и Натии занялся фотографией – все комнаты были увешаны их портретами.

В Грузии Виктор Иванович был известным поэтом, часто выступал на праздновании «Важаоба» в селении Чаргали – родины Важи Пшавела. Постоянно носил шляпу, даже когда садился в свой «Москвич» первого выпуска. Раньше, до нашей встречи, он умудрился врезаться в грузовик, хотя тогда машин в Душети можно было сосчитать на пальцах. Меня Виктор Иванович просто обожал. Он хотел общаться со мной, но языковый барьер (он не владел русским, а я грузинским) приводил к комичным ситуациям. Когда он хотел что-то сказать, то вдруг умолкал и неподвижно глядел на меня вопросительным взглядом. На помощь нам приходили, как правило, его внучки или дочь Нана.

Супруга Виктора Ивановича – Аннета, сильно поседевшая женщина, была небольшого роста, тихая и почти незаметная в доме. Но именно она создавала ту доброжелательную атмосферу семье, комфорт, который я постоянно ощущал их доме. Она как родного сына приняла зятя – нашего Гиви. С его приходом появились внучки, забурлила новая жизнь. Частенько в семью приходил известный в Грузии душетский самобытный певец Илья Закаидзе (Ико) и пел народные песни неповторимым голосом. Его одежда и манера поведения, все говорило о том, что перед нами артист, но без претензий и без самолюбования. Сосед через

дорогу – Айтар, был попроще. Мы с ним так однажды поужинали, что поменялись сорочками. Как это делают футболисты после окончания матча.

За вином в Кахетию

Запасаться вином входило в обязанности зятя семьи. В свое время мой шурин Гиви Нозадзе учился в Сельскохозяйственном институте и естественно знал многих виноделов. Один хорошо знакомый ему директор винного завода в городе Гурджаани Гиви Зауташвили пригласил нас в гости. «Завтра поедем в Кахетию за вином», – коротко сообщил Гиви Георгиевич, принимаясь мыть винную посуду. Дорога шла по равнине и незаметно, проделав около 130 километров, мы во второй половине дня были на месте. Директор завода сам водил нас по заводу с его необычайным винным запахом. В цехах бочки стояли одна на другой вдоль стен и были заполнены разными винами. Нам предложили самим выбрать вино. Дегустацией занимался Гиви. Его выбор пал на бочку с вином «Манави».

Рабочие взяли нашу посуду, а нас сопроводили в небольшой сад на территории завода. За кустами белела скатерть накрытого стола. Кахетия славится своим жарким летом. Если на заводе было прохладно, то в саду жара давала о себе знать. Директор предложил снять верхнюю одежду и первый сел за стол, оголенный до пояса. Следом в том же виде уселись и мы. Подошли еще несколько его товарищей и встреча началась. На стол подавали выбранное нами вино «Манави». Примерно через три часа я заторопился, чтобы не ехать обратно ночью. Вино было давно загружено, а пятилитровую бутылку заполнили «Киндзмараули» для моей супруги. Осторожно, будто младенца, Гиви взял бутыль в руки.

Поблагодарив Гиви Зауташвили и его друзей, мы тронулись в обратный путь. По дороге Гиви стал вновь рассказывать о Кахетии, ее исторической роли в судьбе Грузии. И все-таки ночь застала нас в дороге. Выезжая из Сагареджо машина уперлась в клумбу. Фары высвечивали развилку дорог. Ни указателей и никакого освещения. Гиви по наследству облысел еще студентом. В шутку мы называли его «товарищ Ленин», а его жену (за ее спиной) Крупской. «Куда ехать, товарищ Ленин?» – говорю я Гиви. Он сидит в кепке с бутылью на руках. Долго вглядывался в темноту. Затем театрально, подражая Ленину, вскинув руку вперед, сказал: «Прямо, товарищи!»

Долгое время Новый год моя семья встречала в Душети.

Очень удобно: прямо из-за стола выходишь во двор и пали, сколько хочешь, ракетами или бросай взрывпакеты. Пострелял и сразу садишься за стол, чтобы опять его покинуть для очередных стрельб. В городе обстановка совсем другая. Гиви обожал свою тещу Аннету. Когда она умерла, Гиви попросил своего друга, известного скульптора Мераба Бердзенишвили изготовить надгробие на могилу Аннете. Его работы: памятники Георгию Саакадзе, Давиду Строителю, скульптурная композиция у госфилармонии «Муза» и другие хорошо известны в Грузии. Из белоснежного мрамора скульптор выполнил просьбу, и эта плита по сей день украшает ее могилу Аннета достойна такого белого покрывала своего погоста.

Рача – высокогорная Грузия. Деревня Баджи

Первую дальнюю поездку на прокатном «Москвиче» я совершил вместе с родственником Наны – Гоги Схиладзе, в деревню Баджи, где в детские годы жил Яков у Симона и Сефоры Сванидзе. Деревня находится в 20–25 километрах от районного центра города Амбралаури. Поехали через Цхинвали. В пути поняли, что это новейшая дорога и, стало быть, Яков ездил через Кутаиси, и мы следовали не по пути отца, к сожалению.

В Амбролаури, проехав более 200 километров, мы решили заехать в райком партии. Ни я, ни Гоги не знали дороги в деревню. В райкоме нас встретил только дежурный. Короче говоря, он не поверил, что «внук самого Сталина имеет такую машину, и сам приехал, да и из Тбилиси не было никакого звонка». Нам стало понятно, что спрашивать у дежурного бесполезно.

Тогда мы поехали к нашему родственнику – рачинцу Бухуты Джохадзе в деревню Бостана. Сам Бухуты был в Тбилиси, но семья находилась здесь. Жена Бухуты Ася нас признала и сразу затопила «бухари» (камин), отварила ветчину, накрыла стол.

Дом Сванидзе

Утром приехал Первый секретарь Мелко Алпезович Бибилашвили. Сказал, что приезжал вчера вечером, но мы уже гуляли и так пели, что решил не мешать. В первую очередь поехали в деревню Баджи. Как я туда доехал на своем «Москвиче» и что за дорога, об этом надо писать отдельно. Впереди послали «колхозника», который с грехом пополам привел в деревню. Дети

выбежали навстречу с букетами цветов, жители деревни также выходили на дорогу.

Дом Сванидзе стоит на краю деревни в верхней ее части. Имеется участок с фруктовым садом. Старожилы показали камень, на котором любил сидеть Сталин. Сосед рассказал мне, что недавно он хотел увеличить свой огород за счет огорода Сванидзе. «Все равно пустует земля», – решил он. Однако ему приснился сон, будто в доме Сванидзе горит огонь в «бухаре». Значит, в доме есть хозяин. «И я не стал переносить забор, – признался он. А огонь в камине – это твой приезд в родное гнездо», – заключил старик.

Соседи устроили в своем доме прием. Тамадой назначили Гоги Схиладзе. Его солидный вид явно тому способствовал. К тому же он отлично владел как грузинским, так и русским языками, был удивительно обаятельным человеком, но главное, что он обладал прекрасным голосом. В молодости он был солистом в хоре. Его тесть недолюбливал «оборванца», но когда он по радио слышал выступление Гоги, всегда дослушивал до конца, затем выключал репродуктор и говорил: «Но ведь как поет, сволочь!»

На «приеме» по традиции, как положено, для тоста за Сталина хозяйка принесла специальный литровый бокал. Я первый возразил, что не обязательно пить до конца. Пытался и Гоги доказывать что-то. Но все было бесполезно. «За Сталина! Этим бокалом и до конца!» – требовали односельчане. «Товарищи, – начал он, – на фронте я шел в бой за Родину, за Сталина». Раздались аплодисменты и одобрительные возгласы. «Если я сегодня помру, – продолжал Гоги, – скажите всем, что здесь Георгий Серапионович Схиладзе умер за Родину, за Сталина!» и, не отрываясь, выпил весь бокал. Бокал пошел по кругу. Мне разрешили выпить не до конца. Веселье началось, внесли бубен. «Туш-таши» неслось со всех сторон. Запели и народные песни. Рядом со Схиладзе находился и подпевал сосед по дому парень по имени Джумбер. Он очень старался, но видимо не в той тональности. Гоги, наклоняясь к нему, поправлял его и поправлял, наконец, говорит ему: «Джумбер, допустим, голоса у тебя нет, но совесть-то должна быть, в конце концов!»

Друг Якова – Гриша Гагошидзе

В Амбролаури, как удачу, я повстречал бывшего летчика Гришу Гагошидзе – друга Якова. Уговаривать его не пришлось. Он прислал мне свои воспоминания. Вот небольшой рассказ об их

встрече с Яковом. «Познакомились в школе поселка Чребало, что в семи километрах от Баджи. Все жалели Яшу, как сироту – мама умерла, а отец был в ссылке. Ходил Яша в школу в любую погоду. В конце марта и начале апреля после сильных дождей разливалась река Риони. Яша часто оставался у нас дома. По воскресеньям ходили на охоту на уток. Иногда приносили домой три-четыре утки. Однажды я, доставая подстреленную утку, упал в воду, и река понесла меня по течению. Яша бросился в воду и спас меня. Просушились дома. Отец открыл «чури» и на столе появилось вино. Яша хорошо пел.

В 1922 году двоюродный брат Павел Давидович Месхадзе привез из Москвы письмо от Иосифа Сталина. Он писал теще и тестю, чтобы Павел взял Яшу в Москву. Все были рады и даже плакали». Вспоминает Гагошидзе игру Яши в бильярд: «Завсегдатаи клуба имени Ворошилова на площади Ленина в бильярд играли на деньги. Выиграв партию, Яша от денег отказался. Этого фраера решили наказать. «В драке, – пишет Гриша, – Яша двоих уложил, третий убежал и позвал милицию». В 1924 году Гриша Гагошидзе окончил семилетку в Чребало, а в 1926 г. в Кутаиси окончил девятилетку. Уехав в Москву, работал на винном заводе. Связался с Яковом. «В Кремле играли в футбол. Одну команду возглавлял Яков, другую – сын Троцкого по фамилии Седов. Летом часто на Воробьевых горах устраивали пикники. Брали с собой угли в маленьких мешках, гитару, мандолину, баян. Пили кахетинское вино, пели, танцевали. Яша русских товарищей обучал грузинским песням». В 1928 г. Гриша поступил в авиационную школу. В 1931 г. ее окончил и был направлен в Тбилиси летчиком-инструктором. 24 июня 1937 г. на Руставском аэродроме случилось чрезвычайное происшествие. Проводили прыжки с парашютом 35 студентов. Вначале Г. Гагошидзе поднял в воздух одного студента для показного прыжка. Затем прыгнули еще трое. А вот четвертый студент слишком рано раскрыл парашют. Парашют зацепился и оторвал крыло хвоста самолета. Падая, Гагошидзе покинул самолет.

С 25 июня начались многочасовые допросы. Требовалось подписать признание, что я умышленно сделал аварию, чтобы уничтожить самолет. Следовательно, Гриша Гагошидзе «враг народа». 17 писем написал одного и того же содержания… Письма с помощью своих друзей-летчиков отправлял из разных городов: Баку, Батуми, Ростов, Харьков, Краснодар. Летчику Шоркину – Герою Советского Союза и Югославии – попросил бросить конверт в почтовый ящик на Красной площади. Об этих письмах узнал следователь: «Если будешь жаловаться, арестую!». «Однако, – пишет Гагошидзе, – вскоре ко мне домой пришли три

полковника и сказали: «Товарищ Гагошидзе, все в порядке». Бывший летчик полковник Василий Бубнов информировал его, что проверка показала полную невиновность летчика.

В гостиницу Гриша гостя не пустил, оставил ночевать испросил: «Кто дал такую команду или распоряжение о нем?» Бубнов ответил: «От самого большого». Значит от Иосифа. Во вторник Бубнов улетал на Дальний Восток. Сказал, что очень много людей арестовывают невинных, в том числе и по летным делам». От Яши имею подарок – его фото, подписанное «Другу Грише от Яши». После 1935 года Яшу не видел (13.12.78 г.).

Мелко Алпезович Бибилашвили

Во время моего пребывания в деревне Баджи нас навещал Первый секретарь Амболаурского района Мелко Алпезович Бибилашвили. Он постоянно справлялся о наших делах. Соседские парни показали нам пещеру, где Яков играл со своими сверстниками и где Деви Абашидзе снимал о нем фильм «Война для всех война». Прислал машину «Колхозник» для рыбалки на горной реке Аски. На месте нас ожидал местный рыбак. Медленно продвигаясь по речке от одной заводи к другой, он забрасывал круглую сетку в виде маленького парашюта с многочисленными свинцовыми грузиками. При подъеме сетки грузики закрывали своей тяжестью выход попавшейся форели. Ее мы насаживали на срезанные прутья, посыпали солью, разжигали костер и жарили. Ездили на Шаорское водохранилище. Вот здесь меня рыбак учил, как надо бросать сетку.

М. Бибилашвили меня представил руководству района и провел экскурсию по винному заводу. Уникальность завода в том, что он единственный в Грузии, где приготавливают вино «Хванчкара». Вино красное, полусладкое и очень подходит для женщин. Но, как и женщина, весьма капризно. Его нельзя, например, транспортировать на большие расстояния. У.Черчилль хотел закупить партию Хванчкары и обратился к Сталину. Иосиф Виссарионович отклонил его просьбу. Он объяснил «союзнику», что кроме вопроса о транспортировке, выработка Хванчкары осуществляется в очень ограниченном объеме и только в одном месте Грузии.

Давно покинутый дом Сванидзе Мелко Алпезович привел в пригодное для проживания состояние: поставил необходимую мебель (кровати, стол, тумбочки и др.), сделал туалет, обновил фасад дома. Словом, приезжайте и живите в доме предков. Но только еще один раз я смог туда приехать. Сказались, конечно,

удаленность Баджи от Тбилиси и перевод М. Бибилашвили в столицу Грузии на руководство профсоюзами. Для меня Рача без Мелко Алпезовича осиротела. Словом, дом Сванидзе снова пустует. Надеюсь, что мои дети со временем вернутся к очагу Сванидзе.

Автомобиль – моя слабость

В 1973 году 25 мая в Военно-политической академии имени В.И. Ленина состоялась моя защита кандидатской диссертации. Тема диссертации: «Авиация США в агрессивной войне во Вьетнаме». Защита прошла успешно. Тбилисские друзья – приятели Ш. Кванталиани порядка десяти человек прилетели, чтобы отметить это событие. Среди них был один сравнительно молодой парень небольшого роста лет тридцати Резо Парчхидзе. Поздравляя меня, он сказал, что у него в Тбилиси есть машина «Волга», которая будет в моем распоряжении во время моего отпуска. Отмечали защиту в ресторане гостиницы «Ленинградская» на площади трех вокзалов.

В Тбилиси Резо выполнил свое обещание. Его машина Газ-24 зеленого цвета была в идеальном состоянии. Он работал главным инженером в таксомоторном парке. Чистота в салоне и в багажнике идеальная. Свободу и независимость в шикарной машине дарил мне мой новый друг. Я никогда этого не забуду. Когда он вручал мне ключи, говорил: «Кстати, – это было его любимое слово, – машина заправлена». Много лет, пока не купил сам машину, я пользовался добротой Резо. Когда я уезжал в Москву после отпуска и возвращал ему машину, он спрашивал: «Евгений, она не очень беспокоила тебя?»

С появлением у меня зеленой «Волги» ГАЗ-24 Гоги Схиладзе немедленно «повысил себя в должности», стал более важным. В машине его вид напоминал очень крупного чиновника. Кроме прежнего наряда – белой рубашки с коротким рукавом, галстука с несколько ослабленной затяжкой и сигарет «Мальборо» в нагрудном кармане, он надел черные очки. Будучи крупного телосложения и более ста восьмидесяти сантиметров роста, с благородным лицом и аккуратно зачесанными назад почти седыми волосами он напоминал действительно важного чиновника. Нана готовилась к родам. Я предложил, пока суть да дело, прокатиться на море в Сухуми искупаться, а заодно навестить в Хашури нашего родственника любимого Важу Члаидзе. Он с женой Дали и дочерьми Мананой и Хатуной находился там. Пока ехали Гоги, глядя на меня, сказал: «Энго

(уменьшительное и укороченное по-грузински от Евгения), а ты в «Волге» лучше смотришься». То же самое сказал ему и я. Помню, после Каспи (вернее после перекрестка дорог на Каспи) Гоги, глядя на лес, сказал: «А сколько здесь грибов!» С тех пор каждый раз, проезжая это место, непременно вспоминаю Серапионовича и его фразу: «А сколько здесь грибов!» Да, он любил ходить по базару и выбирать грибы. Мы с ним ходили по Хашурскому базару.

Важа Члаидзе

В Хашури встретили нас радостно. Важа широко раскрыл глаза: «Твоя?» – спросил радостно. «Нет, не его, – ответил Гоги. – Чего встал? Открывай ворота. Не видишь, кто приехал, – показывал он на себя пальцем. – Приехал Георгий Серапионович Схиладзе! Понятно!» Ужинали и завтракали во дворе. Я хотел пригласить Важу поехать с нами. Но Гоги предложил просто его красть, не спрашивая согласия жены. Провожали всей семьей. Важа принес охотничье ружье и патроны на «всякий случай». Машину заправить решили в Хашури. Но оказалось, что ни я, ни Гоги «не знали», где находится бензоколонка. Важа объяснял нам «бестолковым» как ее найти. «Тебе что, трудно показать?» – спросил Гоги. «Ну, хорошо, покажу, вот только переоденусь». – «Какой переоденусь, жених что ли», – сказал Гоги, толкая его в машину на заднее сиденье. Поехали. Бензоколонку в Хашури нечего было искать – она стояла прямо на дороге. Подъезжая к ней, я нажал на газ и: «Эй, сволочи! Куда вы?» – воскликнул Важа, догадываясь, в чем дело. – «Молчи! Мы тебя украли. Сиди и молчи», – как приговор сказал Гоги, показывая на ружье, которое он держал между коленок. Увидев, что уже замелькали окраины города, он уселся поудобнее и сказал: «Ну и ладно! Украли, так украли. Будете за это отвечать! Я давно не был на море».

Важа внешне ничем не выделялся. Так, обычное грузинское лицо, среднего роста, крепкого телосложения. Вот жена его – Дали – это да! Та еще красавица, но плохо говорила по-русски.

Как человек, он представлял собой идеального мужчину. Важа был благороден, воспитан, честен и скромен. Мы с Гоги очень его любили и позволяли себе подшучивать над ним. Чаще всего Гоги касался его речи, которую трудно было понять: «Чего он там бредит?» – всегда спрашивал он, делая вид, что ничего не понял, что тот сказал.

По дороге решили заехать в родную деревню Схиладзе, Илеми. «Яне против», – сказал я. «Я тоже не против», – с заднего

сиденья сообщил Важа «А тебя никто не спрашивает», – не оборачиваясь, и глядя вперед, ответил Схиладзе. В деревне Схиладзе все уважали. Машину окружили и старики и дети. Он вылез из машины, снял черные очки и с глубоким вздохом посмотрел вокруг. Возможно, он вспомнил, как ребенком собирал здесь ежевику и бегал в Харагаули на железнодорожную станцию ее продавать. Вспоминать эту историю он не любил. Погуляв немного, сел в машину. Когда начали спускаться на главную дорогу, Важа начал «бредить» своими вопросами: давно ли тот уехал из Илеми, сколько домов в деревне и т. д. Гоги чинно отвечал и даже иногда оборачивался. Но когда Важа дошел до ежевики, Гоги насторожился. «За сколько продавал стакан?» – как выстрел прозвучал главный вопрос.

Наступила тишина. После небольшой паузы суровым голосом Гоги громко скомандовал: «Водитель, остановите машину!» Я остановил. «Товарищ Члаидзе, – продолжал Схиладзе, – выходи из машины! Много болтаешь. Тебя пора расстрелять!» – «Да кто ты такой?» – «Я начальник, он – водитель», – ответил Гоги. «А я кто?» – опять задал вопрос Важа. «Ты – никто!» Поездку долго вспоминали и хитро все трое улыбались.

В Сухуми остановились в центральной гостинице. Погода была отличная, все время проводили на пляже, а вечером катались на машине. На рестораны денег не было, их хватало только на бензин и на обеды в гостинице. Через полторы недели позвонил отец Наны и сообщил, что она родила сына. Через десять минут мы уже мчались в Тбилиси.

Кукури

Среди родственников моей жены есть Кукури Лацабидзе. Высокий, красивый и очень скромный. Вырос как и я без отца. Это сходство безотцовского детства сближало нас. Мы как бы братья по несчастью.

Мать Кукури, Нина, одна воспитавшая сына, очень страдала, когда он, не найдя работы в Тбилиси, подался в Узбекистан. Открыл дело, вроде неплохо. Но потом что-то не пошло – то ли обманули местные, то ли надоело. Короче бросил все и приехал холостой. Так холостяком и продолжал жить в Тбилиси. «Когда? Когда, наконец, – всякий раз причитала старушка Нина, – он женится? Господи!».

И вот однажды мы с Кукури возвращались из Гори. Помню, что настроение было отличное. Я спросил: «Кукури, ты вообще-то думаешь жениться?» – «Думаю», – улыбаясь, ответил он.

Оказывается, он уже подсмотрел «кое-кого». «Ну, а как зовут этого «кое-кого»? – спросил я. «О! – протянул Кукури, – это секрет». – «Ладно, – говорю, – можешь не называть ее имя, но скажи хоть первую букву». – «Ну да, – усмехнулся он, – скажу первую – сразу догадаешься». – «Тогда последнюю», – не унимался я. Он подумал, подумал и сказал, последняя буква «а». Проехали уже Мцхету, скоро Тбилиси. Наконец он все-таки сдался: «Яковлевич! Первая буква «М». Я подумал: «Ну, это уже кое-что».

«Она русская, – начал уточнять я, – или грузинка?» – «Грузин-ка», – ответил он. Так, думаю, Маша не подходит, это русское имя. Майя – не подходит тоже, потому что на конце буква «я». «Послушай, Кукури, а что ты скажешь, если я назову Марина?» – «Точно, Марина», – удивился Кукури. Мне показалось, что он был рад поделиться со мной своей тайной. За разговором незаметно въехали в Тбилиси. «Хочешь, – вдруг сказал Кукури, – я покажу ее дом?» Около дома я остановил машину и говорю: «Давай зайдем». – «Да ты что, – забеспокоился он, – во-первых, Яковлевич, уже поздно (было 10 часов вечера), а во-вторых, кто в гости идет без подарка, с пустыми руками? У нас так не полагается». Я ему говорю: «Свали все на меня. Москвич мол, и все дела». Пока он что-то бубнил, я уже был у дверей и звонил.

Встретили нас с удивлением, но доброжелательно. Сгорая от стыда, Кукури вылезал из машины. Быстро накрыли стол. Выпили за знакомство. Марина оказалась моложе Кукури и очень милой и спокойной женщиной. Не зря Кукури боялся подойти. Так как «жених» весь красный сидел за столом, как немой, пришлось мне вести всякие разговоры. В целом все прошло хорошо, слава Богу! Уезжая, Кукури долго чему-то улыбался, потом сказал: «Яковлевич, ну ты даешь!»

Вскоре сыграли свадьбу. Получилось торжество как «полагается».

Кахетия

В аэропорту «Внуково» я случайно разговорился с парнем-грузином. Он тоже летел в Тбилиси. До отлета оставалось достаточно времени, чтобы перекусить и выпить. Зайти в ресторан мой знакомый отказался из-за отсутствия у него денег. Объяснил, что занимается изготовлением мороженого, был в командировке и потратился до того, что еле-еле собрал деньги на билет обратно. (Да, Москва умеет почистить карманы. Вспомним блистательный фильм «Мимино»). В таком случае я решил пригласить его в ресторан. Согласился он не сразу. Мешала

гордость и стыд оказаться в подобном положении.

Познакомились. Узнав мою фамилию, он оживился и задал понятные вопросы. После этого он официально представился: «Я Алик Бокалишвили из Гурджаани». Расставаясь в Тбилиси, обещал приехать за мной и показать Кахетию. В то время я был холост, свободен и посмотреть край моего знакомого было заманчиво, тем более летом. В Тбилиси Алик приехал с каким-то родственником или другом и на машине мы отправились в неведомую для меня Кахетию.

Кахетия – это страна виноделия. В первую очередь мне показали изготовление вина. Собранный виноград на приемном пункте винного завода загружают в общую громадную воронку. Под воронкой спиральный транспортер подает гроздья винограда в давильную машину. Сок перекачивают в цех брожения, где стоят огромные открытые круглые дубовые емкости. Высота бочек порядка четырех метров и шести метров в диаметре. Когда по ступенькам поднялся наверх, я обомлел: полная емкость как бассейн пузырилась по всей поверхности красного вина Киндзмараули. Ничего подобного в жизни я не видел.

Технолог завода кратко рассказал о сроках брожения вина и контроле. Далее вино по стеклянным трубопроводам перекачивается в цеха хранения и выдержки. На одних заводах вино заливают в дубовые бочки, на других заполняют глиняные сосуды в форме яйца, зарытые по горло в земле. По-грузински они имеют название «чури» или «квеври». Цеха в таких заводах представляют собой абсолютно пустые помещения, где на земляном полу видны замурованные специальной глиной чуть видимые верхние части емкостей – чури.

В деревнях крестьяне хранят свое вино по традиции предков в чурах. Земля дает идеальные условия хранения. Однако требуется большая работа по подготовке их – тщательная промывка от прежнего урожая. Если квеври большой, залезают внутрь и чистят специальными щетками; если небольшой, то чистят щетками сверху. Потом после наполнения вином под миниск, то есть до краев, надо уметь герметично закрыть специальной глиной. Короче это громадный труд. Один родственник Алика в честь нашего приезда открыл квеври. Я сам специальным ковшом (маленькая пустая высохшая тыковка на палке) доставал вино из «подземного хранилища».

Среди незабываемых впечатлений, которые мне подарил Алик Бокалишвили, хочу рассказать о знаковом для меня случае. В одной семье накрыли стол в глубине двора среди фруктовых деревьев.

Провели освещение и с наступлением темноты появились

сказочные тени деревьев. Застолье шло как обычно. Вдруг за деревьями послышалась перебрана хозяйки с каким-то мужиком. Пришел подвыпивший сосед. Он узнал, что приехал внук Сталина и хотел убедиться, правда ли это.

Никакие уговоры «на завтра» не помогли: «Где внук Сталина?» – повторял сосед. В конце концов его впустили и посадили за стол напротив меня. Шуметь он перестал. Вечер продолжили. Но он заканчивался. Принесли горячую хашламу (кусками сваренную говядину). «Сосед» сидел ни к чему не прикасался, даже к стакану, поставленному для него. Он внимательно меня рассматривал. Мне стало как-то не по себе и я принялся за хашламу. Но стоило мне только взглянуть напротив, он, немедленно улыбаясь, говорил: «Шен генацвале» (родной мой). Так и сидел он до конца, ничего не желая и никому не мешая. Встречая мой взгляд, каждый раз повторял: «Шен генацвале».

Цхинвали

В 30-е годы в Москву на учебу приехала из Осетии группа партийных работников. Как-то после выступления Сталина они подкараулили его в коридоре: «Мы, товарищ Сталин, из Осетии, – представилась группа, – нас интересует вопрос – кто Вы по национальности?» Сталин ответил вопросом: «Вы для чего сюда приехали?» – «Учиться!» – «Вот и учитесь, а не занимайтесь ерундой». Несмотря на такую реакцию Сталина осетины считают его своим земляком. Вот к этому народу в гости меня сагитировал поехать мой знакомый Важа Хачапуридзе.

«Ты это куда собрался? – в отчаянии воскликнула Нана, – там только что закончилась война». В 1989 году шла настоящая война. Конфликт спровоцировал спорный вопрос о национальной принадлежности Сталина. Свою безопасность я видел в том, что раз осетины считают Сталина своим земляком, то и в нас стрелять не будут.

Братское отношение ко мне в Москве показали журналисты из Осетии Руслан Горазов и Марат Цебоев. Сам Важа работает в Цхинвали.

На КПП пропустили без разговора. В центре города приятели Хачапуридзе собрали любопытных в небольшом зале. Первый вопрос, разумеется: «Кто Сталин по национальности?» Зал затих. Вот тут я подумал: «Черт меня дернул поехать!» Передо мной стояла дилемма: скажу «грузин», как записал сам Сталин в своей метрике в графе «национальность» – испорчу им настроение.

Сказать «осетин», как они жаждали, я не имел права. Я решил поступить наподобие Сталина – уйти от ответа: «А вы как считаете?» – задал я им встречный вопрос. Не дослушав до конца моего вопроса, все закричали: «Осетин! Мы считаем Сталина осетином». – «Ну и считайте, – весело сказал я, – вам никто этого запретить не может». Все были довольны, в том числе и я. Затем последовали стандартные вопросы типа, сколько детей у Василия и Светланы, где живут, почему не приезжают в Осетию и т. д.

На память коллеги Важи подарили мне ракетницу образца 1941 года. При желании они, по-моему, могли подарить и «Калашникова». В Тбилиси Кукури отнес ракетницу к граверу и сделал надпись, как просили осетины: «Евгению Джугашвили от осетинского народа». Надпись в Цхинвали не смогли сделать, поскольку ракетница вручалась в ресторане глубокой ночью. Я, между прочим, мечтал заиметь ракетницу именно военного образца – как напоминание об отце. В ночь под Новый год пускаем ракеты. Всегда имею (покупаю в магазине) запас ракет на всякий «пожарный» случай.

Чтобы как-то завершить спор о национальности Сталина привожу текст письма моего сына Якова Джугашвили под названием «О национальности Сталина».

О национальности Сталина

За последние лет пять-семь со мной несколько раз связывались незнакомые мне люди, которые предлагали провести анализ моей крови с целью установить мое происхождение. (Я в этом вообще не разбираюсь, но оказывается, что есть некие так называемые «маркеры», с помощью которых устанавливают принадлежность человека к той или иной этнической группе). Анализ этот стоит дорого, и эти люди предлагали оплатить всю процедуру Я этих людей, без развернутого разъяснения причин, отсылал туда, куда обычно отсылают тех, от кого хотят избавиться надолго и всерьез.

Однако совсем недавно я получил аналогичное предложение от уважаемых мною людей, а с некоторыми из них знаком лично. Именно ввиду того, что ничего «дурного» они не задумали, а главное то, что мне эти люди небезразличны, и я хочу сохранить с ними дружеские отношения, я бы хотел объяснить, растолковать причину своего отказа делать этот анализ.

Дело в том, что любое знание, которое мы приобретаем в течение нашей жизни, должно приносить ПОЛЬЗУ. Это знание должно помогать нам улучшать нашу жизнь: как духовную, так и

материальную. Если приобретенное знание не способствует повышению нашего культурного уровня, если оно не делает нас умнее, то зачем оно тогда нужно и можно ли называть его словом «знание»?

Это особенно важно понимать, когда речь заходит о знаниях, касающихся Иосифа Сталина. Что должно выясниться о нем в результате анализа моей крови такого, чтобы это считалось впоследствии ЗНАНИЕМ? Вот Александр Бурдонский (внук Иосифа Виссарионовича, сын Василия), насколько мне известно, согласился сдать аналогичный анализ. И что? Как я понял из разных Интернет-источников, бумажка с итогами исследования говорит о том, что кровь Александра Бур донского содержит «маркер», который характерен для осетин. Грубо говоря, если судить по этой бумажке, Иосиф Сталин является осетином. И что прикажете с этим так называемым «знанием» теперь делать? Как его применить? Разве оно объясняет суть дел Иосифа Сталина или природу событий тех лет и его роль в этих событиях? Ну, очень ценное знание!

Я против таких исследований, и предпочел бы, чтобы Иосиф Сталин на некоторое время, пока до большинства народа не дойдет правда о нем, не имел национальности вовсе. А когда это время наступит, то, скорее всего, ввиду того, что люди будут уже ДРУГИМИ, вопрос по поводу национальности Иосифа Сталина отпадет.

Я.Е. Джугашвили

(источник http://jugashvili.com/press/o_nacionalnosti_stalina.html)

Далее Важа Хачапуридзе повез меня в Имеретию, в свою деревню. В деревне своя прелесть – огород, живность, тишина. На ночлег меня хотели положить в спальне хозяев, но я лег в кухонной пристройке. Вечером, перед сном, я стал свидетелем необычайного для меня зрелища. В центре двора росло большое дерево. К нему была приставлена доска с набитыми на нее поперечными рейками. Куры, не спеша, одна за другой, по-деловому, поднимались по «лестнице» и усаживались на ветки. Я не заметил (видимо пропустил) восхождение петуха. Если бы остались на вторую ночь, то я бы не пропустил посмотреть еще раз это представление. Так как куры были и белые, и рыжие, то на дереве, притихнув, они напоминали в сумерках разноцветные игрушки на елке.

Петух, как говорят, поднимается на ночлег не обязательно первым, но никогда последним.

Реваз Михайлович Монаселидзе

В конце 1957 года позвонил какой-то мужчина с сильным кавказским акцентом. Сообщил, что приехал из Грузии и желает встретиться с Женей Джугашвили. Мой дядя Виктор Васильевич Рахманов стал уточнять, кто звонит и зачем ему надо видеть его племянника. Выяснилось, что мужчина приехал из Тбилиси, что он родственник семьи Сталина и звать его Резо Монаселидзе. Он предложил встретиться в ресторане «Арагви», который находится рядом с Моссоветом у памятника Юрию Долгорукому. Говорили, что сам Василий Сталин любил здесь обедать со своими друзьями.

Даже байку сочинили про этот ресторан. Дескать, однажды, выходя из ресторана, один грузин спросил другого, тыкая пальцем на статую: «Кто этот мужик?» Ему ответили: «Это Юрий Долгорукий». Любознательный (видимо, приезжий) кацо не унимался: «А за что ему памятник?» – «Памятник основателю Москвы», – вновь разъяснили ему. «А!? – понял приятель и заключил: «Молодец, Юра! Красивый город вокруг «Арагви» построил!». В «Арагви» угнетала теснота, но цыплят «табака» там готовили превосходно.

Резо Монаселидзе встретил меня и дядю у входа в ресторан. Вот здесь и произошла историческая для меня встреча с молочным братом моего отца.

В ресторане Реваз Михайлович пригласил нас за отдельный стол, который он заказал накануне. Мы с дядей Виктором сели напротив нашего гостя. На балкончике играл небольшой оркестр. Под грузинские мелодии Реваз Михайлович тихим голосом рассказал о цели нашей встречи. Он хотел познакомиться со мной – сыном своего молочного брата Яши Джугашвили, с которым они вместе выросли. Оказывается, после смерти матери Якова – Екатерины (Като) Сванидзе Яше едва исполнилось три месяца от рождения. Родная сестра Екатерины – Александра (Сашико), Монаселидзе после замужества, в это время кормила грудью своего сына Резо. Спасти Яшу помогла она. Ей пришлось кормить грудью обоих малышей. Молочные братья росли в одной семье Сванидзе в деревне Баджи Амбролаурского района (Рача). Прощаясь, Реваз Михайлович пригласил меня в гости в Тбилиси. На приглашение посетить нашу семью, зайти к нам, Реваз Михайлович отказался, сославшись на срочный вылет домой в Тбилиси.

В Тбилиси Реваз Михайлович познакомил меня со своей семьей. Его жена – Варвара Александровна преподавала в музыкальной школе и носила фамилию Пааташвили. Дети Деви и

Гамлет были моими ровесниками и восприняли меня с большим любопытством. Ночевал я у сестры Реваза Михайловича – Доры Михайловны. Она жила с сыном Мерабом. Ее муж Георгий Вепхвадзе во времявойны был в плену в Германии и не вернулся. Мераб вроде ездил к нему в гости. Мераб был малоразговорчив и развлекал меня модной тогда пластинкой «Тбилисо» автора Лагидзе.

Реваз Михайлович организовал поездку в их родовую деревню в окрестностях города Каспи и недалеко от Гори. Возглавляла «делегацию» Дора Михайловна, однако меня она посадила впереди рядом с водителем. В Гори поехала одна молодежь. Пробыл я у Монаселидзе несколько дней. Затем приехал мой случайный попутчик в аэропорту Алик Бокалишвили и забрал в Кахетию.

По своим делам приезжали в Москву Деви и Мераб. Остановились они у нас на «Соколе». Кроме меня в квартире проживали сестры недавно умершей мамы: Вера Павловна с мужем Виктором Васильевичем Рахмановым и Александра Павловна. Меня после окончания академии направили работать на завод в город Подлипки в должности военного представителя. На дорогу в один конец приходилось тратить около двух часов (троллейбус, метро, электричка). Рано вставал и поздно приезжал. Времени для общения с родственниками из Тбилиси практически не было, они были предоставлены самим себе.

Деви, например, купил покрышки для машины. Покупку сложил в передней напротив дверей комнаты дяди. Выходя в коридор, он натыкался на них и каждый раз повторял: «Зачем покрышки везти в Тбилиси!» Смущенный Деви разъяснил ему, что их нет в Тбилиси в продаже, но есть у спекулянтов. Мераб приехал в Москву видимо за какими-то справками. Утром он с папкой уходил в город и возвращался только к вечеру. Так налегке, в отличие от Деви, он и уехал.

Грузин, но не настоящий

Вскоре я женился, появились новые родственники в Грузии со своими проблемами. Семья Монаселидзе отошла на второй план. Спайка только что появившихся родственников не состоялась и по другой причине. Дело в том, что мы разные люди по менталитету и воспитанию. Мы выросли в разных средах обитания: они в Грузии, я – в России. Моя жена всю жизнь переделывала меня в грузина и кое-чего достигла. Но только «кое-чего». В целом я по-прежнему оставался русским – что в детстве заложено, то и

заморожено. Удивляться при общении со мной или тем более обижаться не следует.

Я, благодаря усилиям своей русской мамы, единственный из всех родственников, который пожелал посетить и узнать родину своего предка. Тем не менее, этого оказалось недостаточно для того, чтобы меня считали полноценным грузином. Ктому же я до сих пор не овладел грузинским языком. В семье я переходное звено: дети же мои наверно могут считаться настоящими грузинами.

Прошли годы, прежде чем совсем случайно я вновь встретил Деви Монаселидзе у метро. Его невозможно было не узнать – он копия своего отца, Реваза Михайловича. Обнялись, разговорились. Давно они с братом похоронили родителей. Умерла Дора Михайловна и ее сын Мераб. А совсем недавно Деви и его жена Додо пережили страшное горе – похоронили свою единственную дочь Маечку. Со своей стороны я сообщил, что все мои родственники на Песчаной также ушли в мир иной и т. д. Обо мне Деви узнавал из СМИ. Он имел в виду встречу внуков Большой тройки в Нидерландах. После я подарил ему видеокассету об этом событии. Он в ответ подарил мне только что отпечатанный труд «Толковый словарь терминов экологии и защиты окружающей среды», автор – Деви Монаселидзе. Теперь мы живем в одном городе и почти рядом: он – у станции метро «Делиси», я – на проспекте Чавчавадзе. Деви помог мне составить генеалогию семьи Монаселидзе, чтобы создать схему связи ее с семьей Сванидзе, предоставил несколько ценных фотографий.

Кстати, тут же отмечу, что Н. Сванидзе с радиостанции «Эхо Москвы» на этой схеме не обозначен. Это понятно, потому что к семье жены И.В. Сталина он не имеет никакого отношения. Несмотря на это, он публично не отрицает своего родства (хотя никогда и не заявлял о своем родстве) и даже снялся в роли Алеши Сванидзе. В своем кругу значится родственником Сталина по линии жены Екатерины Сванидзе.

Давид Гамрекели

В начале 1972 года я познакомился с Давидом Гамрекели и его женой Ниной. Близкие и друзья называли ее «Бубусей». Мне рассказывали, когда они в Кобулети шли по пляжу, то нельзя было от них оторвать взгляда. Прекрасная пара! И красивая, и знаменитая. Д. Гамрекели вначале был солистом в Тбилисском театре оперы и балета имени З. Палиашвили. Затем И.Сталин перевел его в Москву в Большой театр. Преподавал в Московской

Консерватории.

Они жили на Садовом кольце на Кудринской улице. Нина (Бубуся) организовала ужин. Давид рассказал, что довольно часто пел за столом вместе с И.Сталиным. «Слух у него, – вспоминал Гамрекели, – был отличный и пел он низким голосом». Я спросил в ходе разговора: «Перед спектаклем, наверное, Вы прослушиваете пение мастеров оперы?» – «Да нет! – рассмеялся Давид, – я скорее слушаю частушки!»

Я уже собрался уходить, когда Бубуся вскрикнула: «Датико, а Женечке не подаришь свою пластинку?». Давид достал пластинку и глубоко вздохнув, сказал: «Когда у тебя будет время, послушай». На пластинке он написал: «На добрую память дорогому Евгению от Д. Гамрекели, 28/1-72. На одной стороне пластинки: «Давид Гамрекели» Р. Леанкавалло, пролог к опере «Паяцы», дуэт Недцы и Сильвио из оперы «Паяцы», Недда – О. Кузнецова. Ария Каскара из оперы «Заза». На второй – Давид Гемрекели. З. Палиашвили – ария Киазо из оперы «Даиси» П. Чайковский – ария Мазепы из оперы «Мазепа»; Н. Римский-Корсаков, песня веденецкого гостя из оперы «Садко».

Неповторимый и незабываемый голос Давида Гамрекели иногда звучит у меня дома. Чаще всего, когда приходит мой внук Сосо – наш «маэстро», главный специалист и ценитель оперы и классической музыки.

Сила медали

Будучи беременной вторым ребенком Нана, воспользовавшись моим отсутствием (я был в командировке на полигоне в Казахстане), по-быстрому сделала аборт. Когда я узнал, было поздно «махать кулаками». Я пригрозил ей, что если она и на третьей беременности проявит свою самодеятельность, получит развод. Угроза подействовала. Она заявила: «Тогда найди мне профессора, и заслуженного». Нашел я профессора Фарбера Наума Абрамовича. Он понял тревогу Наны и мою. «То, что я Заслуженный, – сказал он, – я покажу свои документы». – «Нет, – решительно возразил я, – так дело не пойдет. Вот если бы у Вас была медаль, неважно какая. Медаль убедит ее лучше». – «Медаль найду, – пообещал профессор, – и нацеплю на пиджак». Договорились, что во время осмотра он незаметно для нее, как бы случайно, откинет борт своего белого халата. Встреча и осмотр прошли, как было задумано. Состояние Наны у Фарбера не вызывало никаких беспокойств. В заключение он при мне сказал: «Ваша жена успешно родит, не беспокойтесь, у нее все хорошо».

Покидая больницу, Нана многозначительно сказала: «Вот теперь другое дело. Заслуженный!»

Ближе к родам в июле месяце я старался быть чаще дома. Мы с Наной решили, если родится мальчик, назовем его Яшей, если будет девочка, дадим имя моей мамы – Оля. Не помню, через кого, но знал, что в это же время собирается рожать и моя сестра Галина. В один из дней звонок из Москвы. Мой товарищ говорит, что Галина родила сына. «Так, – думаю, – наверняка она его назовет Яшей. Что же получается? Два Яши Джугашвили. За кем бы она ни была замужем, свою фамилию она не поменяет и сыну даст фамилию Джугашвили». Так размышлял я, стоя у телефона. В трубке снова: «Алло! Евгений, ты слышишь? Галина родила пацана». Я спросил, знает ли он, как она назвала его. В ответ: «Знаю. Она назвала его Селимом». Муж Галины – араб из Алжира. Имя Селим – арабское имя. В честь кого дали такое имя, мне неизвестно. Я положил трубку и, обращаясь к Нане, улыбаясь во весь рот, воскликнул: «Нана! Иди и роди нам Якова». Яша родился 14 июля 1972 года.

Чудеса и неудача рыбалки

В санатории «Сакартвело» рано утром до завтрака мы иногда на надувной лодке, которую привозили из Тбилиси, отправлялись на рыбалку. На базаре покупали нехитрое местного изготовления устройство «самодур». Оно представляло собой леску, намотанную на пенопластную основу с несколькими крючками на конце. К каждому крючку крепилось перышко с красной нитью. Каждый имел по «самодуру». С вечера тщательно готовились, каждый проверял свою леску. Распускали «самодуры» далеко от берега. Мне и Бесико везло больше, чем Яше. Нам иногда приходилось вытаскивать по несколько штук ставрид. Яше – никогда, он просто скучал, зевал и поглядывал на далекий берег. Наконец ему «надоела эта рыбалка». «Слышь! – обратился он ко мне, – греби к берегу, завтракать пора». На следующий день мы вновь отправились на рыбалку. Достигнув своего места, бросили якорь – камень, который чуть не утащил меня с собою. Пока я возился с якорем Бесико и Яша разматывали свои «самодуры». Вдруг я увидел на лице Виссариона его «безумно расширенные глаза». «Падре! Что-то попалось очень большое!» Его глаза и сейчас стоят передо мною. Оказалось на двух крючках у него по одному катрану. Еле их вытащили. У Яши – опять ничего! Выходя на берег, он заявил, что заниматься мудистикой он больше не собирается. Он лучше полежит на пляже.

Совершенно случайно на главной улице Кобулети недалеко от «Сакартвело» в небольшом ресторанчике мы с Виссарионом обнаружили свежую кефаль. План созрел мгновенно! Купили 6 штук, незаметно для Яши рыбу спрятали в холодильнике. Вечером, как обычно, начался разговор о завтрашней рыбалке. Яша демонстративно смотрел телевизор и не проявлял никакого интереса. Наконец он, уходя спать, сказал: «Вставайте когда хотите, берите что хотите. Но меня не будите. В гробу я видел вашу рыбалку. Поняли?»

Рано утром, пока Яша спал, мы достали из холодильника нашу кефаль и уплыли, плавали мы целых полтора часа, пока на пляже в панаме не появился Яша. «Пора, – сказал Виссарион, и я начал грести к берегу. Обычно на пляже дети гурьбой встречали наше возвращение – посмотреть на пойманную рыбу. Встречал нас и Яша с идиотской улыбкой. Дескать, ну-ка, ну-ка, покажите вашу мелочь для кошки.

Мы причалили, Виссарион вышел на берег и, складывая весла, сказал Яше, так, между прочим, что улов в лодке. Я в это время стал бросать рыбу на берег к толпе ребят. Яша растолкал детей и улыбки как не бывало. «Блин! Да это же кефаль!», – оторопел он. «Ну да! – спокойно ответил Виссарион. – Ну и что!» Я тоже вылез из лодки и, пока Яша собирал и пересчитывал наш «улов», мы с Бесико громко продолжили разговор, будто начатый еще в море: «Яковлевич, оказывается, кефаль любит хлеб». – «Да, – соглашаюсь я, надо в следующий раз побольше его взять». Яша превратился в слух. Он ловил каждое слово. А я продолжал и довольно громко: «Так ты теперь понял, – обратился я к Бесико, – где ходят ее косяки?» – «Вон там», – небрежно махнув рукой в сторону горизонта, сказал Бесик. На кухне рыбу пожарили, угостили соседей. Короче говоря, «рыбалка» имела оглушительный успех. В течение дня Бесик и я еще долго судачили по поводу «пойманной» кефали и ждали результата. Проше день и к вечеру после ужина в поведении Яши была замечена странная перемена: перестал смотреть телевизор, ходит какой-то задумчивый. Не заболел ли? Но когда он притащил целую буханку белого хлеба, да еще спрятал ее, стало понятно – Яша готовится «выйти в море».

Утром он встал со словами: «Слышь! Сегодня моя очередь!» По-деловому, не торопясь, подкачал лодку, надел свою белую панаму и попросил сфотографировать «для истории». Еле сдерживаясь и пряча глаза, мы умирали со смеху. Ничего не заподозрив, Яша отправился на рыбалку. Целых полтора часа его белая панама маячила на горизонте. По прибытию рыбака Бесик и я оказались у лодки. Но в лодке не было ни рыбы, ни хлеба. На

наш вопросительный взгляд, дескать, Яша, а где рыба, он вначале отматерился, потом поторопился в столовую.

Кино

Деви Абашидзе – известный кинорежиссер в Грузии. Нас познакомили на просмотре его картины «Десница великого мастера». Фильм был поставлен по книге писателя Константина Гамсахурдия – отца будущего Президента Грузии. Однажды во Мцхете меня пригласили в ресторан, где находился писатель. Я обратил внимание, что на руке К. Гамсахурдия большой камень черного цвета в золотой оправе. В разговоре о Сталине он сказал: «Сталин меня не любил, но я его уважаю». Картина Д. Абашидзе повествовала о трагической судьбе архитектора Арсакидзе, построившего храм во Мцхете (бывшая столица Грузии) «Светицховели» в 11 веке. После постройки храма Царь Георгий из-за любовной, как говорят, истории приказал отрубить ему правую руку. Бывая около храма нельзя было не заметить на фасаде высеченную руку с мастерком.

В дальнейшем последовали встречи и в Тбилиси на киностудии, и в Москве в разных местах включая выезд на природу в Подмосковье. Конечно, познакомил он и со своим начальством, с генеральным директором Грузия-фильм Ревазом Давыдовичем Чхеидзе. Именно Р. Чхеидзе принадлежит идея назначить меня на роль Сталина в кинокартине Деви Абашидзе. В 80-х годах руководство студии Грузия-фильм приняло решение о создании фильма о Якове Джугашвили – старшем сыне Сталина, погибшем, как тогда считалось, в плену. Режиссером был назначен Д. Абашидзе, сценарий написал Бадри Чохонелидзе. Деви Константинович, зная, что я всю жизнь собирал материал об отце, попросил передать ему для картины все, что я имел. Разумеется, я выполнил его просьбу.

Короче говоря, картина была запущена в производство. Съемочная группа побывала в деревне Баджи, район Амболаури (Рача), в Белоруссии и Германии. На роль Якова пригласили артиста Зазу Колелишвили, немецких генералов играли немецкие артисты. Через полгода группа приехала в Москву по каким-то вопросам и на ужин в ресторан «Дома литераторов» пригласили меня. Я приехал после работы, как обычно в военной форме. На ужин был приглашен и Резо Чхеидзе. Меня посадили с ним рядом. Разговор за столом шел о картине «Война для всех война». Как я понял, задержка фильма была связана с отсутствием артиста на роль Сталина. Д. Абашидзе доказывал, что без отца

Якова – Сталина – невозможно делать картину. Это же почти шекспировская тема, повторял режиссер, а артиста на эту роль пока не нашел.

– А зачем его искать? – как обычно, не торопясь возразил Р. Чхеидзе, – вот он сидит рядом! И показал на меня. Все уставились на меня, точно впервые увидели, но одобрительно загудели.

Утром звонит Деви Константинович: «Ну как, согласен?» – был его первый вопрос. «Ты это о чем?» – спрашиваю я. – «Деда своего будешь играть в моей картине? Мы же вчера говорили с Р. Чхеидзе при тебе!» За столом разговор на эту тему я воспринял как приятную для меня шутку, а не как деловое предложение. Я наотрез отказался. «Ты все-таки подумай», – сказал он и положил трубку. Прошло больше месяца. Вновь в Москву прилетел Д. Абашидзе: «Ну как, – спросил он по телефону, – надумал!? Я ответил: «Не надумал!» – «Пойми, – настаивал он, – ты срываешь мне картину». Я ему говорю: «Я не артист и не проси». – «Послушай, – начал он уже спокойно, – давай попробуем, если не получится и тебе не понравится, кончим этот разговор. Но, Женя, дорогой, попробовать надо: у тебя действительно подходящая фактура. Прошу, прилетай в праздники 8 Марта, съемки в павильоне на студии.

В конечном итоге он меня уговорил. На складе ни один костюм мне не подошел. Пришлось заказывать китель и брюки с лампасами у портного. Все время меня одолевали сомнения: не розыгрыш ли задумал мой друг. Однако, когда меня привезли на киностудию и посадили в гримерную, я вроде успокоился. Все на полном серьезе работали со мной как полагается. Через зеркало я наблюдал поведение работников за моей спиной. Далее пошло как во сне: зажглись юпитеры, раздалась команда «Свет держать!», потом «Мотор!» и т. д.

На столе у Сталина должна лежать пачка папирос «Герцеговина флор». Только тогда заметил режиссер ее отсутствие, когда зажглись юпитеры. «Стоп! – скомандовал он, – Где коробка папирос?! Перерыв!» Кто-то поехал за коробкой. Решено было перекусить. Студия Грузия-фильм 8 марта, в праздник, официально не работала. Наша съемочная группа одна работала в одном павильоне. На территории студии никого, кроме нас, не было. Перекусив, я собрался «по малому» отлучиться. – «Я тебе отлучусь! – сверкая очками, проговорил Д. Абашидзе и, взяв меня за руку, повел «за тридевять земель» в какой-то корпус с туалетом. Первым вошел в туалет, осмотрел, только потом впустил меня. Сам стал около двери и ждал пока я не вышел. «Ты что, в кусты видно собрался? Ты же в гриме кого? Ты представляешь, если кто увидит тебя в кустах, да не дай Бог,

еще и сфотографирует. Это же скандал!»

В Москве съемку вели во дворе Кремля. Посадили меня в «ЗИС-110» на переднее сидение, и я в гриме проехал мимо обалдевших часовых. Из окон также наблюдали. Деви Константинович мне говорил одно: «Тебе не надо играть Сталина, его никто не сможет сыграть. Ты ходи обычно, как ты ходишь, садись за стол, так как всегда привык садиться, бери трубку телефонную и все делай, как ты привык делать. Больше ничего от тебя мне не надо». С приходом Звиада Гамсахурдия к власти наш фильм был положен на полку.

Миф о Кузакове

С Л.Н. Васильевой, автором книги «Кремлевские жены» и «Дети Кремля» мы встретились по моей просьбе. Она прислала машину, и водитель отвез меня прямо в «Музей танка Т-34». Он располагался по Дмитровскому шоссе примерно в 15 км от Москвы в деревне Шорохово. Подъезжая к музею через решетчатую ограду, я заметил миловидную женщину с характерной прямой прической. Она давала какие-то распоряжения рабочим. Это была Лариса Николаевна. Сама провела меня по залам музея, показала экспонаты, рассказала также о невероятных трудностях по созданию самого музея и «выколачиванию» техники. Затем меня пригласили в комнату, где сидели работники музея. Среди них была, как я узнал позже, ближайшая подруга и соратник Галина Чикина. На столе была приготовлена закуска и бутылка вина. Ввиду того что за столом я оказался единственным мужчиной, мне пришлось и бутылку открыть и в какой-то мене вести стол. В первую очередь выпили за создателя музея Ларису Николаевну, затем вспомнили ее отца – Начальника КБ (конструкторское бюро) танка Т-34 Николая Алексеевича Кучеренко, не забыли и товарища Сталина.

За столом разговор шел о Сталине, о его семье. Лариса Николаевна вспомнила, как в детстве она впервые увидела Сталина. «Я стояла на лесенке, – сказала она, – и наряжала елку. В это время в комнату вошел Сталин, увидев меня, он остановился и поговорил со мной». Коснулись темы моего участия в Басманном суде, куда я подал иск «о чести и достоинстве И.В. Сталина». Рассказал, как ответчики ставили под сомнение мое происхождение, ссылаясь на заявления в последние годы Светланы Иосифовны и Галины. Наблюдая внимательно за мной, Лариса Николаевна сказала по этому поводу: «Ваше счастье, что Вы выросли вдали от этой семьи. Это, во-первых, а

во-вторых, не надо никому ничего доказывать. Достаточно взглянуть на Вас, чтобы все понять». Прощаясь, она подарила огромную книгу академического издания «Танк Т-34". Находясь в гостях, я не решился поговорить с автором книги «Дети Кремля» о первом заместителе Министра кинематографии К. Кузакове. Дело в том, что уважаемая Лариса Николаевна в книге почему-то почти отстаивает миф о том, что Костя Кузаков является внебрачным сыном Сталина. Вспоминаю интервью, в котором она призналась, что сын Ю. Андропова (руководитель КГБ – комитета государственной безопасности) – Игорь Юрьевич в период написания книги «Кремлевские жены» сказал ей: «Вы миротворец. Но писатель имеет на это право». Васильева пишет, что она не обиделась. Полагаю, не обидится и сейчас. Миф о внебрачном сыне Сталина Константине Степановиче Кузакове распространила в 1995 году газета «Аргументы и факты». Очередную сенсацию газета подала читателю в статье, название которой было напечатано крупным и жирным шрифтом: «К. Кузаков – сын И.В. Сталина». В довольно обширной статье повествуется об истории рождения мальчика в доме, где квартировался сосланный в Сольвычегодск Иосиф Джугашвили. Приводятся факты: «… мальчик сильно отличался от своих сверстников своими черно-пречерными волосами…» Муж хозяйки Степан Михайлович умер за два года до рождения мальчика, однако к незаконнорожденному Косте вся семья относилась с любовью, обожала и баловала. Все поглядывали на него с большим любопытством, а один ссыльный даже сказал: «…похож, похож». Головокружительная карьера Константина Степановича Кузакова, разумеется, выдается как следствие родства со Сталиным. Газета сообщает: «…из беспартийного вузовского преподавателя он за семь лет превратился в заместителя начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно – первого заместителя министра кинематографии. Да и члены семьи Сталина, как утверждает газета, не без оснований считают К. Кузакова своим родственником…» (Газета «Аргументы и факты» 1995 г. № 39). Здесь газета хватила через край. Приведенные «доказательства» представляют из себя смесь правды и полуправды. Сталин действительно проживал в доме Кузаковых, но когда именно? Ведь Сталин в Сольвычегодск был выслан дважды. Л.Н. Васильева в своей книге уделяет этому мифу определенное место. Она даже приводит мои высказывания по этому вопросу. В книге читаем: «В августе 1996 года в газете «Правда» появилась заметка Евгения Джугашвили. Он решительно отказывает Кузакову в происхождении от Сталина на том основании, что в Домовой книге Марии Прокопьевны Кузаковой 1908 год зафиксирован как

рождение сына, а Сталин поселился у нее в 1909 году».

Последнюю фразу: «а Сталин поселился у нее в 1909 году» Лариса Николаевна сочинила сама. В газете я писал: «…Сталин прибывает первый раз в Сольвычегодск 27 февраля 1909 г.» Где он жил в эти годы первой ссылки в Сольвычегодске, по какому адресу, неизвестно. Только в годы второй ссылки в 1911 году, начиная с февраля месяца, он действительно поселился в доме М. Кузаковой, что отражено в ее Домовой книге.

Далее с каким-то упорством Лариса Николаевна ищет факты в пользу газетной утки, находит какие-то оправдания в ее существовании. Так, например, она пишет: «…все биографы вождя отмечают его появление в Сольвычегодске 1908 годом». Интересно, каких биографов она имела в виду? Такого просто не могло быть, поскольку Сталин в июне 1907 года уезжает на V съезд партии в г. Лондон (Англия), а вернувшись, работает в Закавказье, точнее в Баку и Тбилиси. В марте 1908 года его арестовывают в Баку. В ноябре 1908 года высылают в Вологодскую губернию сроком на два года. В январе 1909 года прибывает этапным порядком в Вологду; 27 января ему определяют место ссылки – Сольвычегодск Вологодской губернии. 8 февраля, следуя по этапу, заболевает «возвратным» тифом. Следует перевод ссыльного из Вятской тюрьмы в Вятскую губернскую земскую больницу; 27 февраля 190 года Сталин прибывает в Сольвычегодск, о чем я писал в газете «Правда» в августе 1996 г.

Затем Лариса Николаевна ищет ошибку, совершенную при записи новорожденного. «Чего не случается, – пишет она, – в домовых книгах. Кстати, и у отца Евгения Яковлевича в цифрах тоже прошла ошибка: вместо 1907 года рождения указан 1908 год крещения мальчика».

Сообщаю Ларисе Николаевне, что год рождения Якова Джугашвили зафиксирован священником Кондратием Сохадзе 18 июня 1907 года. Такая запись сделана в «Метрической книге» 1908 года. В этой книге в графе месяц и день крещения дана цифра 30 января. В архиве г. Подольск в личном деле Якова Джугашвили хранится его автобиография при поступлении в Артиллерийскую академию им. Дзержинского. Там он своей рукой написал, по незнанию, что родился в г. Баку в 1908 году.

Наконец последнее: автор напускает некий туман в происхождение К. Кузакова: «…желая скрыть происхождение своего сына, – пишет Лариса Николаевна, – М. Кузакова могла записать неверный год». Спрашивается, зачем скрывать происхождение, а главное, от кого? Какую тайну хочет скрыть Мария Прокопьевна, и есть ли она, эта тайна, вообще.

В 2010 году газета «Аргументы и факты» № 45 опубликовала опять жирным шрифтом заголовок: Внебрачные и великие. Кому грех не помеха». Среди фотографий я обнаружил фото нашего героя с подписью: «Константин Степанович Кузаков (1911–1996), внебрачный сын И. Сталина и Марии Кузаковой из Архангельской губернии, где будущий «отец всех народов находился в ссылке». Эта заметка и толкнула меня к возвращению разговора о фальшивке. Надеюсь, последний раз. Обращаю внимание на год рождения «внебрачного и великого» – 1911 год. Видимо для совпадения с легендой.

В заключение откроем Домовую книгу Марии Кузаковой – основной документ того времени. Она хранится в Москве в ИМЭЛ-РЦХИДНИ (Российский центр хранения, изучения документов новейшей истории), фонд 558, опись 1, хранение 448. В книге отмечены рождения пятерых ее детей. Дочери: Александра – 1896 г., Юля – 1898 г. Сыновья: Михаил – 1902 г., Александр – 1905 г. и Константин – 1908 г.

Друг – липовый

В 1973 году в Грузии в газете «Комунисти» (на грузинском языке) появилась статья генерал-лейтенанта, доктора военных наук, профессора заслуженного деятеля науки И. И. Джорджадзе. Довольно подробно он поведал общественности о своей дружбе с сыном Сталина Яковом Джугашвили. Он пишет, что «подружились они с Яшей в Ленинграде». В личных делах одного и другого действительно сказано об их пребывании в городе в одно и то же время. Личные дела Я.И. Джугашвили № 628730 и И.И. Джорджадзе № 0831621 хранятся в архиве Министерства обороны (МО) города Подольска Московской области. Когда Яков работал инженером на электростанции имени Сталина в Москве, Ираклий был студентом Ленинградского горного института. Совпадения на этом заканчиваются. Яков рождения 1907 года, Ираклий – 1917. Разница в 10 лет! Одному 30 лет, другому 20. Это большая разница для дружбы в такие года!

Вторая встреча произошла в Москве в Артиллерийской академии имени Дзержинского. По документам и один и второй поступили в академию в одно и то же время (с 1937 года). Ираклий Иванович пишет: «Когда в класс вошел Яков, то, увидев меня, сел рядом». Получается, что во время обучения в академии они сидели за одним столом. Но такого быть никак не могло. Ираклий поступил и учился на факультете зенитной артиллерии, а Яша – на факультете тяжелой артиллерии (гаубичной). Корпуса

этих факультетов со своей материальной базой, классами и аудиториями находились в разных зданиях. Это, во-первых, а во-вторых, до академии Яша окончил Московский инженерный институт транспорта (МИИТ) и поступил в академию сразу на третий курс, причем заочного факультета.

Слушатели заочных – вечерних отделений не соприкасаются со слушателями основного набора даже одного факультета, не говоря уже о разных факультетах. Другими словами встреча «друзей» придумана, как тут ни крути.

Далее он описывает, как после окончания академии Яша пригласил его в гости к отцу – И.В. Сталину. Светлана Аллилуева, когда была еще благосклонна ко мне, сказала, комментируя генерала: «Даже я, любимица отца, не могла даже подумать привести с собой подругу. Однажды отец попросил Василия, который возился с футболистами из своей команды ВВС (Военно-воздушные силы) привести к нему футболиста Гайоза Джеджелава. Но это было по просьбе отца, сам бы Василий не посмел на такой шаг».

«На приеме в Кремле, – пишет Ираклий Иванович, – волнение, которое было вначале, постепенно исчезло. Была создана непринужденная обстановка. Медленно прохаживаясь, И.В. Сталин подробно интересовался нашей учебой, степенью подготовки к воинской службе и т. д. В конце встречи он пригласил нас на обед».

Это очередной вымысел. Во-первых, Джорджадзе окончил академию в 1940 году и Приказом НКО СССР от 15.8.1940 года за № 03775 был назначен Начальником курса Командного факультета зенитной артиллерии.

Меня вот что удивляет. Уж если ты решил создать такую весьма выгодную для себя историю, то почему не съездил в Подольск в архив МО, где хранится личное дело старшего лейтенанта Джугашвили Якова Иосифовича. Там бы он нашел пренеприятную для себя запись: слушатель выпускного курса Джугашвили Я.И. по аттестации за 1940 год оставляется на второй год из-за неуспеваемости».

Теперь скажите, с какой стати Яков, как пишет И.И. Джорджадзе, поведет его в Кремль для встречи со Сталиным, да еще в положении второгодника. Совершенно очевидно, что при сложившихся обстоятельствах (один закончил академию, второй пока учится) поход «выпускников академии» явно выдуман. Также не могло это быть и после окончания Яковом академии в мае 1941 года, то есть за месяц до нападения Германии. Обстановка в Кремле была накалена до предела и генерал-лейтенант постыдился бы всовывать в свою историю встречу со Сталиным. С.

Аллилуева пишет, что после окончания академии Яков в срочном порядке с курсом отбыл на фронт.

С отцом он попрощался по телефону. Вместе с ним на фронт отбыл его друг по академии полковник С. Сопегин. Вот с ним-то и «развела» война Якова, а не с Ираклием Ивановичем.

И. Джорджадзе как начальник курса вместе с академией в 1941 году отбыл в Среднюю Азию в Казахстан г. Самарканд. Там за «торговлю продуктами» был исключен из партии и понижен в должности до преподавателя. Избежал трибунала, написав прошение об отправке его на фронт. Впервые он появляется на калининском фронте в 1942 году.

Ведь что интересно, ты выдаешь себя за друга сына Сталина, а у тебя нет ни одной фотокарточки с ним. В газете помещены только известные фотографии Якова. Конечно, всякое бывает. Однако прожить столько лет вместе и в Ленинграде и в Москве, и не сфотографироваться с сыном Сталина, да еще своим другом, просто грешно. Как же можно было упустить такой случай? Атакою случая просто не было. Они видимо не были даже знакомы!

Аджария

Полюбил я Аджарию по-настоящему после 1962 года, то есть после женитьбы, когда появились у нас дети. Но приезжал я в Батуми в 1955 году и гостил в семье Эдмана Чичинадзе у его родителей. Он познакомил со своей «братвой»: Нури, Рома, Аслан и Заза, фамилии не запомнил. Самым высоким был Аслан. Рома – водитель автобуса, устраивал выезды в окрестности Батуми в основном на море… Батуми прежде всего портовый город. На рейде всегда можно увидеть танкеры и сухогрузы. По-прежнему Батумский порт отправляет азербайджанскую нефть, поступающую по трубопроводам из Баку. Из-за этого даже на пляжах Кобулети, в 20 километрах от столицы Аджарии, можно вляпаться в куски мазута. По-прежнему порт принимает пшеницу с Украины.

Яков, о чем я узнал позже, также любил в Аджарии проводить свой отпуск, и именно в Кобулети и Батуми. Оперный артист Леонид Федосьевич Привалов в начале 30-х годов работал в Тбилисском театре оперы и балета. Он подарил мне отснятую им пленку во время отдыха в Кобулети. В кадрах холостой Яша на пляже в машине, за столом с девчатами и т. д. Пленку снабдил кратким описанием своей дружбы с Яковом и его пребывания в Аджарии.

«Сестричка»

В Аджарии я отдыхал сначала один, потом с семьей в санатории «Сакартвело» в городе Кобулети.

В Батуми познакомился с начальником Первого отдела Батумского нефтеперегонного завода (БНЗ) Беридзе Романом Ильичом. Он был небольшого роста и тучного телосложения. Дети называли Романа Ильича «Винни-Пухом». При знакомстве с моей женой он назвал Нану «сестричка». Так и пристало к нему это слово. Если он звонил, дети кричали: «Мамико, Батуми! Звонит сестричка»!

В наши приезды Роман Ильич считал своим долгом опекать нас «в обязательном порядке». Появлялся он на берегу в полдень. Находил нас на пляже. Ждал, пока мы приводили себя в порядок, и забирал обычно в ресторан у моря. В Батуми он имел дом около железнодорожных маневровых путей, что вполне устраивало моего внука Сосо. Дело в том, что Сосо любил поезд и в дороге ночью старался не спать – прилипнет к окну и сидит. Бывая у Романа Ильича, он караулил маневровый локомотив, забывая время.

Ответ позорному съезду

После 20 съезда КПСС в Грузии стали возникать частные музеи, посвященные Сталину. В Тбилиси таксист Ушанги Давиташвили свою квартиру и двор оборудовал экспонатами жизни и деятельности вождя. Кроме портретов и бюстов Сталина Давиташвили изготовил стеклянные витражи, в которых посетители могли ознакомиться с фотографиями и документами сталинской эпохи. Вместе с женой Нели съездил в Волгоград и привез несколько тяжелых чемоданов с осколками пулями, гильзами, касками, что подобрал в местах сражений.

В пригороде Тбилиси недалеко от аэропорта в Гардабанском районе в селе Ахалисопели (Новая деревня) молодой крестьянин Арчил Яковлевич Куцнелаури создал свой необычный музей Сталина. В этом музее кроме портретов, бюстов, фигур Сталина во весь рост и фотографий, построен во дворе Мавзолей с фигурой вождя. Музей есть в окрестностях города Хашури, в котором я еще не был. Также не был в домашнем музее «Боевой славы» в городе Гори у Ираклия Кандарели, который проживает на проспекте Сталина напротив бывшего райкома, нынче мэрии города.

Батумский Сталин

В Батуми бригадир морского грузового порта Гурам Узейрович Кахидзе также создал свою собственную коллекцию экспонатов, иллюстрирующих деятельность Сталина. Для музея он выделил комнату в трехкомнатной квартире. Он переписывался со знаменитыми людьми. Уникальные документы аккуратно оформлял на стендах и в застекленных стеллажах. Имелись небольшие статуи. Сам он внешне старался походить на Сталина, и ему это удавалось с его прической и усами. Но подводил батумского «Сталина» большой рост. После нашего знакомства на работе он брал отпуск на время моего приезда. С нашим появлением в санатории «Сакартвело» он начинал бурную деятельность: экскурсии на чайную фабрику, на турецкую границу в таможню поселка Сарпи, в Батумский «Музей Сталина», в Батумское мореходное училище и просто выезды на природу.

Но самым радостным событием для нас была прогулка по морю. В пассажирском порту он брал прогулочный катер. Такие катера курсируют вдоль берега и прямо с пляжа подбирают отдыхающих. Его сосед по дому Гурам Чогадзе был капитаном такого катера. Потом он получил польский катамаран. Чогадзе подбирал нас на пляже и брал курс в открытое море. С крыши прыгали все, кроме капитана и Гурама Кахидзе – наш «товарищ Сталин» не умел плавать.

Аслан Болквадзе

Поделился я как-то с Гурамом своим беспокойством по поводу образования моего младшего сына Яши. Увлекаясь живописью, он поступал в 1994 году в Тбилисскую академию художеств. Грузия испытывала трудности при первом президенте З. Гамсахурдия. В аудиториях собачий холод, никакой дисциплины, срывы занятий и т. д. Я обратился к З.К.Церетели за советом: «Что делать?» Он курировал Яшин факультет академии. Зураб Константинович связался с руководством «Школы художеств» в городе Глазго (Шотландия) и получил добро на зачисление Яши на правах «вольнослушателя» школы. Необходимые документы подготовила и академия художеств.

Встал вопрос, где найти деньги на дорогу, а главное на обучение. Я даже и не интересовался суммой денег, поскольку их у меня никогда не было. Все шло к тому, что, видимо, Яше придется распрощаться нашими мечтами. Гурам Кахидзе посоветовал обратиться к его начальнику по работе. Идти

знакомиться, потом просить деньги для меня было невыносимо. Однако Гурам притащил меня в кабинет своего начальника.

Шефом Гурама Кахидзе оказался Аслан Болквадзе – начальник Батумского грузового порта. Войдя в кабинет, я не поверил своим глазам, ко мне вышел из-за стола мой друг из компании Эднана Чичинадзе. Он обнял меня своими ручищами (Аслан был выше всех из той компании) и я выложил ему свою проблему.

Он сразу сориентировал меня: «Дорогой Женя, это дело может сделать только «Бабу» (дед)». В Аджарии так по семейному называли Председателя Верховного Совета Аслана Ибрагимовича Абашидзе. Мой друг также пообещал доложить председателю при первой же встрече с ним. Покидая кабинет, мы с Гурамом не испытывали облегчения. Во-первых, нам было известно, что деда Аслана Ибрагимовича расстреляли в 1937 году, во-вторых, в Аджарию он был назначен З. Гамсахурдия, негативное отношение которого к Сталину было хорошо всем известно. И наконец, в-третьих, я не был знаком с «Бабу» и никогда с ним не встречался. Так что у меня в душе возникли серьезные сомнения, что Председатель Верховного Совета Аджарии захочет мне помогать.

Аслан Абашидзе

Буквально на второй день А.Болквадзе пригласил меня в резиденцию Аслана Абашидзе в «Бобокваты» недалеко от Кобулети. С волнением, разумеется, я отправился на встречу, и какая-то надежда все-таки не покидала меня. Встретил меня хозяин дома приветливой дипломатической улыбкой, но очень внимательным и цепким взглядом. Роста он был небольшого, с русским лицом и немного лысоват. Его интересовало знание моим сыном английского, все ли документы собраны и готов ли сам Яша ехать за границу. Получив положительные ответы, Аслан Ибрагимович сделал небольшую паузу, столь томительную для меня, и сказал, глядя на улыбающегося «вовсю» А. Болквадзе: «А финансировать обучение и дорогу мы поручим начальнику порта».

Вопрос был решен за 20 минут! Такое не забывается. Спасибо А. Болквадзе. Но особенно я благодарен Аслану Ибрагимовичу. Да, мне говорили, что Бабу каждый год отправлял на учебу за границу по 13–15 одаренных юношей и девушек, среди которых в 1994 году оказался и мой сын Яков Джугашвили. Перед отъездом Аслан Болквадзе сунул в карман Яши 2 тысячи долларов, студенту на карманные расходы.

Общение с Асланом Ибрагимовичем было продолжено. Он показал мне строительство нового стадиона, пригласил на оперу «Даиси», я побывал на его квартире и, видимо, он организовал приезд в «Сакартвело» телевидения. Передача была посвящена моему старшему сыну Виссариону, который в Германии получил призовое место за дипломную работу «Камень». Он получил приз «За лучший фильм о жизни и смерти» имени Александра Скотти, который ему вручили на Международном кинофестивале короткометражных фильмов в городе Оберхаузен.

Три года прошли незаметно. Яша вернулся с дипломом. В первую очередь я хотел сообщить об этом успехе Аслан Ибрагимовичу и намеревался с этой целью вместе с Яшей поехать в Батуми. Но события заставили нас поехать в столицу Аджарии раньше запланированного. Умерла супруга Аслана Абашидзе – Магули. Даже в такой тяжелый момент Аслан Ибрагимович нашел несколько минут для общения с нами. Он от души поздравил Яшу с успешным окончанием ВУЗа.

Как известно, с приходом к власти в Грузии «Национального движения» или как говорят люди – «нацистов» во главе с М. Саакашвили А. Абашидзе вынужден был покинуть Аджарию. С тех пор прошло более 10 лет. Ввиду того, что жизнь в Аджарии не изменилась к лучшему, люди снова заговорили об Абашидзе. Надо признать, что Аслан Ибрагимович, будучи главой Аджарской Автономной республики, сумел организовать работу государственной машины так, что в Аджарии царили мир и спокойствие в то время, как в остальной Грузии царили хаос и безобразия. К слову, в Аджарии не было зафиксировано ни одного угона автомобиля. Жители Аджарии и отдыхающие спокойно трудились и отдыхали.

Контингент санатория «Сакартвело»

В санаторий «Сакартвело» (Грузия) в те годы приезжали не только граждане из Грузии, было много гостей из Москвы, причем весьма известные личности. Например, был редактор газеты «Правда» Виктор Георгиевич Афанасьев. Отдыхал также работник Министерства иностранных дел Виктор Суходрев – личный переводчик Л. Брежнева. Интересно было наблюдать как Суходрев, придя на пляж, располагался поудобнее, вытаскивал из своего плоского типа книги приемника вертикальную антенну, и слушал новости.

Основной контингент санатория все-таки состоял из жителей Грузии. Здесь отдыхал председатель Совмина Грузии Гиви

Джавахишвили, Министр внутренних дел Шота Горгодзе, секретарь ЦК Дэви Стуруа, секретарь ЦК Аджарии Вахтанг Папунидзе, Военком Аджарии Отари Кордзая. Из известных актеров я встретился с Додо Абашидзе и Бухути Закариадзе. Сюда приезжали на отдых футболисты тбилисского «Динамо» во главе с их тренером Нодари Ахалкаци и другие. Я был знаком почти со всеми из них, но дружеские отношения у меня сложились с Шотой Варламовичем Горгодзе. Как только он появлялся в санатории, тут же начинал набирать футбольную команду. Одним из таких игроков в тот момент оказался и я.

Министр сам был спортивного телосложения и большим любителем спорта. Известный боксер Давид Квачадзе приходился ему зятем. Несмотря на занимаемый им высокий пост, в отличие от других высокопоставленных чиновников Ш. Горгодзе был прост в общении и доступен. Я был в Тбилиси у него в министерстве и видел отношение к нему людей. Мои звонки ему домой обычно принимал его сын Гия – неразлучный его «адъютант».

Актер Бухути Закариадзе

Бухути Закариадзе, исполнитель роли И.В. Сталина в фильме-эпопее «Освобождение», сказал мне однажды, что если б мы с ним не встретились раньше, то, наверное, он сыграл бы Сталина по-другому. Он не сказал как именно, а я не стал спрашивать, о чем сейчас жалею. Уважаемый Бухути так сказал, потому что некоторые его коллеги, да и не только они, критически восприняли его игру в роли Сталина. Портретное сходство артиста в первую очередь не устраивало критиков. Сталин у Бухути дескать тяжеловат, медлителен и неправильно говорит по-русски. На мой взгляд, все это мелочи. Дело в том, что ни один артист не в состоянии показать нам, зрителям, Сталина. Настоящего Сталина можно увидеть только в документальных лентах.

Главное в фильме на экране был Верховный Главнокомандующий, от которого прямо в зал исходила невероятная сила. Вспомним картины, созданные ранее и у нас и за рубежом, столь популярные на телевидении в период хрущевской оттепели. Там Сталина изображают только в карикатурном виде, а что касается портретного сходства, то делалось по принципу: чем уродливее, тем лучше. Не актеры были виноваты, а режиссеры, лепящие свои «шедевры» в угоду политической конъюнктуры.

А здесь Сталин представляет личность, сыгравшую исключительную роль в разгроме Германии. Отлично показан генералитет с обеих сторон. Наконец-то нам показали умного и сильного врага, который за два года поставил Европу на колени. Я думаю, что режиссер Юрий Озеров смог поставить такой эпохальный фильм только после снятия подлеца Н. Хрущева. После киноэпопеи «Освобождение» в народе появилась надежда, что доброе имя Сталина возвращается. Но надежда оказалась призрачной. Не забуду, как футболисты подарили мне пляжные тапочки. Я всегда возил их с собой на море во время отпуска. Санаторий «Сакартвело» даже считался «элитным» по уровню комфорта. Его трехэтажное жилое здание располагалось буквально на берегу моря. В каждом номере на 2 персоны имелся санузел с душем. Горячая вода подавалась по графику. Эстакада от дождя соединяла со всеми зданиями комплекса: трехэтажный жилой корпус, административный корпус с процедурными кабинетами и корпус, в котором находились столовая, кинозал, бильярдный зал и библиотека. Все было рядом.

Счастливые дни

Санаторий «Сакартвело» для меня был самым счастливым местом в жизни. Дети выросли в нем. Все отдыхающие по-семейному относились к нам. В санатории вкусный варили борщ. Повар Евгения – приветливая приятная женщина, подходя к нашему столу, обычно спрашивала: «А Яша покушал мой борщ?» В ответ Яша с силой сжимал руку и показывал свои мускулы или подтягивался на трубе около стола. Бесико подыгрывал ему: трогая его мускулы, говорил: «Ого!» В санатории было полно детей. На пляже они галдели не уставая. Не уставал возиться с детьми и я. По пляжу носили фрукты, орехи и в больших кастрюлях горячую вареную кукурузу. Потом появились надувные «бананы», кресла и даже стали запускать с пляжа человека на парашюте. Был в санатории бильярд – два стола, и кинозал. Перед сеансом детвора оккупировала сцену, бегали, заглядывали за экран. То сядут на место в зале, то вновь на сцене. Успокаивались только с началом фильма, когда гасили сет. Перед сном в столовой полагался стакан «мацони» (типа кефира). Утром нас будили звуками аккордеона, играющий прохаживался по шуршащей гальке вдоль балконов под знакомые мелодии. Начинался новый счастливый день.

Г. Кобулети находился в тропической зоне. Если идет дождь, то не как-нибудь, а «как из ведра» настоящий ливень. Однако

никаких потопов в городе и на территории санатория я не видел. Вода сразу куда-то исчезала. А вот влажность в Кобулети доставала постоянно. Море по утрам бывает сказочно тихим, словно на картине. Однако если начнет штормить, то волны, постепенно нарастая, и день и ночь подряд глухо долбят пляж. Их гулкие удары ощущаются даже в номере. На пляж выходят смельчаки-одиночки. Мои дети, когда выросли, были в их числе. Малочисленные зрители-отдыхающие сидели на берегу.

В такие дни я любил находиться в бильярдной. Виссарион любил наблюдать за игрой. Однажды и его втянули в игру. Ему было тогда лет 6–7. Один пожилой отдыхающий из Кахетии дал ему кий и предложил играть. Незаметно мы ему делали подставки. Когда он загонял шар в лузу, я аплодировал, а кахетинец говорил: «Окро шен!» (золотой ты мой). С тех пор иногда я говорю Виссариону: «Как дела, Окро?» А он, насмотревшись кинокартину «Овод», тоже иногда отвечал: «Нормально, Падрэ». Сейчас старого «Сакартвело» уже нет. Построен новый комплекс. Но я никогда не забуду той атмосферы в старом санатории. Моя семья помнит и последнего главврача «Сакартвело» Малхаза Чипашвилли – спокойного хозяина. По старой дружбе он принимал нас даже без путевок в своем резервном коттедже, который тоже снесли.

Вечерний Батуми

По вечерам мы любили всей семьей прокатиться в Батуми, посидеть в ресторане у причала. Огни грузового порта отражались в черной воде. Вдали на рейде в темноте светились огнями танкеры и сухогрузы. Почти без шума мимо проплывали буксиры. В горах над городом собирались темные тучи предвестники завтрашней непогоды. А пока здесь внизу у моря было тихо и тепло, на столе водка, жареная барабулька, салат из помидоров и огурцов с нашинкованным репчатым луком, хачапури, картофель фри. Кофе по-турецки напоследок. Гурам Кахидзе иногда по дороге в Кобулети сопровождал нас до первого перевала, где стоял ресторан «Газапхули» («Весна»), чтобы поднять тост за счастливую дорогу. Отсюда открывалась грандиозная панорама Батуми. Аслан Абашидзе пробил тоннель и построил новую дорогу в обход старой. Однако прелесть старой дороги с ее бесконечными поворотами я буду помнить всегда: сильный батумский ливень, я за рулем. Снаружи дождь, в машине сухо и тепло. Таинственно светится приборная доска, как у летчиков в самолете. Фары ярко освещают завесу струй.

Методично работают дворники. В салоне звучит «АББА». Хорошо!

Глава 7
Нидерланды и Бельгия

Приглашение

28 декабря 1999 года на Яшин факс поступило из Москвы сообщение: Нидерландская Кампания «Ассамблея Б.В.» г/г. Маастрихт, Лимбург, специализирующаяся на организации конференций, симпозиумов, лекций и т. д. обратилась ко мне с просьбой установить с Вами контакт по следующему поводу:

Во второй половине 2000 года кампания планирует организовать публичное событие, посвященное Ялтинской конференции. В данном мероприятии предлагается участие внуков лидеров трех великих держав – победителей во второй мировой войне, в том числе г-на Уинстона Черчилля Третьего, г-на Куртиса Рузвельта, а также Ваше. Место организации данного события – престижный курортный отель на Северном море «Хаус Тер Дюйн, Нордвайк» (Нидерланды) или какое-либо респектабельное место в Бельгии. По времени событие и поездка могут занять четыре-пять дней. Если Вы пожелаете, то дополнительно Вы могли бы посетить Маастрихт, старейший город Нидерландов и административный центр провинции Лимбург и быть гостем «Ассамблеи». С уважением Сергей Соколов по поручению «Ассамблеи».

12 января 2000 года пришло новое сообщение: «Организаторы берут на себя расходы по перелету, размещению в гостинице и питанию. Потом сообщили, что встреча переносится на первую неделю октября 2000 года. 4-го апреля 2000 года пришло новое сообщение: «Принципиально планы организации встречи «Ялта-2» остаются в силе. «Ассамблея» поддерживает контакт со всеми 3 основными участниками и отелем-хозяином мероприятия «Хаус Тер Дюйн, Норвайк-ан-Зее, Нидерланды. До конца апреля должны быть готовы официальные приглашения. Сроки смещаются с мая на сентябрь с.г.». Встреча в конце концов состоялась 30 сентября 2005 года в городе Маастрихте.

Встреча гостей

До встречи представители «Ассамблеи» господин Лео Ван Дер Кант (Президент кампании) и его партнер по кампании, бывший

государственный деятель Нидерландов господин Уил Альбеда пожелали встретиться со мной в Тбилиси. Яша встретил их в аэропорту и определил в гостиницу «Тбилиси-Мариот» рядом с Парламентом Грузии.

Яша, как организатор встречи гостей, составил программу: «Вначале им покажем Тбилиси, – решил он, – а потом, если захотят, свозим в Гори». После краткого, вернее беглого, осмотра города заехали в ресторан в районе озера «Черепаха» над Тбилиси. Шарманщик узнал меня, а значит и все были в курсе дела «кто и кого привезли». Свой инструмент шарманщик поставил у нашего стола, и вечер прошел под тбилисские мелодии. Переводчик был Яша. Гости согласились попробовать белое вино, потом красное, но, в конце концов, перешли на водку. В результате утром наши гости выглядели неважно, но готовы были ехать в Гори.

По дороге в Гори

Поскольку наши гости в Грузии впервые, мы с Яшей по дороге рассказывали об исторических местах вдоль трассы Тбилиси – Гори. Например, проезжая перекресток с дорогой, ведущей к городу Каспи, мы рассказали о Георгии Саакадзе. В борьбе с князьями за объединение грузинских земель Саакадзе привлек силы извне. Из истории мы знаем, что иранский шах Аббас направил в Грузию 120-тысячную армию для переселения грузин в Иран. Персы хотели освободившиеся территории заселить мусульманскими племенами, что не входило в планы Саакадзе. Во главе своих войск шах Аббас оставил Карчиг-хана, в свите которого находился Георгий Саакадзе. Перед походом Аббас в качестве заложника оставил у себя во дворце младшего сына Саакадзе – Паату. Организовав заговор, Саакадзе убил Карчиг-хана и семерых его полководцев. Войско распалось и перестало существовать.

«Политика Саакадзе, – писал И.В. Сталин тов. Большакову в 1940 году, – была прогрессивной с точки зрения будущей перспективы… Грузия времен Саакадзе еще не успела созреть до такой политики, т. е. для ее объединения в одно государство путем утверждения царского абсолютизма и ликвидации власти князей. Причина ясна: князья и феодалы оказались более сильными, царь и дворянство более слабыми, чем предполагал Саакадзе. Саакадзе чувствовал эту внутреннюю слабость Грузии и вознамерился перекрыть ее привлечением к делу внешней (иностранной) силы. Но сила внешнего фактора не могла

компенсировать внутреннюю слабость страны. В обстановке этих неразрешимых противоречий политика Саакадзе должна была потерпеть – и действительно потерпела поражение». Саакадзе объединить Грузию не удалось. Сам он впоследствии погиб вместе со своим старшим сыном.

За неудачный поход и «предательство» Саакадзе шах Аббас прислал ему в подарок голову его сына. Голова Пааты похоронена в церкви г. Каспи, где когда-то находилась резиденция царя Саакадзе.

История Георгия Саакадзе была поднята в годы войны. Дело в том, что в 1941–1942 гг. немцы на фронтах разбрасывали листовки, в которых говорилось, что сын Сталина Яков Джугашвили сдался им в плен и призывали солдат Красной Армии следовать его примеру. Видимо не случайно в 1943 году студия «Грузия-Фильм» выпустила в прокат кинокартину «Георгий Саакадзе» по книге писателя А. Антоновской «Великий Моурави». По всей вероятности авторы фильма и, наверное, сам Сталин видели аналогию в судьбах Пааты и Якова: Паата был заложником у персов, а Яков у немцев.

Однако в последнее время появились серьезные доказательства того, что Яков погиб в бою и в плену он не был. Аистория его пленения есть не что иное, как фашистская фальшивка, направленная на подрыв морального духа Красной Армии и Советского народа. В белорусском поселке Копти, где вел бой Я. Джугашвили, фронтовики поставили памятник. На памятнике надпись: «Здесь в июле 1941 года защищал Витебскую землю от немцев командир артиллерийской батареи ст. лейтенант Джугашвили Яков Иосифович – сын И.В. Сталина (смотри раздел «Сын Сталина»).

Обратили внимание наших спутников на деревья, стоявшие вдоль дороги, большая их часть – ореховые. Они были посажены в 30-х годах при первом секретаре ЦК ВКП(б) Грузии Л. Берии. Лаврентий Павлович был соратником И.Сталина, его преемником. Невозможно охватить, а тем более рассказать в дороге о заслугах Л. Берии. Сталин поручал ему самые важные участки – Министерство внутренних дел (МВД), Министерство государственной безопасности (МГБ). Во время войны отвечал за танковую промышленность, создал военную контрразведку Красной Армии СМЕРШ (смерть немецким шпионам). С 1943 г. Берия становится Председателем Спецкомитета при Совете министров по созданию атомной бомбы. После взрыва двух атомных бомб в Японии, США стали угрожать Советскому Союзу.

Ум, знания и блестящие организаторские способности Л. Берии позволили группе ученых-ядерщиков уже в 1949 году

взорвать ядерное устройство. Атомная монополия США была ликвидирована. Благодаря этому мы до сих пор живем с бывшими «союзниками» в мире.

Подъезжая к городу Гори мы с Яшей посоветовали нашим спутникам вначале осмотреть музей Сталина, построенный по инициативе Л.П. Берии, а после отправиться на центральную площадь города к памятнику товарищу Сталину. Мои друзья во главе с Отари Джигладзе (Котана) пригласили гостей в загородный ресторан. Тамадой избрали Отари. Когда тамада, обращаясь к гостям, поднял тост за их жен, детей и внуков, ожидавших их возвращения домой, то оба наши спутника чуть не прослезились. Получили они несколько бутылок разных грузинских вин из коллекции тамады. Для моей поездки в Нидерланды Отари подготовил коробку с шестью бутылками Хванчкары. «При встрече внуков Рузвельта и Черчилля, – как всегда негромко сказал он, – передай, Евгений, им наш подарок, скажи от внука Сталина!».

Встреча внуков Великой тройки

Лететь решили втроем: я, как основной член делегации, Яша – переводчик и фотокорреспондент, его жена Нина Ломкаци для психологической поддержки. Телевидение сопровождало нас повсюду, начиная с аэропорта в Тбилиси. Вылетали глубокой ночью, и перекусить перед дорогой как-то не получилось. В самолете всем сесть рядом не удалось: мы с Ниной в одном ряду, Яша – в другом. С нетерпением я ждал ужина. Наконец появились бортпроводницы. Только я приготовился поесть, но ужин оказался в виде бутерброда. Так голодный я летел четыре часа до Амстердама.

Аэропорт представлял собой впечатляющее сооружение и походил на растревоженный термитник. Пока мы ориентировались, куда пойти на свой рейс до Маастрихта, вдруг Яша-переводчик замер. Он вслушивался, что говорил диктор аэропорта. А диктор, еле-еле выговаривая наши имена: «Джугашвили Евгений, Джугашвили Яков, Нина Ломкаци» требовал немедленно проследовать к выходу на посадку.

Движущиеся дорожки просто спасали нас. В Маастрихте в аэропорту нас встречал Президент кампании «Ассамблеи» господин Лео Ван Дер Кант. Только устроились в гостинице «Grown plaza», как нам сообщили, что поездом приехал У. Черчилль из Лондона и К. Рузвельт из Франции. Первый их вопрос был: «Приехал ли Сталин?» В тот же вечер состоялся

официальный ужин тех, кто непосредственно будет участвовать во встрече. Среди приглашенных были: профессор Де Небург – руководитель Высшей Школы Управления; профессор, доктор наук Кейс Хамелик, который будет вести конференцию и Тим Себастиан, который должен беседовать с нами. За длинным столом собралось человек двадцать. Подали закуску в больших тарелках, накрытых колпаками. Когда я убрал колпак, на тарелке лежала маленькая печень утки и к ней гарнир в виде одной половинки чернослива. Ни селедки с картошкой, ни квашеной капусты, ни грибов, ни даже черного хлеба – ничего не было. «Опять останусь голодным, – подумал я». Но это был только деликатес. Потом подали достаточно закуски, но опять в громадных тарелках, а в каждой тарелке весьма скромные порции.

Стол по-европейски

Никакого руководства за столом не было. Каждый сам наливал что хотел: вино, коньяк, водку или лимонад, тихо выпивал и закусывал, иногда переговариваясь с соседом. Стол практически разбился на небольшие компании и слышны были негромкие разговоры. Первой из нашей тройки взорвалась Нина: «Что мы на панихиде что ли, – зашептала она. – Давай, Яковлевич, скажи что-нибудь». Яша встал и на английском языке, обращаясь ко всем, сказал, что его отец что-то хочет сказать, вернее он хочет предложить Вам тост. Все одобрительно загудели.

Когда рассаживались за стол, Рузвельт со своими почитателями оказался на противоположной стороне стола далеко слева. Черчилль тоже со своей компанией, но оказался прямо напротив нас. Наша тройка, в отличие от Рузвельта и Черчилля, была, если так можно сказать, одинока, без почитателей. Но мы не смущались. Здесь я не буду вспоминать, что именно я говорил в тостах. Ограничусь только тем, в честь кого были сказаны. Итак, Яша предоставил мне слово. Я встал и предложил выпить за Франклина Рузвельта. Все встали и молча выпили. Вновь наступила тишина с негромкими разговорами. Проходит время, обстановка не меняется, я лично ждал тост из уст К. Рузвельта за Сталина. Но он был занят разговорами с соседями. Следующий тост я произнес за Уинстона Черчилля-старшего. Опять все встали и молча выпили. И вновь картина повторилась. Теперь я стал ждать тост за Сталина уже от У. Черчилля-младшего. Он сидел напротив, и я по его глазам догадался, что он непременно выступит. Он не был занят

разговором, он смотрел на нас. Смотрю, У. Черчилль берет рюмку и встает. Яша мне говорит, что он поднимает тост за коалицию государств (т. е. США, Англию и СССР). Я перебиваю его: «Я ожидал, что Вы поднимете персональный тост за Сталина». Яша перевел мою реплику. Черчилль заулыбался и предложил тост за Сталина. Наша тройка была удовлетворена, но «осадок» остался.

По городу Маастрихт

В гостинице нам предоставили два одинаковых номера: в одном я, в другом – Яша и Нина. И чего только там не было… По гостиницам я мотался, когда ездил в командировки в Казахстан на полигон. Номер этой гостиницы просто смутил меня своей роскошью. Многие ручки в ванной и туалете мне были просто непонятны. Для чего они существуют, мне после растолковали Яша и Нина, разумеется, посмеиваясь надо мной. Белоснежный и плотный халат я решил не одевать. Зато Нина и Яша в первый же приход в мой номер уже были облачены в такие же халаты. «А что, – сказала Нина, – очень даже удобно после ванны». По прилету в Тбилиси, Нина купила мне такой же халат. Г. Маастрихт производит впечатление города после сильного дождя. На улицах абсолютная чистота: ни обрывка бумаги или просто какого-то мусора, тем более окурков. Велосипеды тысячами стоят на улицах, припаркованные в ряды. Собаки на поводках и хозяева их ходят с целлофановыми пакетами. Никто никуда не спешит.

Перед основной встречей с публикой, организаторы провели ряд мероприятий. Одним из таковых было посещение военного кладбища «Маргратен». Здесь захоронено 20 тысяч американских солдат и офицеров. Никаких могил в нашем понимании на кладбище нет – одни вкопанные кресты с табличками. Кресты из белого мрамора высотой около метра и расположены в строгом порядке. На территории после ворот расположен бассейн, подобно тому, как сделано в Волгограде. Он символизирует слезы скорби по погибшим. Венчает водоем высокая часовня. Каждому вручили по венку, сфотографировали и затем мы положили их на специальные места в часовне.

В помещении Управления кладбища каждый из нас сделал в Книге почетных посетителей запись. Перед уходом нам вдруг вручили обычные дождевые зонты. Оказывается, накануне какая-то делегация попала под дождь. Ожидая нас, руководство Мэрии заранее, на всякий случай, закупило эти зонты. Но дождя не было, наоборот, стояла солнечная погода. Купленные зонты решили нам подарить на память в качестве сувениров.

Вторым мероприятием было посещение Мэрии города Маастрихт. Видимо, для придания встрече более солидного вида или действительно опасаясь провокации, к нам прикрепили крепких молодых парней с радиосвязью. Мой охранник неотступно следовал за мной. В машине сидел впереди, и не вступал ни в какие разговоры. Мы с Яшей сидели сзади. Так как ко мне была приставлена «своя» переводчица, то Яша занимался съемками на свою портативную кинокамеру, но всегда оставался рядом со мной. Нину мы оставили в гостинице смотреть встречу по телевизору.

Мэр города господин Г. Лере вначале угостил нас чаем, затем мы расписались на «памятном камне» и, после экскурсии по зданию, пригласили нас сфотографироваться. Принесли огромную фотографию с лидерами тройки, сделанную в Ялте. Поставили стулья и рассадили нас так, как сидели на снимке наши деды. В центре посадили К. Рузвельта, справа от него – меня, слева – У. Черчилля, сзади встали мэр города Маастрихт господин Г. Лере и рядом с ним профессор Де Небург – руководитель Маастрихтской Высшей школы управления, которая организовала данную конференцию. Культурные мероприятия шли вперемежку со встречами с журналистами. Они не оставляли нас в покое: каждый день то один телевизионный канал, то другой, то сразу все вместе.

Позиции внуков не изменились

Наконец, началась сама конференция. Она проходила в Школе Управления в аудитории № 1 – в огромном конференц-зале. К открытию там собралось не менее семисот студентов и гостей. Ведущий Тим Себастиан своими часто непростыми вопросами старался выяснить позицию того или другого внука по поводу решения союзников в Ялте зимой 1945 года. Яне собираюсь пересказывать эту двухчасовую дискуссию. Скажу о главном. Ялта-2 в Маастрихте чем-то напоминала Ялту-1 в Крыму. Противоречивые оценки действий союзников США и Англии в годы Второй мировой войны особенно по открытию второго фронта в Европе исходили от меня и Черчилля, и в довольно резкой форме. Он нервничал, часто пил воду. Рузвельт в более спокойной манере реагировал на нашу перебранку. Иногда он высказывал иную точку зрения, чем Черчилль. Например, он осуждал действия американских войск в Ираке, а Черчилль наоборот – почти восхищался.

После конференции Яша мне рассказал о разговоре, который

у него произошел с Черчиллем во время одного из перерывов. Дело было так. Черчилль, оказавшись вместе с Яшей у рукомойника в туалетной комнате, взглянув на него в зеркало, сказал: «А Ваш отец молодец, не сдается!» На что мой сын ответил: «И Вы крепкий орешек!» После обмена любезностями и выдержав секундную паузу, мой сын спросил: «Можно задать вопрос?» – «Да, конечно!» – ответил Черчилль. «Скажите, с какой целью Ваш дед приказал не разоружать немецкие дивизии, сдавшиеся союзникам на севере Европы?» Как объяснил Яша, он хотел хоть как-то «врезать» Черчиллю за все то, что он говорил на сцене и тем самым поддержать меня. Ответ Черчилля явно обескуражил: «Я не понимаю, о чем Вы говорите!» А ведь этот факт не скрывал даже сам старик Черчилль. Яша не стал настаивать на продолжении дискуссии. Этого было достаточно. Яша извинился, и они вышли из туалетной комнаты.

По местной прессе можно было почувствовать в какой-то мере атмосферу конференции. Даю перевод нескольких статей без всякой коррекции.

Внуки «большой тройки» не станут друзьями

У них разные взгляды по многим вопросам, как у их дедов 60 лет назад в Ялте. Поседевшие внуки Сталина, Рузвельта и Черчилля дебатировали о судьбе Европы в субботу в Управленческой школе Маастрихта.

Это было во время официального ужина в пятницу, когда грузин Джугашвили, внук Сталина, рожденный в январе 1936 года, не смог сдержаться и сказал Уинстону С. Черчиллю, внуку Британского премьер-министра: «Ты такой же упрямый, как и твой дед», на что Черчилль спокойно ответил: «Принимаю это как комплимент».

«Инцидент» во время ужина показывает отношения русского и британца, которые вынуждены общаться некоторое время друг с другом. Тогда это было в Крыму, между их дедами, а в субботу между внуками в европейском городе Маастрихте. Показательным было расхождение мнений в интерпретации событий 60-ти летней давности.

Американский Президент Франклин Д. Рузвельт и Британский премьер Черчилль не могли без помощи Сталина закончить Вторую мировую войну. У них просто не хватало человеческих и военных ресурсов для того, чтобы самим разделаться с нацистами. 4 февраля 1945 года, когда трое встречались в Ялте, решая будущее Европы и судьбу Германии,

война уже подходила к своему концу.

Большая часть Лимбурга уже была освобождена и американцы и британцы двигались к Берлину, но намного медленнее, чем Красная Армия Сталина с Восточной Европы. Много стран тогда оказалось под коммунистическим влиянием. Черчилль предупреждал о красной угрозе, как о новом враге. Рузвельт волновался об этом меньше, он больше хотел разделаться с предвоенным наследством колониализма и хотел помощи Сталина в войне с Японией.

Историческая встреча в Маастрихте

Автор Эллин Фербург

Маастрих, воскресенье

Три внука: Британского премьер-министра Уинстона Черчилля, Президента США Франклина Д. Рузвельта и Российского президента Иосифа Сталина встречались вчера в особенной атмосфере. На открытии новой Управленческой школы в Маастрихте присутствовали Уинстон С. Черчилль (65), Куртис Рузвельт (75) и Евгений Джугашвили (69), дискутируя о Ялтинской конференции февраля 1945 года, в которой их деды, тогдашние мировые лидеры, в большой степени определили будущее Европы и, как думают некоторые, нанесли ей огромный урон. В конференц-зале оказалось, что особенно жестко придерживался своего мнения внук Сталина: «Открытие второго европейского фронта было идеей Сталина, но когда американцы и британцы только в 1944 году высадились в Нормандии, было слишком поздно».

Складывалось впечатление, будто там сидел сам советский лидер, впечатление усиливалось внешним сходством: невысокого роста, с зачесанными назад волосами и представительными усами.

Мэрию Маастрихта за прием Евгения Джугашвили, для которого даже вывесили грузинский флаг перед мэрией, заранее много критиковали. «На совести Иосифа Сталина много человеческих страданий», – отметил бургомистр Герд Лере в своей речи, добавив, что он понимает какой груз несет его потомок». Но полковник запаса Джугашвили, друзья которого часто называют его Сталиным, «маленький железный мужчина», был очень горд своим происхождением. «Особенно вначале, это давало некоторое преимущество, во время учебы мне не надо было сдавать экзамены». Несмотря на то, что это было сказано с

улыбкой, все равно эта фраза вызвала некоторое замешательство в зале с 700 зрителями.

Куртис Рузвельт, который в свое время работал, в том числе и в Секретариате ООН, получил аплодисменты за критику войны в Ираке, которую он назвал ошибкой. «Джордж Буш дискредитировал Ялту во время своего последнего визита, который он назвал горьким наследством». Несмотря на то, что даже, как говорил Уинстон С. Черчилль, бывший член Британской Палаты Лордов, в то время большого выбора не было.

Джугашвили к этому добавил: «Была создана ООН, был решен польский вопрос, был решен вопрос о продолжении войны на Дальнем Востоке, а также о преследовании военных преступников в Нюрнберге. Мой дед не случайно оказался победителем, встреча в Ялте была по-настоящему успешной».

Министр образования Мария Ван Дер Хуфен, которая открыла новый факультет Международного менеджмента, вынесла урок из истории: «Ялтинский договор, падение Берлинской стены и непринятие Европейской Конституции учат нас, что в жизни главное не экономика и финансы, а люди».

«Извините, люди в Польше, Чехии и в других странах, которые до падения Берлинской стены в 1989 году 40 лет мучились под диктаторским режимом, но мой дед тогда не мог больше ничего сделать», – говорит внук Уинстона Черчилля. Быстрый прогресс русских был состоявшимся фактом, он не мог своему союзнику против Гитлера объявить войну, но, думаю, мой дед был бы рад, узнав, что смелые польские пшюты, поддержавшие его во время битвы за Британию, через 60 лет могут жить в свободной стране».

«Это все ложь, – реагирует Евгений Джугашвили: «Вы – британцы и американцы, заставили нас до высадки в Нормандию в 1944 году расхлебывать все самим, миллионы русских погибли только из-за того, что Ваш дед – господин Черчилль был занят в Северной Африке, защищая собственные колонии. А что мой дед был диктатором и совершал страшные преступления против своего народа, откуда Вы это взяли? Я горд за своего деда, который обеспечил для нашей страны большое богатство и благополучие, не смотря на то, что следующие лидеры все это уничтожили».

Так дискутировали внуки по каждому факту. О секретном Пакте между Сталиным и Гитлером, о разделе Польши, о словах Уинстона Черчилля в Фултоне после войны, где он, находясь в отставке, по словам Джугашвили, призывал к бомбежкам Москвы, Киева и Ленинграда, чтобы остановить красную угрозу. Чепуха – реагирует внук Черчилля.

Куртис Рузвельт, 75-летний внук (ФДР) держит себя, как тогда его дед в Ялте, в основном вне русско-британской полемики. Признавая, что его дед без японской атаки на Перл-Харбор наверное никогда бы не отправил американских граждан на войну ради освобождения Европы.

Это первый раз, когда три внука встречаются вместе. На подиуме сидят дружно, рядом друг с другом, каждый под портретом своего деда. Каждый из них, по-своему горд за своих знаменитых предков, и каждый по-своему понимает ответственность, возложенную на них за то, что они их внуки. Уинстон С. Черчилль пошел по пятам своего деда и отца и стал журналистом, он стал военным корреспондентом и находился вместе с армией, в том числе и во Вьетнаме, также написал разные книги о наследстве британского премьера.

Куртис Рузвельт, который в детстве рос в Белом Доме, только что закончил книгу о своей жизни в тени самого долгосрочного американского Президента. Большую часть своей жизни он провел, работая в ООН, в организации, основание которой инициировал его дед.

Евгений Джугашвили, наконец, сделал карьеру военного атташе, учился военной истории и дошел до звания полковник».

Бельгия

Первыми покинули Маастрихт Черчилль и Рузвельт. Перед их отъездом я подарил им по две бутылки «хванчкары». Согласно пожеланию Отара Джигладзе «от внука тов. Сталина». Рузвельт при этом обнял меня. Две последние бутылки я подарил Президенту Компании «Ассамблея» господину Лео Ван Дер Канту. Наши гости, которые приезжали в Грузию, Лео Ван Дер Каи и Уил Альбеда, пригласили меня на ужин в «Общество Генриха VIII» – английского Короля, поборника жесткой и единоличной власти. Говорят, он, поймав жену с любовником, отрубил обоим головы. Та же участь постигла вроде бы и вторую жену.

Никаких границ там нет. Спокойно переезжаем из одной страны в другую, словно из Московской области в Тульскую или Новгородскую. Дороги у них, надо сказать, классные. Собралось человек 70. Наше появление было встречено аплодисментами. С фотографированием получилась заминка. Дело в том, что они желали фотографировать со мной в отдельности каждого члена общества. Коллективный снимок их не устраивал, а сказать мне они как-то не решались. На помощь позвали Яшу. Поставили меня перед их гербом общества, и выстроилась очередь. Не меньше

часа потребовалось.

Вечер вел Уил Альбеда, тот, который немного «перебрал» в Тбилиси. Он после молитвы произнес вступительную речь и предложил задавать вопросы. Рядом со мной посадили своего бельгийского переводчика. Яша сидел вдали от меня и там отвечал соседям по столу на их вопросы. Я сразу понял, судя по вопросам, что их информация о Сталине основана на докладе Н. Хрущева на XX съезде партии и на книгах Э. Радзинского, Д. Волкогонова и им подобных. Что-нибудь путного о Сталине на Западе не переводят.

В защиту революции 1917 года

Разговаривать с такой обманутой публикой мне ни разу не приходилось. Я подготовился к шквалу вопросов в первую очередь по репрессиям. Но к моему удивлению о репрессиях не задали ни одного вопроса. «Ларчик открывался просто»: члены общества были ярые сторонники «жесткой единоличной власти. Они-то и встретили меня аплодисментами как внука Великого диктатора. В этом плане они симпатизировали Сталину, но только в этом.

Но когда они начали осуждать революцию 1917 года и ее, дескать, отрицательную роль в судьбе России, как результат отставание страны от европейских государств, я ответил не по правилам дипломатической этики. Я сказал примерно следующее: «То, что отстаем от вас, мы знаем. А вы знаете, что Россия в недалеком прошлом спасла Европу от татаро-монгольского нашествия? Сопротивление славян настолько ослабило кочевников, что они отказались идти дальше на запад. Это, во-первых. Во-вторых, совсем недавно почти вся Европа стояла на коленях перед А. Гитлером, кстати, подготовленным для нападения на СССР вашими же правительствами, и в первую очередь английским, во главе с У. Черчиллем. Но первую оплеуху получили вы.

Зверства, с которыми немцы вели войну против СССР, вам не приснятся даже в страшном сне. Война велась на физическое уничтожение славянского государства. Была разрушена вся европейская часть страны и убито 30 миллионов человек. Если ваши правительства не смогли организовать сопротивление и бежали из страны, то наше советское правительство, созданное в результате революции, это сопротивление оказало. Оно, несмотря на предательские действия части генералов высшего звена армии, вначале остановило, а затем и разгромило «непобедимую»

арийскую армию. Подобное чудо произошло потому, что партия во главе со Сталиным создала государство нового типа – государство рабочих и крестьян, воспитала нового советского человека, сильно отличающегося от буржуазного. Солдаты Красной армии снова спасали Европу, но на этот раз от коричневой чумы. Спрашивается, в праве ли вы, европейцы осуждать нашу революцию?» Аплодисментов не последовало.

На прощание общество подарило мне статую Фридриха VIII весом в пять килограммов и всю документацию к ней для таможенного контроля. Статуя благополучно привезли в Тбилиси. Она напоминает мне беспокойные дни в Нидерландах. Перед самым отъездом господин Уил Альбеда пригласил к себе домой (видимо как ответная любезность за прием в Грузии). Он одно время был Министром в правительстве Нидерландов. Встретили нас он и его жена. Мы были поражены размерами их квартиры – она сильно смахивала на нашу хрущевку. За столом хозяин с теплотой вспоминал свое пребывания в Грузии. Глядя на Нину, сказал ей комплимент. Нина потом говорила мужу: «Видишь, Яшечка, какая у тебя жена!»

А закончить хочу вот чем. В феврале 2015 был очередной юбилей Ялтинской встречи Рузвельта, Сталина и Черчилля в Ливадийском дворце в 1945 году. И к юбилею, теперь уже российские организаторы, тоже пригласили в Крым потомков этих великих государственных деятелей. Однако пресса сообщила, что внук Сталина не смог приехать из-за болезни. Это полуправда: в это время я действительно нуждался в лечении, но организаторы заранее пригласили моего сына Якова, что было логично. Однако когда Яков прилетел в Москву в готовности вылететь в Симферополь, ему заявили, что его присутствие в Крыму нежелательно. И потомка Сталина на этой будет обозначать потомок Молотова – того самого Молотова, который, как я написал выше, после смерти Сталина предал и Сталина, и его дело. Выбрали, так сказать, местоблюстителя. Спасибо, что не Хрущева!

Часть II
О политике тогда и сегодня

Глава 8
Проклятая каста

Кто виновен в репрессиях 1937–1938 гг.

25 октября 1917 года в России свершилась революция. Победоносное восстание завершилось Вторым Съездом Советов. Кучка людей, находящаяся в Смольном – штабе революции, столкнулась с массой проблем: голод, саботаж, погромы. Своих госслужащих у них еще не было, а царский госаппарат всячески вредил новым хозяевам путем саботажа и др. Следовательно, первый и главный вопрос был кадровый. Крохотная кучка образованных людей находилась на самом верхнем этаже власти, а на нижних был самый настоящий кадровый голод. Вот что было: «…Саботирующие чиновники да едва умеющие читать обитатели городских окраин. Матросы, рабочие, прошедшие солдатскую школу, и большевики с дореволюционным партийным стажем ценились выше всего – они были хотя бы относительно грамотны, организованы и знали, что распоряжения надо выполнять. Их распределяли, как хлеб в голодный год – крохотными порциями в каждое ведомство, в расчете, что вокруг них возникнут некие островки порядка…» Для управления государством в тот момент единственным выходом из создавшегося положения было решено поставить госаппарат под контроль парторганизаций. После Гражданской войны корпус первых секретарей в 20-е годы представлял скопище малограмотных партократов. Например, секретарь Западно-Сибирского крайкома, хозяин колоссального края Роберт Эйхе имел образование в объеме двухклассного начального училища. Нарком внутренних дел секретарь ЦК партии Ежов писал в анкетах: «образование неполное низшее».

И таких руководителей в верхнем эшелоне власти было подавляющее большинство. Вели они себя соответственно. Про таких в народе говорят: «Из грязи – в князи».

Конституцией 1936 года Сталин задумал установить в Советском Союзе демократию, какой не было в ту пору ни в одной стране. Во-первых, предлагалось сделать выборы альтернативными, чтобы на одно место баллотировалось не менее двух кандидатов. Согласно основному закону Конституции предусматривалось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Устанавливались равные для всех граждан права, включая бывших «лишенцев» (к тому времени

кулакам разрешили вернуться из ссылок и лагерей). Гарантировались свободы слова, печати и митингов. Новая Конституция определяла порядок выборов депутатов всех уровней – прямое и тайное голосование. Она давала право выдвигать кандидатов объединениям трудовых коллективов, профсоюзам, кооперативам, молодежным и культурным обществам, чего прежде в России не было никогда. Избиратели получали также возможность отзывать своих депутатов.

Далее Сталин настаивал на расширении сети внутрипартийного политпросвещения. Каждый из партсекретарей должен был подобрать себе двух заместителей, способных взять руководство на себя, пока он не закончит обучение на 4-х месячных курсах. А еще больше число партийных руководителей – на 6-и месячных курсах.

Ответ партактива

Партийный актив сообразил, что его хотят лишить власти. Новая система голосования смела бы недостойных партийцев с занимаемых должностей. А недостойные составляли большинство. Номенклатура решила любой ценой сорвать намеченные на декабрь 1937 года выборы в Верховный Совет. Номенклатура использовала рассказы об угрозе завоеваниям революции со стороны реакционных сил. Они требовали предоставить им чрезвычайные полномочия для вынесения обвинительных приговоров, в том числе с применением высшей меры наказания. Под этим прикрытием они решили расправиться со своими конкурентами на будущих выборах.

Из-под слов секретарей о революционной бдительности острием ножа торчало требование: никакой политической конкуренции на уже занятых должностях, а выборы отложить на неопределенный срок. Сталин вынужден был отступить. Идти против такой оравы – все равно, что подсунуть себя под нож как пособник контры. До середины 1937 года карательные предложения поступили из всех районов СССР. Например, Р.И. Эйхе сообщал, что на первых порах ему надо репрессировать 17 тысяч человек, из них пять тысяч – по первой категории (расстрелять), а остальных – в лагеря (ГУЛаГ). Первый секретарь Московского горкома и обкома Н. Хрущев требовал репрессировать 41 тысячу человек, из них 8500 расстрелять. Первый секретарь Свердловского обкома просил его тройки вынести смертный приговор 4000 человек и т. д.

С большим трудом И.В. Сталину удалось остановить эти

беззакония. Были расстреляны палачи-организаторы репрессий. Н. Хрущев на XX съезде партии, подводя итоги «сталинского произвола», заявил: «установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на 17 съезде, было расстреляно и арестовано (в основном в 1937–1938 гг.) 98 человек, т. е. 70 %».

Другими словами, особо усердствовавшие секретари, принимавшие участие в массовых беззакониях, понесли за свои поступки суровое наказание. Но то, каким образом удалось Хрущеву избежать наказания, остается для меня тайной.

Необходимость репрессий перед войной

Количество репрессированных скрывают до сих пор. Служители режима, изощряясь друг перед другом, дают разные цифры. Исследователь и писатель Ю.И. Мухин считает, что эта цифра до одного миллиона человек, из которых 200 тысяч были расстреляны.

И, тем не менее, репрессии имели и положительные последствия. Они очистили, насколько это было возможно, от враждебных элементов, оставшихся после революции и гражданской войны, от врагов, собиравшихся при случае ударить в спину Красной Армии.

Напомню, силы, действующие внутри государства против своего народа, генерал Франко в Испании назвал «пятой колонной». С тех пор этот термин стал употребляться для определения предателей, которые прямо или косвенно действуют в интересах завоевателя. «Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году? – спрашивал Гитлер, имея в виду Первую мировую войну, и пояснял, – Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумели заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника – вот наше оружие… Армия останется без Генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути…». Именно с помощью «пятой колонны» Гитлер сумел завоевать за два года Европу: Данию – за 24 часа, Голландию – за 5 дней, остров Крит – за 11, Югославию – за 12, Бельгию – за 18, Грецию – за 21, Норвегию – за 23 дня, Польшу – за 27, Францию – за 39 дней.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года все западные наблюдатели предсказывали захват Гитлером Москвы через два, максимум через три месяца. Однако прошли и два, и три месяца, и даже больше, а Москва так и не была захвачена.

«Где же пятая колонна, которая творила чудеса в Европейских странах, спрашивали удивленные наблюдатели. Ответ мы находим в дневнике американского посла в СССР 1937–1938 года Джозефа У. Дэвиса. Вот что написал он 7 июля 1941 года: «… Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские органы действовали повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организацией Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грель)… Однако ничего подобного в России мы не видим. «Где же русские пособники Гитлера?» – спрашивают меня часто. «Их расстреляли», – отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило Советское правительство в годы чистки». (*Мухин Ю., Грофер Ф., Голенков А.* Оболганный Сталин. С. 209–210).

Почему Сталин хотел отстранить партию от власти

Верховенство партии в государстве было оправдано, пока не имелось своих надежных кадров. Но за 20–25 лет в условиях Советской власти выросло новое поколение управленцев. Как ни старался Сталин выдвигать честных и толковых людей на руководящие посты в государстве и партии, все равно проходимцы и дураки изо всех сил пытались пролезть в партаппарат, в особенности, госструктуры. Хорошо было мерзавцам: получали всевозможные блага, но ни за что не отвечали. К концу 30-х годов в партаппарате (в органах управления партией) сложилась угрожающая целостности государства ситуация: сообщество подлецов стало представлять собой нешуточную силу. Возникла проблема двоевластия в государстве. Для победы над партноменклатурой – «внутренней партией» с целью спасения страны и самой партии нужно было отстранить партаппарат от правления государством. Сделать это помешала война. Но уже с начала войны Сталин потихоньку стал отстранять партию от управления. Став Верховным Главнокомандующим и Председателем Совнаркома, он все меньше привлекал партструктуры к решению государственных и хозяйственных задач. Практически перестало собираться Политбюро. Теперь он общался с первыми лицами государства на заседаниях соответствующих структур. Не проводились и партийные съезды. Это можно списать на войну и послевоенное восстановление. Но ведь в Гражданскую-то, в не менее тяжелый период, съезды проводились постоянно. Победа во Второй

Мировой, соблазн взять то, что плохо лежит увеличило приток в партию откровенных мерзавцев. Воспрепятствовать этому казалось невозможным. В новых условиях послевоенного строительства Сталин считал, что партия должна заниматься исключительно идеологической работой, подготовкой коммунистов для государственной службы. Решение хозяйственных задач должно было быть предоставлено Совету Министров.

19-й съезд партии

Таким образом, было ясно, что партаппарат нужно отстранять от государственной власти и практически это уже осуществлялось. Но как объяснить народу и миру то, что ВКП(б) отстраняется от власти? За что? Партия потеряла в войну половину своих членов. Почему такое недоверие к партии? Но главное в этом вопросе – как это осуществить на деле? Операцию по отсечению партаппарата от управления государством нужно было провести без большого шума.

После 13-летнего перерыва осенью 1952 г. созывается 19 съезд ВКП(б) с целью изменения статуса партии и ее организационной структуры. Для партаппаратчиков, превратившихся в «вельмож», или как однажды выразился Сталин, в «проклятую касту», гром грянул на пленуме ЦК, состоявшемся сразу по завершении съезда. Точно известно, что Сталин выступал почти полтора часа. (На съезде его речь длилась чуть больше 10 мин.) И.В. Сталин предложил название «Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) изменить на «Коммунистическую Партию Советского Союза». Новое название намертво привязало партию к государству. Партия становилась как бы собственностью Советской власти. Дальнейшие изменения были уже радикальные. Первое – это ликвидация Политбюро. Управление страной полностью переходило в компетенцию Совета министров, который в свою очередь был подчинен Верховному Совету. Для руководства партией был создан «Президиум ЦК». Это означало, что теперь партия лишается органа, непосредственно руководившего всей страной, и отныне ей предстояло стать «кузницей» кадров или, как говорил Сталин, судя по воспоминаниям разных людей, партия должна была стать «орденом меченосцев».

Далее Сталин предложил ликвидировать в партии единоначалие. Должность генсека была упразднена, а вместо него избираются 10 секретарей ЦК. Причем, согласно новому Уставу

партии они не образуют никакого органа, и все секретари имеют равные полномочия. Сталин позаботился и о том, чтобы ЦК не вздумал создавать нового вождя, прославляя кого-нибудь из авторитетных государственных и партийных деятелей. Тогда бы вождь оказался бы опять в партии, а не у Советской Власти.

Наверно и эта опасность, в том числе заставила Сталина на Пленуме скомпрометировать, принизить, лишить ореола славы Молотова, Микояна и Ворошилова – своих ближайших соратников. Он тем самым предупредил их не играть в эти игры (смотри «Почему молчал Молотов»).

Состав Президиума был определен в 25 человек и 11 кандидатов в члены. Большинство из этих 25 человек являлись хозяйственниками, чьим непосредственным начальником был Председатель Совмина. Другими словами власть от партноменклатуры перешла к Советской Власти. Таким образом, Сталин, подчинив партию Советской власти, восстановил действие Конституции СССР в полном объеме. На 19 съезде ВКП(б) упразднение Политбюро было зафиксировано в новом уставе партии.

Проблемы «внутренней» партии

Единственным спасением для партноменклатуры – не потерять свои материальные выгоды, это оставить Сталина в управлении партией. Главное, чтобы Сталин был в ЦК и не важно что не генсеком, а одним из его 10 секретарей. Надо чтобы все знали: Сталин по-прежнему находится в руководстве партии. Партноменклатура по-прежнему сможет пользоваться Сталиным как щитом. Прекратить отчитываться перед ЦК было равносильно тому, что идти против людей вождя и самого Сталина. Его авторитет по-прежнему оказывал неоценимую услугу партноменклатуре. А теперь представим, что Сталин ушел из ЦК и остался председателем Совмина. Положение партаппаратчиков становится катастрофическим. Производственники отчитываются только перед своими прямыми руководителями-производственниками, а ЦК игнорируют. Следовательно, у ЦК исчезают рычаги давление, а значит, исчезает «кормушка» партаппарата. С уходом Сталина из ЦК исполнять команды ЦК стало бы опасным занятием. Допустим, министр по требованию секретаря ЦК снял директора завода и после этого завод стал работать хуже. Нужна ли министру головная боль, отвечая на вопросы следствия: за что сняли, кто приказал? Когда Сталин был в ЦК, то решение того или иного секретаря считалось

одобренным самим Сталиным. Теперь же в отсутствие Сталина производственник, получив команду из ЦК, еще много раз подумает, прежде чем ее исполнить.

Злодейское решение партаппарата

Главная опасность, которая поджидала «внутреннюю партию» – партноменклатуру, это прекращение ее воспроизводства. Для того, чтобы коммунисты избирали «нужных» людей во время выборов в регионах, туда приезжали товарищи из вышестоящих партийных органов. Как правило, решающее значение имело лишь сообщение этих товарищей о том, что данную кандидатуру поддерживает ЦК, а для людей ЦК был авторитетом лишь потому, что там был Сталин. ЦК утратил бы авторитет среди рядовых партийцев после ухода из него Сталина, а значит люди скорее всего отдали бы свои голоса за тех кандидатов, которых знали и уважали, а не за навязанных сверху. В этом случае в партии восстанавливался демократический централизм – внутрипартийная демократия.

Для партноменклатуры образ Сталина играл роль щита против беспощадной критики рядовых коммунистов. А такими коммунистами были и министры, и ученые, и руководители предприятий, т. е. люди, превосходящие партаппаратчиков по уровню своего образования и уму У номенклатуры оставался единственный выход из создавшегося положения – Сталин должен был умереть на посту секретаря ЦК, на посту вождя партии и всей страны. В случае такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически становился вождем, а сосредоточенные в руках ЦК СМИ постарались бы этот процесс за небольшой промежуток времени закрепить в сознании масс.

Задумка Сталина

К концу 40-х Сталин счел необходимым разобраться самому и объяснить будущим поколениям то, чем является СССР. Он инициировал широкую дискуссию с участием ученых, экономистов, философов, в которой принял участие и сам Сталин. Материалы его переписки с разными людьми легли в основу книги под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Я слышал, что материалы, приведенные в этой книге, были лишь частью того, что планировалось

опубликовать. Начальнику Управления ЦК, ответственному за учебник, Д. Шепилову Сталин сказал: «…Положение сейчас таково: либо мы подготовим наши кадры, наших людей, наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибнем. Так поставлен вопрос самой историей…»

В течение 10 дней после 19 съезда полностью сформировалась властная структура. Председательствовать на заседаниях ЦК КПСС должны были по очереди Маленков, Хрущев, Булганин, а на заседаниях Совета Министров Берия, Первухин, Сабуров. Таким образом, в государственной верхушке произошло разделение на «политиков» и «хозяйственников». Маленков оставался главным человеком в партии после Сталина.

Е.А. Прудникова в своей книге «1953 год. Смертельные игры» обратила внимание, что в период 1951–1953 гг. вождь стал собирать «малопонятные» совещания. На них кроме самого Сталина присутствовали еще 4 человека – Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. «…Уж очень неподходящим был у него персональный состав», – пишет она. Маленков – первый человек в госвласти, Хрущев – олицетворение партвласти, Булганин – представитель армии, министр обороны. Для полного сходства с ГКО 1941 года не хватает лишь объединения МВД и МГБ под руководством Берии». Следовательно, Сталин собирал руководителей властных структур, пронизывающих все государство, до руководителей отдельных заводов и колхозов. Прудникова ставит риторический вопрос: «Что готовил Сталин такое, что ему понадобилось собирать нечто вроде ГКО образца 1941 года?» Ответ прост – нечто чрезвычайное. А чрезвычайным могли быть две вещи: либо война, либо реформа. Войны в ближайшем будущем не предвиделось. «Значит – реформа», – утверждает Прудникова. Реформа, о которой мы никогда уже не узнаем.

Ответ партократии

Через полгода после XIX съезда в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года на дачу к Сталину приехали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Утром 1 марта охрана обнаружила на полу умирающего Сталина. 5 марта в 21 час 50 мин. он скончался. Уважаемый мной исследователь Юрий Игнатьевич Мухин в своих работах приводит убедительные доводы в пользу того, что Сталин был отравлен при непосредственном руководстве Хрущева. Также известно, что американцы в 1953 году знали о насильственной смерти Сталина.

Из избранного 19 партсъездом Президиума ЦК КПСС, в составе которого насчитывалось 36 членов, за считанные минуты до официальной констатации смерти И.В. Сталина были выведены 22 высших партийных руководителя. Были удалены почти все те, кого на съезде выдвинул Сталин. Те, кто остался, распределили между собой все ключевые должности в партии и государстве. Секретарем ЦК КПСС стал Н. Хрущев, Председателем Совета Министров СССР – Г. Маленков, первыми замами предсовмина – Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, Председателем Президиума Верховного Совета СССР – К.Е. Ворошилов. Иначе говоря, созданная И.В. Сталиным на 19 съезде КПСС система коллективного руководства, сочетавшего в себе старые и молодые партийные кадры, была разрушена. Но главным «достижением» убийц Сталина было то, что они власть в стране вернули партаппарату.

Хочу отметить, что со временем хрущевский партаппарат круто изменил направление своей деятельности. Если при Сталине он боролся за сохранение и приумножение своих привилегий, то начиная с М. Горбачева, партаппарат разрушал и партию и страну.

Убийство Л.П. Берии

Вопрос о переводе Берии на работу в объединенное министерство МВД и МЕБ был решен уже 5 марта 1953 года, то есть еще при живом Сталине на совместном заседании Пленума ЦК Совета министров и Президиума Верховного Совета. Бывший министр МГБ С. Игнатьев был переведен в ЦК на пост секретаря. А решение было принято потому, что в последний период своей жизни Иосиф Виссарионович был крайне озабочен злостным бардаком, бесконтрольностью и серьезными, грубейшими нарушениями социалистической законности в деятельности МГБ.

Плохо контролировал и проверял работу Министерства госбезопасности не кто иной, как лично Хрущев, ибо именно он тогда в ЦК курировал органы госбезопасности, которые едва став куратором Лубянки, буквально нашпиговал своими ставленниками. Всю эту камарилью Лаврентий Павлович практически немедленно выкинул из органов. Вот их поименный перечень: Епишев А.А. – заместитель министра госбезопасности СССР. Снят со своего поста 11 марта 1953 г. Рясной В.С. – заместитель министра госбезопасности СССР и одновременно начальник 2-го Главного управления (контрразведка). С мая 1952 г. фактически начальник личной охраны И.В. Сталина. Снят

со своего поста 11 марта 1953 г. Савченко И.Т. – заместитель министра госбезопасности СССР, с июня 1952 г. одновременно начальник главного управления специальной службы при ЦК ВКП(б) – КПСС. Снят со своего поста 14 марта 1953 года. Савченко С.Р. – заместитель министра госбезопасности СССР, начальник 1-го Главного управления (разведка). Снят со своего поста 17 марта 1953 г. Лялин С.Н. – заместитель министра госбезопасности СССР. Снят со своего поста 11 марта 1953 г. Мироненко П.Н. – заместитель министра госбезопасности ССР. Снят со своего поста 11 марта 1953 г. Никифоров А.В. – заместитель министра госбезопасности СССР. Снят со своего поста 11 марта 1953 г. Богданов Н.К. – заместитель министра внутренних дел СССР, начальник УМВД Москвы и Московской области. Снят со своего поста 16 марта 1953 г.

Все без исключения старинные «кореши» Хрущева, в основном по Украине. Именно они-то и организовали вместо министерства госбезопасности министерство фальсификации уголовных дел, пыток и истязаний, тщательно скрывая свои преступления от Сталина. (*Мартиросян А.Б.* Сто мифов о Берии. От славы до проклятия 1941–1953. М.: Вече, 2010. С. 271–274). Берия считал бывшего министра МГБ С. Игнатьева причастным к убийству Сталина, поскольку тот в то же время был и начальником управления по охране И. Сталина. Подбираясь к Игнатьеву, уже 13 марта Берия создает следственную группу по пересмотру дел, которые велись органами МГБ незаконными методами. В апреле Берия добивается вывода Игнатьева из ЦК с поста секретаря и назначает комиссию партконтроля для установления его личной ответственности в фальсификации таких дел как «Дело врачей», «Менгрельское дело» и др. На 26 июня было назначено расширенное заседание Президиума ЦК, на котором планировалось обсудить деятельность бывшего министра ГБ и его заместителя М. Рюмина, который был уже три месяца как арестован. На этом заседании Берия хотел арестовать Игнатьева и сообщил об этом Председателю Совмина Маленкову. Убийцам Сталина намерения Берии не сулили ничего хорошего, т. к. арест Игнатьева выявил бы не только исполнителя убийства Сталина, но и заказчиков, и поэтому было решено остановить Берию. Причем остановить немедленно. Поскольку арестован и заместитель Игнатьева Огольцов, которому подчинялась токсикологическая лаборатория МГБ. Именно на нее пало подозрение в причастности к отравлению вождя.

26 июня оперативная группа на двух БТРах, сбив железные ворота, ворвалась во двор особняка Берии на Садовом кольце. Вот слова сына Берии Серго в книге Рауля Чилагава «Сын Лаврентия

Берии рассказывает» о событиях того дня: «Часов в двенадцать ко мне подходит сотрудник из секретариата Ванникова и приглашает к телефону. Звонил дважды Герой Советского Союза Ахмет-Хан, испытывавший самолет с моим оборудованием. Он сообщил, что в особняке что-то происходит и слышны выстрелы. «…Ваш дом окружен войсками, а твой отец, по всей вероятности, убит!..» – кричал он в трубку. Район в самом деле был оцеплен войсками и нас (Серго сопровождал Ванников) не пропустили во двор, пока Ванников снова не позвонил Хрущеву. Наконец, после его разрешения, нас пропустили, что и подтверждало его причастность к происходящему…» Далее Серго рассказывает: «Стена со стороны комнаты моего отца была выщерблена пулями крупнокалиберных пулеметов, окна разбиты, двери выбиты. Пока я это все отчаянно рассматривал, ко мне подбежал один из охранников дома и говорит: «…Серго, только что из помещения вынесли кого-то на носилках, накрытого брезентом».

Вот так, средь бела дня, без суда и следствия был убит Л.П. Берия – вице-премьер и министр внутренних дел, второе лицо в государстве. Участники преступления Г. Жуков и К. Москаленко – организаторы погрома в особняке, будут рассказывать, что Берию они арестовали в Кремле на пленуме ЦК: «…А потом на ЗИСе, – уточняет Жуков, – положили сзади в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля… Это сделали для того, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто находится в машине. Вез его Москаленко…» На самом деле они, убив, труп завернули в брезент и не вывезли, а ввезли в Кремль для отчета о проделанной работе. После этого было сообщение, что Берия арестован за антипартийную и антигосударственную деятельность.

Арест, которого не было

Исследователь Ю.И. Мухин в книге «Убийство Сталина и Берии» тщательно проанализировал воспоминания об аресте Берии, которые оставили Г. Жуков, К. Москаленко и Д.Н. Суханов – помощник председателя Совмина. Ю. Мухин пишет: «…Все стараются доказать, что Берия был арестован, но каждый врет об этом по-своему. А было ли вообще заседание Президиума ЦК и Совмина, на котором якобы был арестован Берия, – спрашивает Ю. Мухин и сам отвечает. С давних времен заседания высших органов государства стенографируются и протоколируются. Если такое совместное заседание действительно имело место 26 июня 1953 года, то в архиве двух ведомств – ЦК КПСС и Совмина,

должны храниться протоколы этого заседания с решением об аресте Берии и о возбуждении против него дела. Но ни в одном архиве таких документов нет! Более того, решение «об организации следствия по делу о преступных антинародных и антигосударственных действиях Берии» принято на заседании Президиума ЦК только 29 июня. Через четыре дня после убийства».

Спектакль Кремля

Теперь после перепуга и торопливости в спокойной обстановке руководство начинает разыгрывать спектакль. Вначале «Берию» поместили в Московскую гарнизонную гауптвахту. Но утром 27 июня туда приехали оба заместителя Берии С.Н. Круглов (МВД) и И.А. Серов (МГБ) с целью повидать своего начальника. Однако Москаленко отказал им в свидании. Объяснение только одно – никакого Берии на гауптвахте не было. На следующий день отвозят «арестанта» в бункер при штабе Московского военного округа в подземное помещение. Но, чтоб его никто не видел, во двор загнали четыре танка. Три встали по углам двора, один перегородил арку. Поставили караул из офицеров охраны штаба МВО.

Заслуженный юрист России А. Сухомлинов в книге «Кто вы, Лаврентий Берия?» отметил любопытную «оплошность при регистрации «арестованного». Фотография в анфас вызывает серьезные подозрения, а фотография в профиль и вовсе отсутствует. Нет отпечатков пальцев. Словом, «Берия» сидел под стражей и писал покаянные письма в ЦК. СМИ сообщили советскому народу о состоявшемся суде. Причем суд был закрытым и «Берия» не проронил на нем ни слова.

27 июня в Большом театре шла премьера спектакля «Декабристы». «Во время антракта в особой комнате, – вспоминает Москаленко, – мне предложили сесть за стол и выпить рюмку вина за хорошую, успешную и, как сказал Маленков, чистую работу».

Генерал-полковник Москаленко, 10 лет сидевший в этом звании, немедленно получил звание генерала армии и должность командующего Московским военным округом. В 1955 он становится маршалом, а его помощник по убийству Берии генерал-майор Батицкий сходу получает звание генерал-полковника(!) и должность командующего ПВО данного округа.

Награду получил и Г.Жуков, сосланный Сталиным после войны командовать Одесским, а потом Уральским военными

округами; он получил должность первого заместителя Министра обороны. А 7 июля – через десять дней после убийства Берии, Игнатьев был восстановлен в ЦК КПСС.

Кто убил Берию

Писатель-исследователь Юрий Мухин в книге «Убийство Сталина и Берии» дает свою версию относительно убийц. «Во-первых, – пишет он, – невероятно, чтобы идея убийства созрела в умах 9-ти и более человек. Кто-то обязательно сообщил бы Берии и тот принял бы меры безопасности. Если было задумано, то задумано одним, максимум двумя членами Президиума ЦК. И эти члены руководствовались собственными мотивами. То есть те, кто организовал убийство Берии, скорее всего, спасали себе жизнь».

Ю. Мухин считает Хрущева главным заговорщиком. Авантюрная природа Хрущева могла подтолкнуть его на второе, после убийства Сталина, преступление. Вторым, кто мог бы знать о готовящейся расправе над Берией, Ю. Мухин считает Маленкова. Будучи типичным партаппратчиком, он вряд ли самостоятельно принял бы решение. Для исполнения убийства Хрущев выбрал близких людей среди военных, с которыми он имел непосредственный контакт во время своей работы на посту первого секретаря компартии Украины, во время войны, будучи членом военного совета фронта. Например, Москаленко стал Героем СССР на фронте, где членом военного совета был Хрущев. Серов был у Хрущева наркомом внутренних дел еще до войны, а в 1945 году помог Жукову грабить немецкие банки и хранилища музеев. После войны Жукова понизили в должности и отправили подальше от Москвы. Другими словами, Хрущев собрал благодарных генералов и одного обиженного. «Мотором же, – заключает Мухин, – в деле убийства Берии, безусловно, был Хрущев. Маленков у него, скорее всего, был на «подхвате» и не представлял того, что тот задумал.

Глава 9
Особое мнение о «Маршале Победы»

Заговор

В начале марта 1941 г. нарком обороны С.К. Тимошенко предложил Сталину подписать постановление о создании Ставки Главного Командования с «неограниченными» полномочиями в руководстве вопросами «внутренней и внешней политики, а также ведения вооруженной борьбы».

Что значит предоставить военной структуре такого уровня «неограниченные полномочия в руководстве вопросами «внутренней и внешней политики»? Ведь это как минимум сильно напоминает заявку на установление военной диктатуры. Потому как возглавить такую структуру, по логике предложения, должен был нарком обороны, то есть сам Тимошенко. А по тогдашним правилам нарком обороны в случае войны и становится главнокомандующим.

В недрах упомянутого предложения Тимошенко скрывался следующий «фокус». Дело в том, что по состоянию на начало марта 1941 года Сталин был всего лишь секретарем ЦК ВКП(б). По конституции 1936 года партия, а соответственно и ее вождь не имели никакого правового статуса в государстве. Следовательно, едва ли только структура была бы создана, то она убрала бы с политической арены самого Сталина и партию. Другими словами предложение Тимошенко представляло заявку на бескровный военный переворот.

Сразу отреагировать на заявку Тимошенко было нельзя. Если у военных были какие-то антигосударственные замыслы, то излишняя торопливость могла бы их вспугнуть. Через два месяца, а именно 6 мая 1941 года Сталин возглавил советское правительство. Положение военных заговорщиков резко осложнилось: по закону они попали в прямое подчинение главы государства – Сталина. Уже после начала войны, многоступенчатой реорганизации структуры управления Сталин сосредоточил в своих руках абсолютную власть, став в одном лице председателем Государственного Комитета Обороны, Верховным Главнокомандующим, наркомом обороны, главой правительства и генсеком ЦК ВКП(б). Все пять должностей в одних руках!

Эта реорганизация, казалось бы, сняла с повестки дня даже

намек на государственный переворот в стране. Однако в день нападения, 22 июня заговорщики были настроены на успех.

Возможно, Жуков по неосторожности, а скорее по недомыслию, в своих мемуарах выдал сам себя. Вот что он пишет о начале войны. «Под утро 22 июня нарком С.К. Тимошенко, Н.Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны. В 3 часа 07 минут по ВЧ мне позвонил Командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС (внешнее наблюдение, оповещение и связь) флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов. Флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Обращаю внимание – звонок по ВЧ (закодированная высокочастотная линия связи) раздается в кабинете наркома обороны СССР С.К. Тимошенко. Трубку берет не хозяин кабинета, как это принято, а один из его подчиненных – начальник Генерального штаба. Далее Жуков продолжает: «…Ваше решение? Решение одно, – отвечает Октябрьский, – встретить самолет огнем противовоздушной обороны флота». Другими словами Жуков вместо наркома обороны принимает доклад Командующего Черноморским флотом и сам принимает решение. Он прямо пишет: «Переговорив с С.К. Тимошенко, я ответил Ф.С. Октябрьскому: «Действуйте, и доложите своему наркому».

Выходит, что Ф.С. Октябрьский через голову звонит наркому обороны и только сейчас получает разрешение у Жукова позвонить своему непосредственному начальнику – Наркому ВМФ (военно-морской флот) адмиралу Н.Г. Кузнецову. Это второе и чрезвычайное нарушение субординации говорит о многом. Поневоле складывается ощущение, что в Наркомате обороны командует не Тимошенко, а Жуков. Да и по разговору видно, что Октябрьского нисколько не удивило, что трубку телефона взял Жуков и даже просит его дать дальнейшие указания.

Далее Жуков по поручению Тимошенко звонит Сталину. Его рассказ – сплошная ложь. Он пишет, что долго не мог дозвониться: «…Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец, слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны…» (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: АПН, 1974. С. 265).

Во-первых, никакого генерала у телефона в охране Сталина никогда не было. Жукову генерал потребовался поначалу для обывателя. Дескать, охрана диктатора комплектовалась исключительно из генералов. Был один генерал-лейтенант Власик Н.С. Он возглавлял охрану, а у телефона всегда дежурили и неотлучно находились подчиненные ему сотрудники охраны в звании от капитана до майора.

Во-вторых, «сонный генерал» понадобился и для другой цели. Дело в том, что Сталин обычно работал в кабинете долго, допоздна. Некоторые ответственные генералы и гражданские работники разъезжались по домам после того, как сам Сталин шел спать. Поэтому Жуков по телефону бросает провокационную реплику: «… Будите немедленно, немцы бомбят наши города, война началась…»

Но никакого генерала не было! А провокация состоялась: «Смотрите, Сталин проспал начало войны!» Прием, конечно, мерзкий.

Снова возникает вопрос: «Почему С.К. Тимошенко разрешает подчиненному ГК. Жукову доложить главе правительства о начале бомбардировок немецкой авиацией наших городов. Почему он этого не сделал сам как нарком?» Писатель В. Мещеряков в книге «Сталин и заговор военных 1941 г.» объясняет поведение Тимошенко. Начальник Генштаба Жуков является главным заговорщиком, и звонок его на дачу служил предлогом узнать, жив ли Сталин. Дело в том, что нападение Германии на СССР являлось для заговорщиков сигналом для государственного переворота. Сталин оказался жив. «Следовательно, – пишет Мещеряков, у них что-то «не срослось». (*Мещеряков В.П.* Сталин и заговор военных. 1941 год. М.: Алгоритм, 2010. С.34–36).

К 1941 году Гитлер по всей вероятности располагал фактами о готовящемся перевороте в СССР и естественно ожидал легко победы на примере тех, которые он одержал в Европе. Писатель У. Ширер в книге «Взлет и падение Третьего рейха» приводит слова сподвижника Гитлера генерала Клейста по этому поводу: «Надежды на победу в основном опирались на мнение, что вторжение вызовет политический переворот в России… Очень большие надежды возлагались на то, что Сталин будет свергнут собственным народом, если потерпит на фронте тяжелое поражение. Эту надежду лелеяли политические советники фюрера». (*Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М.: Воениздат, 1991. С. 244).

С началом войны все высшее военное руководство было формально направлено, а в действительности разогнано по фронтам – оказывать помощь на местах. Причем по разным фронтам. Это была профилактическая мера. Бескровно «обезглавлен» и разобщен тандем Тимошенко – Жуков. Тимошенко было поручено возглавить Западное направление. Он практически был оторван от властных рычагов управления и командования всеми вооруженными силами страны. А присматривать за ним поехал Л.З. Мехлис, который только 21 июня 1941 года был возвращен в РККА на пост начальника

ГлавПУРа (главное политическое управление армии).

На пост главы «мозга армии» вернулся маршал Б.М. Шапошников. До его прихода по приказу Сталина была проведена блиц-проверка ведения секретного делопроизводства и режима секретности в Генеральном штабе. Сам Жуков также был отправлен на фронт. А на вопрос Жукова, как же это Генштаб без него будет работать, Сталин кратко ответил, что как-нибудь обойдемся. 22 июня была произведена смена командующего Московского военного округа. Вместо генерала И.В. Тюленева, направленного командовать Южным фронтом, был назначен генерал А.А. Артемьев – генерал НКВД. Сменен был также и начальник штаба Московского военного округа. Даже начальника военной разведки генерала Голикова Сталин отправил с дипломатической миссией за рубеж.

В итоге, если бы Сталин до войны создал Ставку Верховного Главнокомандования с «неограниченными полномочиями во внутренней и внешней политике», как рекомендовал Тимошенко, то с началом войны ни его, ни ЦК, ни Советское правительство уже ничего не спасло бы.

Ложь маршала

Перед войной Г. К. Жуков занимал должность Начальника Генерального штаба. В книге «Воспоминания и размышления» он говорит, что о наступлении немецких войск Генштаб узнал 21 июня от перебежчика фельдфебеля. Только тогда Сталин якобы согласился на приведение войск приграничных округов в боевую готовность. Он пишет, что вечером 21 июня ему позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил о перебежчике. «Захватив с собой проект директивы войскам, – вспоминает Георгий Константинович, – вместе с наркомом обороны (С.К. Тимошенко. – *Е.Д.*) и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль». Секретарь Поскребышев зафиксировал их проход в 20 часов 50 минут. Получив «добро» от Сталина, Жуков пишет: «Не теряя времени, мы с Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома… С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее округам». (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 263). В Генштабе потребовалось время для шифровки директивы, для передачи в округа, где также ушло время на отправление ее в войска. В итоге войска получили приказ о приведении приграничных округов в боевую готовность слишком

поздно, а в Киевском военном округе за полчаса до начала артподготовки противника. По Жукову получается, что из-за недостатка времени войска не смогли подготовиться к отражению противника. По этой причине и произошла катастрофа в 1941 году, особенно в полосе ЗапОВО.

Но так ли все было на самом деле? Во-первых, Жуков «забыл», что он вместе с Тимошенко 18 июня за четыре дня до наступления немцев давали телеграмму в войска о приведении их в боеготовность. Во-вторых, расследование после войны генерал-полковником А.П. Покровским вскрыло не только ошибки, а целый заговор генералов. В него были вовлечены командующие фронтами, армиями и дивизиями. Многие генералы предстали перед судом. К допросу был привлечен и Георгий Константинович. О телеграмме 18 июня поговорим несколько позднее, а сейчас закончим с телеграммой от 21 июня, получившей название Директива № 1.

Ватутин Н.Ф. – начальник оперативного Управления Генштаба, якобы помогавший Жукову составлять проект директивы, оказывается, в Кремле не был и следовательно никуда не ездил. В журнале посещений фамилия Ватутин отсутствует. Жуков и Тимошенко присутствуют: «Вход – 21 час 50 минут. Выход – 22 часа 20 мин. Спрашивается, для чего понадобился Ватутин? Дело в том, что он погиб в 1944 году на Украине в должности командующего Первого Украинского фронта. И теперь на него можно будет свалить задержку отправки директивы. Ведь маршал А.М. Василевский в «Дело всей жизни» написал: «В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генштаба Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адрес командования Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. (*Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политическая литература, 1973. С. 121).

Получается, что Ватутин только «в первом часу ночи» появился в Генштабе. Возникает вопрос: «Где болтался он в течение почти полутора часов, ведь от Кремля до Генштаба на машине требуется максимально пять минут?» Но, как мы уже выяснили, Ватутин здесь не причем. Это Жуков сознательно задержал доставку директивы. А документ ведь надо было еще закодировать, набить на ленту передающего устройства, вызвать округа, убедиться, что связь устойчивая и адресат готов к приему послания и только затем начать передачу в округ. В результате у пограничных округов было украдено почти 2 часа времени, столь необходимого войскам. А Ватутин ему понадобился, дабы скрыть

свое преступление.

А теперь вернемся к «забытой» телеграмме. Мартиросян А.Б., писатель, историк, полковник внешней разведки КГБ, в двухтомном исследовании начала войны (22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна и 22 июня. Детальная анатомия предательства. М.: Вече, 2012.) раскрыл сложную обстановку перед войной. Приведенные им документы показывают, что немцы вели широкомасштабную дезинформационную компанию. Подбрасывались ложные служи о высадке в Англию или заключении с ней почетного мира. Сроки нападения на СССР назначались и переносились многократно. Только 10 июня 1941 года верховное командование Германии письменно указало 22 июня как дату нападения на СССР.

«Данные о намерениях немцев поступали по всем каналам нашей разведки, – пишет А. Мартиросян. – 15 июня по линии военной разведки поступили данные о том, что вермахт завершил стратегическое развертывание своих войск, 16 июня разведка получила данные о плане нападения Германии 22 июня. Сталин, учитывая эти и еще массу других тревожных данных, дает указание о срочном проведении 18 июня в течение светового дня воздушной разведки вдоль всей линии границы в полосе Западного особого военного округа». Разведку выполнял командир истребительной авиационной дивизии (ИАД) ЗапОВО майор Г.Н. Захаров.

Г.Н. Захаров рассказывает: «Протяженность маршрута составляла километров 400, а лететь предстояло с юга на север – до Белостока. Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43 над майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и вовсе не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые – судя по всему, штабные автомобили». Далее он описывает, что летали они более трех часов с посадками, где пограничникам он давал написанные на крыле донесения. Только к вечеру они доложили о результатах разведки. Командующий ВВС РККА генерал-лейтенант авиации П.Ф. Жигарев и заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант Б.З. Кобулов вечером того же дня о результатах разведки доложили в Кремле И.В. Сталину. (*Захаров Г.Н.* Повесть об истребителях. М., 1977. С. 43).

Одновременно нарком иностранных дел В.М.Молотов обратился в германское посольство с предложением срочно переговорить с Гитлером. На это предложение последовал отказ. В дневнике начальника генерального штаба сухопутных сил

Германии Ф. Гальдера есть запись: «Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером». После такой основательной проверки у Сталина не осталось никаких сомнений в том, что война вот-вот грянет, она уже на пороге.

18 июня поздно ночью начальник Генерального штаба Г. К. Жуков и нарком обороны С.К. Тимошенко отправили в войска телеграмму, которой командующие войсками Прибалтийского, Ленинградского Западного, Киевского и Одесского военных округов, а также Балтийский, Черноморский и Северный флоты были предупреждены о возможном нападении Германии в ближайшие дни без объявления войны. Телеграмма предписывала также необходимость приведения вверенных им войск в боевую готовность. Причем это указание должно быть доведено, в том числе, и до сведения командиров дивизий.

Далее. Вторая попытка направить Молотова со срочным визитом в Берлин имела место, очевидно, 20 июня. Очевидно, потому что запись на эту тему содержится в дневнике Геббельса. Она датирована 21 июня, о предложении советского правительства в ней говорится как о событии вчерашнего дня, то есть о событии, имевшем место 20 июня. Эта попытка также встретила отказ. (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна. М.: Вече, 2012. С. 597–600.)

Таким образом, Генштаб узнал о наступлении немцев не 21 июня, как уверяет нас Жуков, а раньше и не от перебежчика. За четыре дня до предполагаемого наступления была послана телеграмма – директива о приведении войск приграничных округов в боевую готовность, а директива от 21 июня являлась лишь дополнением к первой. Кстати, о перебежчике и очередном подлоге. Дело в том, что Жуков и Тимошенко вошли в кабинет Сталина в районе девяти часов вечера (20 часов 50 минут). По документам Украинского погранокруга, перебежчик был задержан в это же время (21 июня в 21 час). Только задержан! Более того, из-за отсутствия переводчика его допросили только после полуночи, то есть уже 22 июня. Им оказался ефрейтор Альфред Германович Дисков. (Сборник документов. Т. 11, книга – начало 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 38). Ай да Жуков! Ай да…

Однако вернемся еще раз к телеграмме от 18 июня. Ни в одном архиве МО ее не нашли. Она исчезла! Напомню, что «Воспоминания и размышления» были изданы во времена огульного поношения Сталина. Известно, какие погромы в архивах устраивали люди Н. Хрущева. И, тем не менее «похоронить» опасный документ не удалось. Писатель-исследователь Ю.И. Мухин уже в 1990 году обнаружил в

следственном деле по обвинению командования ЗапОВО в томе 4 на 70 странице зафиксированные показания начальника связи фронта генерала А.Т. Григорьева: «И после телеграммы начальника Генерального от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность». Находка (открытие) Ю.И. Мухина сходу опрокидывает телегу лжи о начальном периоде войны!!! Оказывается, все было не так, все было иначе.

Итак, не за несколько часов, как утверждает Жуков, а за целых три полных дня Сталин дал команду на приведение войск приграничных округов в боевую готовность. Однако почти все маршалы как один, в своих мемуарах приводят только директиву от 21 июня. Другими словами они вместе с Министром обороны обвиняют Сталина в катастрофе 1941 года. Выполнять столь подлую миссию – писать о войне в угоду авантюрного карьериста – задача не из легких. Но они справились. Правда, не совсем хорошо. Как бы маршалы ни старались в своих мемуарах, так или иначе, все равно присутствие телеграммы от 18 июня очевидно!

Так, например, Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своих мемуарах «Дело всей жизни» не рискнул открыто сказать об этой телеграмме. Тем не менее, говоря о мероприятиях правительства перед нападением Германии, все-таки написал: «19 июня в Одесском округе получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах». (*Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 121). «Забытая» телеграмма была послана глубокой ночью, и только утром 19 июня Одесский округ стал ее выполнять. Но Василевский почему-то не говорит, кто отдал приказ. Может быть тоже по забывчивости?

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов: «Мы решили больше не ждать указаний, начали действовать сами. Балтийский флот 19 июня был переведен на оперативную готовность № 2. Это в какой-то мере оберегало его от всяких неожиданностей. 20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ оставаться в готовности № 2. Большая часть матросов и командиров так и не вышла на берег». (*Кузнецов Н.Г.* Накануне. МО.: М.: Воениздат, 1969. С 352.) Здесь Н.Г. Кузнецову приходится просто врать, чтобы не подвести Министра обороны. В самом деле, выходит, что наш военный флот представлял «шарашкину контору», где каждый делает то, что захочет: «…мы решили больше не ждать указаний, и начали действовать сами». Военный флот самодеятельностью не занимается, тем более в угрожающий период.

Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев в книге «Об артиллерии, и немного о себе» также не говорит о директиве от 18 июня. Но он

дает тревожную суету именно 19 июня и поспешность, с которой он покидает свою часть: «…К 19 июня я уже закончил сдачу дел преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу, потому что штаб округа и его управление в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свертывали работу в Киеве». (*Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1984.) Почему штаб округа «спешно свертывал работу» именно 19 июня? Да потому что штаб получил директиву Жукова и Тимошенко от 18 июня.

Маршал РВСН К.С. Москаленко: «Будучи командиром 1-й артиллерийской противотанковой бригады в районе г. Луцк в то утро я выслал три разведывательно-рекогносцировочные группы к границе – в районы Любомля, Устилуга, Сокаля. Благодаря этому мы к 19 июня располагали сведениями о том, что вблизи Устилуга и Владимир-Волынского замечено оживленное движение по ту сторону Западного Буга. Стало также известно, что оттуда ведется усиленное наблюдение за нашей стороной, а немецкие саперы удаляют инженерные заграждения на границе. У меня не оставалось сомнений в том, что фашисты нападут на нас в один из ближайших дней». (*Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. М.: Наука, 1969. С. 23).

А вот в мемуарах маршала И.Х. Баграмяна «Так начиналась война» само название книги обязывало его дать телеграмму от 18 июня как главную о приведении войск приграничных округов в боеготовность. Но ее в книге нет! Зато подробно пишет о директиве 21 июня. Подстраиваясь под Жукова, Баграмян пишет, что на узел связи в Тернополе прием директивы начался в 00.25 минут. Но по книге Василевского директива в это время была лишь доставлена в оперативное управление! Далее, по словам Баграмяна: «Только в половине третьего ночи закончился прием этой очень важной, но к сожалению весьма пространной директивы». И здесь Баграмян врет поскольку «очень важная» директива умещалась на одном листе А-4. Далее он пишет: «После приема этой директивы до наступления фашистской армии осталось менее получаса». (*Баграмян И.Х.* Так начиналась война. МО.: М.: Воениздат, 1977. С. 91.)

Маршал Мерецков К.А. не был исключением и написал: «К концу дня 21 июня стала ясная неизбежность нападения фашистской Германии на СССР в следующие сутки… Только в 00 часов 30 минут 22 июня из Москвы была передана в округа директива о приведении войск в боевую готовность». (*Мерецков К.А.* На службе народу. М.: Политиздат, 1970. С. 207.)

«И ты Брут!» Ведь Мерецков обязан жизнью Верховному. На суде командования Западного фронта Павлов выдал Мерецкова.

Вместо расстрела, как участник военного заговора, Мерецков получает в сентябре (суд над Павловым происходил в июле. – *Е.Д.*) назначение представителя Ставки Верховного Главнокомандующего на Северо-Западный фронт. А теперь и он бросает в Сталина камень.

Впрочем, К.А. Мерецкова можно понять – не мог он «играть с огнем». Министром обороны стал тот, кого он предал (см. ниже: «Игра Верховного»). Теперь он мог ожидать возмездия. Но расправиться с Мерецковым даже при большом желании Жуков не мог – слишком велик был авторитет маршала после войны с Японией. А лезть на рожон, рассказывая как все было на самом деле, Мерецков не стал и согласился поддержать конъюнктурную брехню Жукова, как это сделали остальные полководцы, кроме маршала Конева. Дело в том, что Иван Степанович свои мемуары начинает с событий 1945 г. Как говорится «от греха подальше». (*Конев И.С.* Сорок пятый. МО.: М.: Воениздат, 1966).

Сокрытие получения приказа от 18 Июня свидетельствует о том, что наши военачальники стали соучастниками преступной Жуковской фальсификации. Интересно – они, «тузы», действительно верили в то, что жуковская ложь не будет разоблачена? Думаю, вряд ли. В таком случае, что их заставило, будучи в «зените» своей карьеры, послушно, подобно стаду, следовать указаниям афериста о том, что и как писать? Ведь вопрос ставился ребром – быть или не быть авторитету Верховного Главнокомандующего.

Ему приписали чудовищную нелепость. Будто он не предупредил вовремя армию о наступлении немцев и в результате войска были разгромлены в первые недели войны, особенно на Западном направлении. Полководцы способствовали Н. Хрущеву – шарлатану в политике, поносить вождя и раздувать пожар антисталинской истерии, что, как известно, привело в конце концов к разрушению великой державы.

Считаю, что предав Сталина, наши генералы расписались в отсутствии порядочности и офицерской чести. При снятии Жукова они еще раз подтвердили свою сущность – все отвернулись от него в тот же день.

Новое ведение войны

К марту 1940 года Главное разведывательное управление (ГРУ) подготовило «Отчет франко-немецкой войны (1939–1940)». Невероятный успех немецкой армии был обусловлен изменением способа ведения войны. Если во всех войнах, включая и Первую

Мировую, активная сторона сближала свою пехоту с обороняющимся противником до расстояния штыкового удара, до рукопашного боя, то немцы от этого решительно отказались. По новой немецкой тактике противник должен был уничтожаться только с расстояния. Соответственно оснащалась и армия: бронетанковая техника, тяжелая артиллерия, авиация. Прорыв обороны осуществлялся вначале ожесточенной бомбардировкой с воздуха, затем, а часто и одновременно, таким же губительным артобстрелом, главным образом тяжелой артиллерией. После выходили и вступали в бой массированные танковые соединения и моторизованная пехота.

Внедрить все эти новшества немцы смогли только потому, что за этими идеями стоял Гитлер. Он нацелил на эту работу талантливых капитанов Первой Мировой: Гудериана, Манштейна, Роммеля. Они, преодолевая сопротивление старых немецких генералов, изменили тактику боя, его принципы, философию. А в СССР вся тактика и оперативное искусство до самой войны были отданы на откуп генералам. Сам Сталин занимался хозяйственными и политическими вопросами. На документе ГРУ начальник Генштаба Жуков написал: «…*Мне это не нужно*!» Нарком Тимошенко во всеуслышание заявил: «В смысле стратегического опыта войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового».

В 1940 году начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым была разработана методика обороны страны и утверждена Правительством СССР 14 октября 1940 г. На западном направлении она строилась из предположения, что вторжение противника произойдет на Смоленско-Московском направлении, через Белоруссию. Борис Михайлович предлагал против основных сил противника выставить и наши главные силы. Глубокоэшелонированная и активная оборона должна была обеспечить время порядка двух недель для развертывания и подготовки главных сил РККА.

В декабре 1940 года Генштаб возглавил Г.К. Жуков. Принимается новая доктрина по обороне страны. Она как бы в противовес немецкого «блицкрига» (молниеносная война) получила название «встречно-лобовое контрнаступление». Суть жуковского «изобретения» состояла в том, что в случае перехода противником госграницы войска переходили в немедленное контрнаступление. По этой причине войска западных округов стали размещаться вблизи госграницы.

На Нюрнбергском процессе генерал-полковник, начальник штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер на вопрос следователя о характере сосредоточения советских войск сказал:

«…Я считаю что никакой военный специалист не сможет охарактеризовать это развертывание как оборонительное… Кроме того, характерно что именно в этих областях (Белостокской и Львовской. – *Е.Д.*) на западе располагалась масса Русских кавалерийских частей. Это можно объяснить характером использования «балконов» и только тем, что кавалерия должна была быть готова двинуться на запад. В случае обороны никто не будет располагать кавалерию в непосредственной близости от линии фронта. Характерно также и то, что моторизованные части также находились на этих выступах в непосредственной близости к линии фронта. В случае обороны моторизованные части следует держать гораздо дальше от линии фронта для того, чтобы использовать их в том месте, где возникает кризис…». (Козинкин О.Ю. Почему не расстреляли Жукова? В защиту маршала победы. М.: Яуза: Эксмо, 2013. С. 211–212).

Схема ожиданий германского удара по Тухачевскому

Схема ожиданий германского удара по Жукову-Тимошенко

Схема Германского удара по варианту «Барбароса»

Размещение подвижных войск вблизи границы – безусловно явный признак подготовки к наступательным действиям. Этот фактор был использован Геббельсом в своей истерии насчет угрозы Германии со стороны СССР. Только непонятны усилия современных «историков» типа Резуна-Суворова, которые, ссылаясь на факт скопления советских войск на границе, талдычат о том же – Сталин готовил превентивный удар по Германии.

Но видимо эти «историки» подзабыли, что, во-первых, Гитлер хорошо знал, что СССР не готов к войне. Сталину нужен был мир, поэтому он и заключил договор с Германией в 1939 году. Гитлер также был уверен в том, что если он опоздает еще хотя бы на год, то вряд ли решится начать войну в будущем из-за усиления СССР. Во-вторых, резуны должны ведь понимать, что не Сталин, а военные во главе с Жуковым готовили наступательные операции «встречно-лобового контрнаступления».

Для нападения на СССР Германия еще в декабре 1940 года

начала создавать три группировки. Именно в это время Жуков сел в кресло Начальника Генштаба. Ему-то в первую очередь было известно, что к апрелю-маю 1941 года Вермахт будет готов к нападению. Вот теперь и спрашивается, как можно было додуматься и тем более еще и разработать план встречно-лобового контрнаступления против уже отмобилизовавшегося, сосредоточившегося и развернувшегося врага. Сама идея проводить встречно-лобовое контрнаступление в создавшихся условиях была явно ошибочной, и ее ждал неминуемый провал. Провал, но только не для Жукова. Здесь нет никакого парадокса. На фоне неминуемого поражения Красной Армии в Москве должен был произойти антигосударственный переворот с целью свержения Советской власти и физического уничтожения высшего руководства СССР. В первую очередь должен был быть ликвидирован Сталин. Далее видимо следовало заключение мира с Германией. Но вряд ли Гитлер стал бы считаться с заговорщиками, поскольку цель своего похода на Восток он сформулирован довольно четко: сделать из России «Русскую пустыню».

Ослабление боеготовности ЗапОВО

Впервые на командный состав ЗапОВО обратил внимание писатель А.Б. Мартиросян.

Командующий округом – генерал армии Д.Г. Павлов – бывший унтер офицер царской армии, к тому же в Первую мировую войну три года сидел в немецком плену;

– Начальник штаба генерал-майор В.Е. Климовских – бывший офицер, командир батальона царской армии;

– Командарм-10 генерал-майор Д.К. Голубев – бывший прапорщик царской армии;

– Командарм-3 генерал-лейтенант В.Н. Кузнецов – бывший подпоручик царской армии;

– Командарм-4 генерал-майор А.А. Коробков – бывший подпоручик царской армии;

– Начальник артиллерии округа – генерал А.Н. Клич – бывший офицер царской армии.

(*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Детальная анатомия предательства. М., Вече, 2012. С. 311.)

На всех ключевых командных постах – сплошь бывшие офицеры царской армии. Причем подбором кадров занимались лично и Тимошенко и Жуков. Например, командующие 4-й и 10-й армиями были назначены уже при Жукове, весной – 6 апреля

1941 года (за два месяца до войны. – *Е.Д.*) Павлов был назначен на свою должность, едва Тимошенко стал наркомом обороны (в мае 1941 года. – *Е.Д*).

Не случайно руководство ЗапОВО было укомплектовано офицерами из бывшей царской армии. По всей вероятности их готовили к подставе. В случае неизбежной катастрофы фронта и неминуемого разбора «полетов», они должны стать «козлами отпущения».

В округе ЗапОВО буквально накануне немецкого наступления царила сугубо мирная обстановка. Как будто и не было приказа от 18 июня. Расхолаживание наблюдалось во всем: 21 июня (суббота) командующий округа Павлов разрешил увольнения командного состава и выезд к семьям; устраивались внеплановые смотры с оркестром; готовилась выставка военной техники для офицерского состава. Что интересно, выставка-учение была санкционирована наркомом обороны Тимошенко. Павлов приказал подготовить ее к утру 22 июня. Почему же Тимошенко не дал никаких указаний об отмене учений, напротив, 21 июня прислал своего представителя.

Командующие вели себя просто вызывающе – он дружно подались в театры.

Так, например, командующий 4-й армии генерал-майор А.А. Коробков 21-го в 20 часов отправился со своим заместителем Л.М. Сандаловым в Дом Красной Армии смотреть спектакль Белорусского театра оперетты. Член Военного Совета Шлыков с Рожковым отправились в Брест смотреть артистов московской эстрады. А командующий ЗапОВО Д.Г. Павлов в Минске расположился в ложе театра и наслаждался комедией «Свадьба в Малиновке». И даже когда к Павлову подошел начальник разведки округа А.Т. Григорьев и доложил об угрожающей возне на немецкой стороне, тот отмахнулся и продолжал смотреть спектакль до конца.

Поведение Павлова и его замов, скрытое веселье накануне наступления Германии я лично могу объяснить тем, что они были уверены в успехе переворота. Фронт, созданный ими, как трухлявый пень рассыплется от удара немецкой армии. Они давно ждали этого счастливого дня, поскольку в Москве к власти должны прийти их соучастники.

1. Построение войск ЗапОВО (после нападения Германии переименован в Западный фронт) было проведено согласно плану Жукова и Тимошенко. Геббельс в своем дневнике за неделю до нападения записал: «Русские… сосредоточивают свои войска именно так, как только того мы можем пожелать: концентрированно, а это – легкая добыча в виде военнопленных…

Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это – наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность… (*Козинкин О.Ю.* Мировой заговор против России. М.: АСТ, 2014. С. 361.)

Если линейная плотность частей и соединений противника вдоль границы была очень высокой, то у нас она представляла узкую линию. А плотность войск в одних местах имела скопление частей и соединений, в других – их полное отсутствие. Это способствовало противнику окружать наши войска, создавать «котлы». Сосредоточение нашей авиации на передовых аэродромах, расположение складов центрального значения, а также подвижных частей и соединений непосредственно в приграничной зоне говорило о подготовке «встречно-лобового контрнаступления». То есть практически реализовывалась негласная и незаконная подмена «глубокоэшелонированной и активной» обороны. Это была не оборона, а сознательное осуществление профанации обороны. Она создавала все условия для подставы своих войск под разгром, поражение и уничтожение.

Перед войной Жуков и Тимошенко взялись за реорганизацию бронетанковых войск, начали создавать 9 механизированных корпусов. Штаб ЗапОВО своей директивой откомандировал практически половину рядового и сержантского состава. В результате численность стрелковой дивизии сократилось на 50 % и составило вместо 14 тысяч человек по штату весны 1941 года всего 7–8 тысяч человек к началу войны.

За неделю до 22 июня штаб ЗапОВО издал приказ стрелковым дивизиям о сдаче боеприпасов на склад. Отдать такой приказ мог только командующий округом Павлов. За выполнением приказа следили строго. Пулеметные роты, входящие в СД, сдали не только возимый, но и носимый комплект, а красноармейцы остались с «караульной нормой» патронов – пара магазинов на винтовку. Вместо выдачи боеприпасов – их отбирание.

Одновременно пришло указание о сдаче топографических карт. Но командиры не могут действовать и планировать свои действия без топографических карт. Это их самый главный путеводитель. Другими словами указание о сдаче карт означает ослепление сухопутных частей. А история с тремя дивизиями, стоящими на главном направлении, 22-я танковая и две стрелковые дивизии 6 и 42-я, просто кричит о преступной подставе.

Дело в том, что в летний период они должны были находиться в летних лагерях. Тем более, что к апрелю лагерь был

полностью подготовлен к приему личного состава. Однако руководство ЗапОВО продолжало удерживать эти дивизии в городе-крепости Брест. Для их выхода из города по тревоге требовалось не менее шести часов. Неоднократные ходатайства командиров о выводе дивизий из города, по их мнению, смертельной ловушки, остались без ответа. 22 июня противник открыл ураганный огонь по спящим в казармах дивизий красноармейцам, по домам командного состава, и одновременно заградительный огонь по мосту в центральной части крепости для воспрещения маневра внутри крепости и выхода из нее. Только одиночным бойцам и командирам удалось выйти из крепости.

На занятиях наземных войск отрабатывались вопросы только двух задач. Первая – наступление СК (стрелкового корпуса) с преодолением речной преграды. Вторая – преодоление СК второй полосы обороны укрепрайона (УР). Что первая, что вторая задачи – все носят наступательный характер. Следовательно, ни о какой оборонительной операции в округе и не думали. Корпус упорно готовили к немедленному встречно-лобовому контрнаступлению.

Реформирование танковых бригад в механизированные корпуса (МК) было не только ошибочным, но и весьма опасным. По существу бронетанковые войска приводились в небоеспособное состояние. Ранее сложившиеся и обученные танковые бригады были расформированы и растворены в новых механизированных корпусах. Командиры этих корпусов могли научиться управлять ими и стать боеспособными соединениями только через несколько лет.

Более того, в войска Первого стратегического эшелона в армии, части и соединения непосредственного прикрытия направлялось абсолютно необученное молодое пополнение из числа узбеков, казахов, туркменов и прочих сынов степей и гор, даже не владеющих русским языком. Формально штаты соединений были укомплектованы. Но кем?

Они не знали, как обращаться с оружием, а уж с танком и подавно. Подобное пополнение имело место не только в ЗапОВО, но и в ПрибОВО, и в КОВО. Причем именно в частях прикрытия и передового базирования. Для чего это делалось. Ане для того ли, чтобы при первом же выстреле они разбежались бы и фронт был открыт как бы «естественным» образом. Что можно было списать на неустойчивость молодого пополнения.

За две недели до начала войны пришла совершенно секретная инструкция – распоряжение штаба ЗапОВО «Об изъятии боекомплекта из танков и хранении его на складах «НЗ» (неприкосновенный запас)». Боеприпасы предписывалось сложить в обитые железом ящики и сдать на склад. А для того чтобы

боеготовность «не снижалась» на каждом ящике надлежало написать номер машины. Экипажи танков не очень охотно выполняли распоряжение. Возможно поэтому на некоторых машинах оказались снаряды.

Жуков, непосредственно отвечающий за обеспечение округа горюче-смазочным материалом (ГСМ) создал базу в городе Майкоп на Северном Кавказе. Удаленность базы от округа составляла порядка 1000 километров. Склады округа с ГСМ находились в 50–60 километрах от государственной границы. В первую же неделю войны они были захвачены противником, либо уничтожены немецкой авиацией, либо взорваны нашими отступающими войсками. В результате округ испытывал острую нехватку ГСМ. Но это можно понять после начала боевых действий. Почему их не было в нужном количестве в частях? Ведь приведение войск в боевую готовность согласно директивы от 18 июня однозначно подразумевало обеспечение мобильных частей необходимым количеством ГСМ. Ответ напрашивается только один – это умышленный саботаж. Бронетанковые подразделения были либо полностью обездвижены, либо в лучшем случае обеспечены топливом на одну заправку. Из-за отсутствия горючего потеря танков без боя в округе составила 76–84 %! (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Детальная анатомия предательства. М.: Вече, 2012. С. 387.)

Под разными предлогами Жуков и Тимошенко делали все, чтобы оставить войска без артиллерии. В своих «Воспоминаниях» Жуков запускает «дурочку». Он пишет: «…Дело в том, что дивизионная корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний. В результате некоторые корпуса и дивизии войск прикрытия при нападении фашистской Германии оказались без значительной части своей артиллерии…». (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 261.) Да, действительно, на лето Генеральный штаб утвердил учебный план стрельб округов на полигонах, и Тимошенко и Жуков здесь не причем. Но почему в угрожающий период, да еще после директив НКО и ГШ от 18 июня артиллерия оставалась на полигонах? Здесь Тимошенко и Жуков как раз таки «при том». Павлов почти всю артиллерию отправил на полигон 15 июня за несколько сот километров. (*Козинкин О.Ю.* Сталин. Кто предал вождя накануне войны. М.: АСТ. С. 301.)

Оставшуюся часть приводили в негодное состояние. Так, в 235-м гаубичном артполку 75-й стрелковой дивизии 4-й армии 19

июня были сняты все оптические приборы и увезены в Минск. То есть полк остался без панорам, буссолей, теодолитов и даже без стереотруб. Полк, следовательно, был полностью ослеплен в момент, когда уже была известна дата нападения. Ктому же, в одной из батарей этого полка была изъята половина орудий для ремонта, а часть личного состава, владевшего сложной техникой (бойцы и сержанты, имевшие образование 8 – 10 классов), была отправлена на учебу в училище… (*Егоров Д.* Июнь 41 г. Разгром Западного фронта. М., 2008. С. 42). Эта система мер по подставе войск под неминуемо неизбежный разгром имела место во всех округах.

Настоящую профанацию противотанковой обороны Павлов устроил в виде 3–4 стволов на 1 километр фронта. Он что, не знал или не был ознакомлен с выводами ГРУ о франко-немецкой войне? Там отмечалось, что главной ударной силой немецкой армии является массированное применение танков. На Брестском, самом танкоопасном направлении, он не поставил ни одной артиллерийско-противотанковой бригады (ПТАБ). Хотя в ЗапОВО их было три. Противотанковая артиллерия и танки имели в своих боекомплектах ничтожное количество бронебойных снарядов, хотя затребованы они были еще в мае, а склады от войсковых частей находились на расстоянии 100 километров. (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Детальная анатомия предательства. С. 350.) Наконец, приказано было сдать конский состав в обмен на новый. Однако новых средств тяги – тракторов или машин – не прислали, из-за чего вся матчасть гаубичного полка была потеряна.

20 июня телеграммой командующего ВВС округа объявлен приказ о приведении частей в полную боевую готовность. Отпуска командному составу запретить. Находящихся в отпуске отозвать. Но уже на следующий день в субботу пришла шифровка из штаба ЗапОВО. В ней говорилось, что приказ от 20 июня отменить. (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Детальная анатомия предательства. С. 367.) Летчики, штурманы и техники 21 июня покинули свои части и уехали кто к своим семьям, кто на рыбалку, кто на пляж. Впервые за три последних месяца они получили увольнения.

В то же время командующий округом Павлов и командующий ВВС округа Копец прибыли на приграничный аэродром (17 километров от государственной границы) в 122-й истребительно-авиационный полк (пап) 11-й смешанной авиационной дивизии (САД). Им доложили что у немцев резко возросло число боевых самолетов. Копец лично слетал на разведку и убедился в этом. После убытия командования в этом иап получили приказ – вооружение с самолетов снять, оружие и ящики с боеприпасами

хранить отдельно. Готовились якобы к парадному смотру. Младший лейтенант Долгушин С.Ф. встретил войну непосредственно на этом аэродроме и был свидетелем визита начальства. «В субботу 21 июня мы отлетали, – пишет Долгушин, – примерно в 18 часов. Часов в 19 нас разоружили – поступила команда «снять с самолетов оружие и боеприпасы и разместить их в каптерках», дощатых и фанерных сарайчиках за хвостами самолетов…. И мы спросили: «Почему сняли оружие?! Кто такой идиотский приказ издал?!» А командир полка разъяснил командирам эскадрилий: «Приказ командующего»… Оружие сняли, а в 2.30 раздается сигнал – тревога. Истребители без боекомплекта и без оружия! И в момент налета немецкой авиации вместо «сокращенных» оружейников занимались установкой пушек и пулеметов на истребители». (Мир авиации. Журнал. 1992 г., № 1, с. 26).

И поскольку подобное разоружение имело место и в других авиаполках, не только в 11-й САД, то это ли не подстава ВВС округа под неминуемый разгром авиаполков передового базирования. Это ли не подстава наземных войск под неминуемый разгром путем лишения их прикрытия с воздуха. Большая часть авиации округа фактически умышлено была сосредоточена на малом количестве аэродромов, прежде всего в приграничной зоне, которые были предназначены на случай нашего наступления. То есть в зоне непосредственной досягаемости как артиллерией, так и авиацией противника.

А ведь самолеты не только разоружались. Есть сведения и о том, что одновременно имел место также приказ о слитии бензина из баков самолетов, якобы для просушки. Отсутствие бензина в баках самолетов передового базирования явление умышленное. Но была и другая причина – его не давали летчикам, хотя в округе авиационного бензина перед нападением было достаточно. Иногда в баках обнаруживалась вода.

Проблема рассредоточения и маскировки авиации в западных приграничных округах существовала до начала войны и всегда была острой. Но вплоть до нападения Германии она так и не была решена, несмотря на то, что директив НКО и ГШ по этому вопросу было хоть отбавляй. На аэродромах самолеты находились без должной маскировки, а то и вовсе без нее. 19 июня любопытную телеграмму о маскировке прислал нарком обороны Тимошенко. Дело в том, что срок исполнения он указал с 1 по 5 июля. (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Блицкриг. Предательство от истоков до кануна. М.: Вече. 2012. С. 326.) Он назначил сроки исполнения на июль месяц, хотя в ближайшие дни ожидал нападения противника. Что это, недомыслие наркома обороны или

сознательное вредительство в форме расхолаживания людей и срыв маскировочных работ?

Короче говоря, расположение аэродромов в приграничной зоне, отсутствие бензина и должной маскировки самолетов и, наконец, преступного приказа, отданного командующими округа и ВВС округа генералами Павловым и Копец о снятии вооружения с самолетов, авиация ЗапОВО в первый же день войны понесла катастрофические потери. Она была уничтожена на земле. Господство в воздухе немецкой авиации было абсолютным. Теперь стало понятно, почему впервые минуты агрессии летчикам, которым удалось взлететь, пришлось идти на таран. Всего в первые часы войны летчики совершили 9 таранов.

Еще одной из причин поражения Красной Армии на советско-германском фронте в 1941 году по части ВВС является ее неудачная организационная структура. У нас вся авиация входила (подчинялась) в состав сухопутных войск – фронтов и армий. Другими словами, в каждой армии была своя авиация. Задачи летчикам ставили общевойсковые командиры. Но реально бои по всему фронту не велись. Где-то на одном из участков фронта нами или противником проводилась операция, а на остальных участках было затишье. В операции с нашей стороны могла быть использована авиация, входящая в армии, соприкасающиеся с противником.

У немцев авиация и ПВО (зенитная артиллерия входила в состав ВВС) представляли собой отдельные войска, не подчинявшиеся командованию сухопутной армии. В случае проведения операции они снимали авиацию со всех спокойных участков, и тем самым добивались численного перевеса на нужном участке. Со дня расстрела Тухачевского до дня начала войны прошло четыре года. Технику, очевидно, заменить уже было невозможно, но можно было реорганизовать авиацию.

Война в Европе и обобщенный документ ГРУ «Отчет франко-германской войны» должен был подсказать Жукову, в том числе и то, как в новых условиях надо применять авиацию. Но начальник Генштаба то ли по своей недалекости, то ли с умыслом, что, скорее всего, заявил: «…Мне это не нужно!» Уже в ходе войны мы объединили армейскую авиацию в воздушные армии (ВА), подчинив их командующим фронтами. В 1942 году была сформирована Авиация дальнего действия (АДД) и подчинялась она только Верховному Главнокомандующему – И.В. Сталину.

Работая «с умом», Жуков провел филигранную операцию по подготовке армии к поражению. Писатель-исследователь Ю.И. Мухин в своей газете «Дуэль» писал: «У огромного дорогостоящего автомобиля можно выбить из рулевого

механизма копеечную шпонку, и он перестанет управляться…» (Война и мы. Книга 1. Человеческий фактор. М., 2000. С. 124). Так и в РККА все предвоенные годы из огромной военной машины выбивалась «шпонка», без которой эта машина в бою не управлялась. Эта «шпонка» – радиосвязь. Перед войной вопрос радиосвязи в РККА по каким-то причинам вообще не обсуждался. В лучшей командной академии имени Фрунзе на изучение радиоаппаратуры не отводилось ни единого учебного часа. Даже на совещании высшего командного состава РККА в 1940 году этот вопрос не рассматривался. Сам начальник управления ВВС армии генерал-полковник П.В. Рычагов на этом совещании не поставил задач авиации при поддержке войск, корректировке огня артиллерии. С целью взаимодействия ВВС с наземными войсками он предложил расположение пехоты, танков и кавалерии обозначать полотнищами и цветным дымом, «чтобы облегчить работу авиации» (по опыту Первой мировой).

Удивляет, что подобные предложения исходили после блестяще проведенных операций Германией в Европе. О радиосвязи промолчали также представители других родов войск.

Только самовольное выступление генерал-майора Т.Т. Хрюкина уже в конце совещания заставило «тузов» с лампасами задуматься о наиглавнейшей проблеме РККА – радиосвязи. Остановившись на опыте немецкого командования, Хрюкин сказал, что без радиосвязи в воздухе и на земле никакого взаимодействия ВВС с наземными войсками не может быть. «Связь необходима, а как таковая она у нас даже по штату отсутствует», – сказал он. Он также прямо и смело сказал, что те, кому этим полагается заниматься – этим не занимаются.

Интересно, как зал среагировал на столь резкое заявление Хрюкина? А никак! С заключительным словом выступил П.В.Рычагов. Он вспомнил всех выступающих, а о Т.Т. Хрюкине не сказал ни слова, будто тот и не выступал. Зато его убирают из Москвы, сняв с должности зам. инспектора ВВС РККА, и возвращают в прежнюю должность командующего ВВС 12-й армии.

Выходит, что радиосвязь в РККА была запретной темой, и как следствие этого по старинке продолжали стелить полотна и пускать дым. А наверх доносили, что радиосвязь есть! Вот, например, в стрелковой дивизии по штату предусматривалось целых 22 радиостанции. Ау немцев к 22 июня 1941 года только в батальонах число радиостанций было не менее 70 штук! По штату-то 22, а сколько на самом деле было? А умели ли бойцы ими пользоваться? А были ли разработаны шифры и коды, а также прочие необходимые атрибуты связи?

У немцев в дивизии была автоматическая шифровальная машина «Энигма». Они оригинально и надежно кодировали свои сообщения. Наше кодирование состояло из слов: солдат – это карандаш, снаряд – огурец. Кодированное сообщение Русских вроде: «Осталось 30 карандашей, огурцы на исходе» вызывало у немцев хохот. Интересно, кто являлся автором такого «кода» и на кого он был рассчитан?

Другими словами, разница в уровне развития связи у нас и у немцев была огромной, как между небом и землей. Тем не менее, Жуков как глава Генштаба (а Генштаб отвечал за связь в армии) за полгода до начала войны в докладе о состоянии боевой подготовки войск даже не упомянул связь и меры по ее улучшению. Случайно ли это? Вряд ли. По всей видимости в РККА были люди, упорно проводящие линию, направленную на поражение в предстоящей войне.

Итоги предательства

Главный удар немцы нанесли по Западному фронту. Немецкий генерал Блюментритт, командующий войсками, наступающими против 4-й армии, был удивлен, что после артподготовки русская артиллерия молчала. Генерал пишет, что это молчание им показалось чудом.

Оборона рухнула за четыре с половиной дня. В центре германо-советского фронта противник двумя последовавшими друг за другом операциями окружил войска Западного фронта сначала под Минском, а затем под Смоленском. В образовавшуюся 400-километровую брешь ринулись танки Гудериана и Гота. Дорога на Москву была открыта. Судьба страны повисла на волоске. Ход войны стал развиваться по трагическому сценарию.

По плану «Барбаросса» немцы должны были окружить наши войска и на флангах: на севере они должны были окружить войска Северо-Западного фронта, прижав их к Балтийскому морю в Эстонии, а на юге – окружить войска Юго-Западного фронта в районе Львова. Но, ни на севере, где Северо-Западным фронтом командовал маршал Ворошилов, ни на юге, где Юго-Западным направлением командовал маршал Буденный, у немцев никаких окружений не получилось. Следовательно, был сорван план молниеносной войны (блицкриг). Это явилось главным достижением Красной Армии в 1941 году.

В 1941 году Красная Армия потеряла убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести почти 3 миллиона 200 тысяч

человек. Большая часть их крови лежит на совести подонков генералов-заговорщиков. Вот и спросим себя, стоит ли сожалеть о репрессиях 1937 года, которые были проведены недостаточно полно, и часть тварей пролезли на генеральские должности. Что касается материальных потерь, то Западный фронт лишился почти всего имущества. 400-метровую пустоту в обороне еле-еле, с большими усилиями удалось заполнить только в октябре.

Павлов был арестован 4 июля в 200 километрах восточнее Минска. К этому времени рухнул Западный фронт, а Минск был сдан еще 29 июня. В начале допроса Павлов отрицал предъявленные ему обвинения и откровенно валял дурака. Проявил, дескать, халатность, бездеятельность и слишком доверял своим подчиненным, забывая проверить то, как они выполнили его указания и т. д. «Я знал, – отвечал следователю Павлов, – что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке и мне было приказано быть спокойным и не паниковать». А заканчивает он свой рассказ важным сообщением: «Фамилию того, кто мне это говорил, назвать не могу». (*Козинкин О.Ю.* Кто проспал начало войны. М.: АСТ: Астрель: Полиграф, 2011. С. 244).

Интересно, чью фамилию не мог назвать Павлов? Еще в первом протоколе допроса от 7 июля Павлов прямо называет фамилию «успокаивающего» – маршала Тимошенко. Павлов явно подставляет наркома, дает намек, что в поведении наркома прослеживается как минимум нечто странное. На самом деле Тимошенко в час ночи не сообщил по спецсвязи командующему округа важнейшую информацию о том, что в округа уже пошла та самая «Директива № 1». А в телефонном разговоре предлагает лишь утром собрать штаб округа «на всякий случай, может что-нибудь случится неприятное». На предварительном следствии Павлова допрашивали в течение 15 дней. Скажу только о главном признании. Председательствующий: «Свои показания от 21 июля 1941 года Вы заканчиваете так: «Будучи озлоблен тем обстоятельством, что многие, ранее мне близкие командиры Красной Армии были арестованы и осуждены, я избрал самый верный способ мести – организацию поражения Красной Армии в войне с Германией… Я частично успел сделать то, что в свое время не удалось Тухачевскому и Уборевичу, то есть открыть фронт немцам» (л.д. том 1). Подсудимый: «Все это записано неверно. Это мои вынужденные показания». (*Мартиросян А.Б.* 22 июня. Детальная анатомия предательства. С. 347).

Судили Павлова и его заместителей, видимо по указанию Сталина, не сильно нажимая на «заговор». Следователи получили установку: в случае, если не будет прямого признания в военном

заговоре и измене, акцент на предвоенных действиях Павлова и остальных не делать. 21 июля 1941 года суд вынес приговор не по статье, предусматривающей наказание за попытку военного заговора или «измену Родине», а по статье «за халатность». Вместо 58 статьи УК их сурово наказали по статье 193 п. 17«б» УК РСФСР. (*Мартиросян А.Б.* Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941–1953 г. М.: Вече. С. 22).

Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Павлова и его замов к высшей мере наказания – расстрел с конфискацией имущества.

Переквалифицировав преступления на другие статьи УК, Сталин дал понять генералитету, что устраивать глобальные силовые разборки наподобие 1937 года он не намерен. Но доверие Сталина к генералитету было потеряно и, опасаясь худшего развития событий, он резко усилил над ними негласный контроль силами «особых отделов». В их документах сосредоточена крайне неприятная правда о действиях командования всех уровней, та самая правда, которую генералитет скрывает до сих пор.

А теперь о переквалифицировании статей УК. Даже при аресте и предании суду военного трибунала Павлова и его подельников, в Постановлении Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1941 года нет упоминания об антисоветском заговоре. Сталин не хотел судить Павлова в ракурсе имевшей все серьезные основания версии о заговоре. Он в первую очередь опасался за армию. (О причинах смотри ниже «Позиция Сталина»).

Игра Верховного Главнокомандующего

На суде Д.Г. Павлов заявил, что план снабжения Красной Армии на время войны является пораженческим. Составлял план в 1940 году начальник Генштаба К.А. Мерецков. Это была удача следствия – вредитель во главе Генштаба! Председатель суда Ульрих обращается к подсудимому Павлову:

Ульрих. На предварительном следствии (лд 88, том 1) Вы дали такие показания: «Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генштабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10.

Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже… Этим планом

Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей». Эти показания Вы подтверждаете?

Павлов. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства».

Далее Павлов признался: «… что в феврале 1937 года бывшим старшим советником в Испании Мерецковым Кириллом Афанасьевичем я был вовлечен в военно-заговорщическую организацию и в дальнейшем проводил вражескую работу… В 1937 году в Испании я был посвящен Мерецковым в существование в Красной Армии заговора и привлечен к вражеской работе». (*Козинкин О.Ю.* Кто проспал начало войны. С. 230, 248).

На удивление И.В. Сталин никак не среагировал на наличие подобной информации о Мерецкове. Мерецкова даже не арестовали. Тот продолжал служить и продвигаться по служебной лестнице. В 1944 году Мерецкову присвоили воинское звание маршала. Более того, Сталин ему доверил в войне с Японией в 1945 году командовать 1-м Дальневосточным фронтом, стоящим на главном направлении. Понять поступок Верховного можно исходя из создавшейся обстановки. Вполне вероятно предположить, что Мерецков на допросе «раскололся» и все, как на духу, выложил Сталину. Но одно дело узнать имена участников и другое доказать предательство.

Трогать главных заговорщиков не позволяла обстановка – только что началась война. К тому же не было никаких улик, поскольку те работали с умом. Тем не менее, признания Мерецкова позволили Сталину взять ситуацию в свои руки. Он не стал трогать Мерецкова. Тем самым дал понять начальнику Генштаба, что его преступные планы не являются для Сталина секретом. Жуков понял, что проиграл. Если Сталин докопается до фактов (и на старуху бывает проруха), то его, как и Павлова, поставят к стенке. Следовательно, расстрел, как домоклов меч, висел над Георгием Константиновичем всю войну, а точнее до убийства Сталина.

Почуяли неладное и другие генералы. Одни затаились, другие стали искать спасение у врага в плену. Но оказывается не так-то просто генералу сдаться в плен. Чего, например, стоили мытарства командующему Юго-Западным фронтом, Герою Советского Союза, генерал-полковнику М.А. Кирпоносу. К сентябрю 1941 года фронт практически рухнул. Но его структура, его армии, дивизии и их штабы еще существовали и продолжали

бороться. А 15 сентября часть войск фронта и штаб ЮЗФ, находящийся восточнее Киева, попали в окружение.

Вместо того чтобы с боями прорываться к своим Кирпонос принял решение о переносе своего командного пункта (КП) обратно в Киев. Перенос в крайнюю западную точку окруженной группировки. А если сказать точнее – подальше от наших войск, где оказаться в плену было наиболее вероятно. Расследование показало, что в ходе перемещения штаба Кирпонос блудил по дорогам с целью прохода по населенным пунктам, занятым противником. Но Кирпоносу не повезло, он так и не попал в плен. По официальной версии он был убит осколком немецкой мины. (*Мухин Ю.И.* Генеральская мафия – от Кутузова до Жукова. М.: Яуза-Пресс, 2012. С. 323–332).

Больше повезло другому генерал-лейтенанту М.В. Лукину. Этот генерал, попав в окружение в конце 1941 года под Вязьмой, сдался, как говорится, сходу. Пользуясь своей властью, он распустил четыре армии, запретил вести сопротивление, попытки выхода из окружения, а из числа красноармейцев формировал специальный корпус для борьбы с партизанами. По иронии судьбы после войны ему снова крупно повезло: кто-то так глубоко задвинул в архивы свидетельства его «подвигов» в плену, что в то время они «не выплыли». Об этом стало известно значительно позже. Его восстановили в армии и вернули генеральское звание, награды и почести. А президент Б.Н. Ельцин наградил М.Ф. Лукина Звездой Герой Российской Федерации! (*Мартиросян А.Б.* Блицкриг предательства. От истоков до кануна. М.: Вече, 2012. С. 83–84).

Иная история произошла с генерал-лейтенантом А.А. Власовым. Его выдвигали Тимошенко, Жуков и Хрущев. Особенно активно «пиарил» Власова Тимошенко, тянул наверх, делал из него «лучшего командира РККА» и «всесоюзной звездой». (Газета «Красная звезда», 22–28 августа 2007 г.).

Вначале все шло по лукиновской тропе, но только другой оказался ее конец – в Москве в 1946 г. Власова повесили. Перешел Власов к немцам под Ленинградом в мае 1942 года. К 1944 году он сформировал из пленных красноармейцев «Русскую освободительную армию» (РОА). Она принимала участие в боях против советских войск. Армия насчитывала около 50 тысяч человек и была на полном обеспечении вермахта (вооружение, боеприпасы, обмундирование, довольствие, денежное содержание). В конце войны, чтобы избежать советского плена, Власов двинулся на Запад сдаваться американским войскам.

В Чехословакии уже в американской зоне командир батальона автоматчиков 162 танковой бригады капитан М.И.

Якушов догнал и остановил подозрительную колонну легковых автомашин. В одной из них под грудой одеял он обнаружил человека в очках, в немецкой форме, но без погон. Это был командующий РОА, бывший генерал-лейтенант советской армии Власов. Капитан М.И. Якушов был награжден полководческим орденом Суворова II степени. Такие же ордена получили командиры танковой бригады, корпуса и начальник контрразведки «Смерш». (Газета «Аргументы и Факты» № 19, 1996 г.). Сейчас раздаются голоса, призывающие реабилитировать Власова А.А., поскольку он боролся со сталинизмом. Если президент Б. Ельцин предателя Лукина делает Героем Российской Федерации, то почему бы и не реабилитировать еще одну сволочь, так сказать, за компанию, в духе времени антисталинизма.

Жуков и Тухачевский

План свержения правительства Жуков заимствовал у Тухачевского – путем поражения своей армии от немецкого вторжения в сочетании с переворотом в Москве. Реальность достижения власти он связывал с успехами Гитлера в Европе. Трагический исход заговора Тухачевского многому научил Жукова. Подготовка переворота велась с чрезвычайной осторожностью. Сталин о надвигающемся перевороте мог только догадываться. Приказы по армии были абсолютно «стерильные» – не подкопаешься, а устные распоряжения к делу не пришьешь, да и язык он старался «держать за зубами».

У Тухачевского заимствовал Жуков и место предательства – Белоруссия. Генеральный штаб для Белорусского округа выделил наименьшее количество дивизий: Прибалтийский и Ленинградский округа – 47 дивизий; Белорусский округ – 44 дивизии; Киевский и Одесский округа – 80 дивизий. На Украине сосредоточено почти в два раза больше войск. (*Прудникова Е.А.* Ленин – Сталин. Технология невозможного. М.: Олма Медиа групп, 2011. С. 120). Белорусское направление, по мнению Жукова, не должно было вызывать опасений нашего командования, поскольку для противника заболоченные места и лесные массивы представляли серьезной преградой. Та же выбрана схема!

Нечто подобное писал в тюрьме перед расстрелом и Тухачевский. Напоследок он пытался нагадить стране и армии. Белорусское направление он представлял как «фантастическое». По-простому говоря, он исключал наступление противника в

Белоруссии и указывал об особом приоритете Украинского направления для Гитлера. Однако по его указанию командующий Белорусским округом Командарм 1 ранга И.П.Уборевич в 1936 году создал секретную штабную организацию под названием «Инспекция». (*Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 32). «Инспекция» в нужный момент могла развернуться в штаб конно-механизированной армии. Это была заблаговременно созданная заговорщиками подпольная структура управления войсками для мгновенного перехватывания командования ими в ситуации военного поражения наших войск.

ЗапОВО был обречен. Расстреляв руководство – виновников крушения фронта заговорщики прятали «концы в воду». Только ход боевых действий выявил часть генералов-предателей. После войны их большая часть, благодаря всеобщей эйфории Победы, пыталась улизнуть от наказания. Сталин не был подвержен этому ликованию и не собирался прощать предателей. 24 мая 1945 года в Кремле он поднял тост за Русский народ. В своем выступлении он произнес странные слова. Говоря о вере народа в свое правительство, он напомнил кому-то, что была возможность создать другое правительство, которое заключило бы мир с Германией. Он подчеркнул: «Это могло случиться, имейте в виду!». Это было сказано на встрече с командующими войсками и не попали в официальную хронику.

После войны И.В. Сталин поручил военной прокуратуре разобраться по поводу трагических событий 1941 года. Было проведено расследование, и ряд генералов были арестованы. Одни получили сроки, другие были расстреляны. Жуков поясняет, что сам Сталин проводил заседание, где обсуждалось его, Жукова, поведение: «Всего в деле фигурировали 75 человек, из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним из списка был я». Жуков здесь явно поскромничал, ставя себя в конец списка. Он был первым в этом деле, но, по определенным соображениям И.В. Сталина, не был арестован, а лишь понижен в должности и отправлен в Одесский военный округ.

Войну Жуков воевал успешно в роли представителя ставки как заместитель Верховного Главнокомандующего. И когда встал вопрос о проведении Берлинской операции Сталин поставил Жукова командующим 1-м Белорусским фронтом, стоящим на центральном Берлинском направлении. Рокоссовского он переводит с 1-го Белорусского на 2-й Белорусский фронт, на правый фланг всей группировки войск. Перестановку Сталин сделал по всей вероятности по политическим соображениям. Берлин должен брать русский полководец! Рокоссовский –

любимец Сталина, имел польское происхождение. Если бы К. Рокоссовский был оставлен на месте, то уж точно сегодня нельзя было бы переспорить поляков – кто брал Берлин. Они и сейчас считают это своей заслугой, поскольку в Берлинской операции участвовали две польские армии в составе 1 БФ. По то же причине Жукову было дано право подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии и принимать парад Победы на Красной площади в Москве.

Возникает естественный вопрос: «Почему Жукову такие почести, если он заслуживает вместе с Тимошенко, как главные заговорщики, расстрела?» Дело в том, что устраивать крупномасштабные разборки с генералитетом, наподобие 1937 года, в условиях идущей войны нельзя было допустить. Сталин помнил, как западные державы, прежде всего Франция (а за спиной Парижа и Англия) и Чехословакия, после раскрытия заговора военных во главе с Тухачевским, отказались подписывать военные соглашения с СССР. А от заключенных еще в 1935 г. политических договоров они отказались. Причиной послужили сомнения в боеспособности РККА.

Естественно, нельзя было допустить, чтобы сведения о раскрытии любой попытки публичного и даже непубличного заговора генералов в условиях идущей войны просочились на Запад и нанесли вред складывающейся антигитлеровской коалиции – США и Англия могли отказаться от сотрудничества с СССР.

Кроме этого, в армии началось бы доносительство и самосуды над командирами всех уровней, особенно старшими. Допустить такое было нельзя. Надо было воевать с грозным врагом, а не проводить кровавые разборки у него на глазах.

Совокупность указанных причин потребовала недопущения широкомасштабной разборки с генералитетом. Арестованных генералов стали строго судить по воинским преступлениям. Одновременно в глубокой тайне шло тщательное расследование подлинных причин трагедии 22 июня. Оно осуществлялось по каналам военной разведки и каналам партийных органов. Кроме того, анализом трофейных документов выявлялись признаки преступного умысла со стороны советских генералов по подставке советских войск под неминуемый разгром в начале войны.

Вновь на коне

Убийство Сталина в марте 1953 г. круто изменило положение Жукова. «Опального» маршала Хрущев использовал в убийстве

соратника и единомышленника вождя Л.П. Берии. У Жукова к Берии имелись давние счеты, поэтому порученное дело он выполнил четко 26 июня 1953 года на московской квартире Лаврентия Павловича. В благодарность Хрущев назначает Жукова первым замминистра обороны. 11 июля 1953 г. Жуков и Хрущев написали письмо в Президиум Совета Министров за подписью министра обороны Н. Булганина, прокурора Р. Руденко и председателя Военной коллегии Верховного Суда А. Чепцова.

В письме указывалось, что за период с 1941 по 1952 год включительно Министерством Государственной Безопасности (МГБ) незаконно арестован 101 генерал. Короче говоря, в стране начался бум по реабилитации осужденных в эти годы. Другими словами, с генералитета снималась ответственность за провалы в войне, и особенно в ее начальный период. Из ссылок и тюрем вернулись ранее осужденные генералы, поголовно реабилитированы и названы «невинными жертвами сталинизма» расстрелянные. Этим письмом по сути дела была оформлена подлая сделка между верхушкой партаппарата и заинтересованной частью генералитета: генералы помогли партократии захватить и укрепить свою власть, а та в ответ «отмазала» генералитет от вины в преступлениях в ВОВ. Виновником во всех бедах сделали одного Сталина. В 1956 году по указанию Жукова уже в должности Министра обороны, Генеральный штаб вынес заключение по делу Западного фронта. В нем говорилось, что Павлов Д.Г., командующий фронтом, и его заместители Климовских В.Е., Григорьев А.Т., Коробков А.А. и Клич А.Н. невиновны «в проявлении трусости, бездействия, нераспорядительности, в сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику без боя». Жуков видимо подзабыл, что в июле 1941 года настаивал на расстреле Павлова!

Далее, на основании этого вывода Генерального штаба также Военная коллегия Верховного суда СССР отменила в отношении расстрелянных генералов приговор за отсутствием в их действиях состава преступления. Причем, говорилось, что «прорыв гитлеровских войск на фронте Западного военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован Павлову и другим осужденным по настоящему делу как воинское преступление, поскольку это произошло по независящим от них причинам». (*Мартиросян А.Б.* Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941–1953 г. С. 23–24).

В 1957 году Жуков спасает Хрущева от снятия с должности первого секретаря ЦК КПСС «антипартийной группой». Словом, Министр обороны «с головой» ушел в политику. Кипучую

деятельность Жукова остановил сам Хрущев. В октябре 1957 года он отправил его на пенсию. Снятие с должности министра обороны произошло в основном не из-за какого-то «страха Хрущева», как пытаются нас убедить создатели фильма «Жуков». Его убрали из-за ненадобности. Особый характер и амбиции Жукова Хрущев познал еще в годы войны. Его грубость, солдафонское упрямство и заносчивость в новых условиях были еще терпимы, когда он был нужен позарез: убийство Берии, поддержка в деле «антипартийной группы». Когда же Жуков добросовестно сделал свою черную работу, то терпеть его дальше Хрущев просто не захотел.

Убийство Сталина и Берии, разгром «антипартийной группы», по сути дела Хрущев совершил государственный переворот. Страна, как известно, покатилась в никуда. Жуков, как непосредственный участник переворота, несет ответственность за судьбу Отечества. Аппарат партийного руководства состоял из врагов советской власти. Они-то и поставили в Москве памятник Жукову. Кому памятник? Не тому ли «герою», на ком кровь 3-х миллионов 200 тысяч солдат и офицеров, погибших в 1941 году? Или тому, кто в 50-е годы помог придти к власти преступникам? Нужен ли народу России памятник такому человеку?

Г.К. Жуков в конце жизни написал пакостное эссе «Коротко о Сталине». В нем он пишет: «Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленными Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.

О таких звонках Верховного мы с А.М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову…

Расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т. е. повторить то, что сделал в 1813 г. Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских

доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Напрасно Жуков беспокоится, что Верховный хотел примазаться к его славе. К его славе «маршала победы» примазаться нельзя – можно только измазаться.

Глава 10
Катынское дело

История вопроса

В 1943 г. в Белоруссии недалеко от Минска в Катынском лесу немцы «случайно» обнаружили захоронения польских военнопленных. 13 апреля берлинское радио и все немецкие газеты сообщили об этой страшной находке с утверждением, что поляки были расстреляны советскими властями. Немцы создали якобы независимую экспертную комиссию с представителями Польского Красного Креста, а также представителями стран-сателлитов (Венгрия, Румыния) и покоренных – Франция и т. д. комиссия дала заключение, что польских военнопленных расстреляли русские.

Немцы хотели, с одной стороны, отвлечь внимание всего мира от ужасных преступлений, совершенных ими в Польше и Советском Союзе, в которых они позднее были изобличены и за которые были осуждены международным военным трибуналом в Нюрнберге. С другой стороны по-крупному поссорить поляков и русских. После освобождения Белоруссии в СССР была создана комиссия во главе с генерал-полковником медицинской службы Н.Н. Бурденко. В состав Комиссии входили писатели, священнослужители, видные общественные деятели (комиссия имела в своем распоряжении опытных судебных экспертов). 24 января 1944 года комиссия представила многочисленные свидетельства, позволявшие сделать однозначный вывод: расстрел в Катынском лесу был совершен немцами.

Выводы комиссии в совокупности с доказательствами, собранными историками, юристами, иными исследователями «катынского вопроса» убедительно опровергают немецко-польскую версию о расстреле поляков органами НКВД СССР. Назовем лишь некоторые наиболее существенные из них. Важным доказательством, подтверждающим расстрел поляков в Катынском лесу именно немцами, является наличие гильз от немецкого оружия. У многих жертв руки были связаны бумажным шпагатом (веревкой), который в 1940 г. в СССР не производился, а производился в Германии. На многих убитых находилась теплая одежда, что опять подтверждает выводы комиссии Бурденко о том, что поляки были расстреляны осенью 1941, а не в апреле-мае 1940 г.

Постыдная реанимация

Казалось бы, дело Катынской трагедии закрыто. Однако с начала 90-х в России и Польше вновь набрала обороты шумная кампания вокруг захоронений польских офицеров в Катынском лесу. Спустя 68 лет геббельско-польская версия реанимирована и поддерживается как польской стороной, так и правительством РФ. 2 августа 1993 года создана очередная новая комиссия экспертов. Комиссия, как сказано в «заключении», проведя исследования, пришла к следующим выводам: «…Расстрелы совершались на основании постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1949 года по представлению НКВД СССР, а также с.58 и. 13 УК РСФСР ст. 54 УК ССР и иных с нарушением норм международного права… Совершенные деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных, репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и военнопленных, особенно защищенных международным правом.

Позиция Путина

На траурном митинге в Катыни председатель правительства В. Путин 7 апреля 2010 г. заявил: «Правду о преступлении прятать нельзя и наши оценки этого злодеяния не подлежат никакой ревизии». Интересно, о какой ревизии намекал министр. По всей вероятности он имел в виду деятельность заслуженного юриста РФ и депутата Думы В.И. Илюхина по разоблачению фальшивок из «Закрытого пакета № 1» по Катынскому делу. Далее, прикидываясь простачком он рассказал журналистам газеты «Комсомольская правда» собственную версию причин Катынского расстрела: «Никаких рациональных объяснений тому, зачем было совершено это преступление, нет. Я недавно говорил с учеными-историками и к своему стыду узнал, что оказывается военной операцией во время советско-польской войны 1920 г. руководил лично Сталин. И эту войну советская Россия проиграла. В польском плену оказалось много красноармейцев. Возможно Сталин, осознавая свою ответственность за это, и приказал уничтожить польских офицеров из чувства мести».

Что не понравилось сразу, услышав подобное «объяснение»? Сталин, как государственный деятель, считал, что государство является органом коллективной защиты граждан и местью

государство не должно заниматься. Грубо говоря, государственному деятелю, а в случае Сталина, слуге народа не до мести – у него совсем другие задачи. Если такое пришло в голову Путину, то, скорее всего это он бы так поступил, но не Сталин. Это, во-первых. Во-вторых, хотелось бы узнать, кто из историков сообщил Путину чепуху о том, что в 1920 году военными операциями руководил Сталин? Сообщаю читателям существо дела: И.В. Сталин во время польской кампании был членом военного совета Юго-Западного фронта. Фронтом командовал А.И. Егоров. Фронт отвечал за львовское направление. За варшавское направление отвечал Западный фронт под командованием М.И. Тухачевского. Общее руководство было в руках Л. Троцкого. «Ученые-историки должны были знать еще и то, что И. Сталин был против похода на Варшаву и аргументировал свою позицию тем, что Красная Армия не будет иметь поддержки среди польского населения. Им даже была опубликована статья в газете «Правда» на данную тему. Он оказался прав. На Варшаву наступал М.И. Тухачевский. В этой кампании Советские войска потерпели поражение, в плен попало от 120 до 150 тысяч красноармейцев. Так что о мести в то время, а именно в 20-х годах, мог мечтать только Тухачевский.

Формирование польской армии

После освободительного похода в 1939 году Сталина занимали вопросы по созданию из польских военнопленных отрядов, ориентированных на борьбу против немцев. В Москву сразу после начала Второй Мировой приезжал премьер-министр Польши генерал В. Сикорский. Была достигнута договоренность о формировании Польской Армии, которая должна была быть направлена на фронт сразу после ее сформирования. Армия, насчитывавшая 73 тысячи солдат и офицеров, не захотела воевать на нашем фронте. Марте и августе 1942 года она ушла через Иран сначала в Ирак, а затем ее перебросили в Италию. На основе дивизии Тадеуша Костюшко началось формирование новых польских подразделений, которые вскоре превратились в Войско Польское. Спрашивается, кому придет в голову при создании Польской армии расстреливать ее личный состав?

Амбиции поляков

Признание президентами РФ расстрела польских

военнопленных сталинским руководством всполошило поляков. Еще бы, во-первых, им маячил компенсационный куш от РФ в размере 100 миллиардов долларов. Во-вторых, появилась редкостная возможность публично дать по носу москалям. Покаяние с коленопреклонением премьер-министра Путина с польским коллегой Дональдом Туском в Катынском лесу польской власти показалось недостаточным. Церемонию покаяния поляки решили повторить с президентом Лехом Качинским. В дорогу собралось «великое посольство» – около ста человек. Но видимо вмешался Бог. Самолет разбился. Все погибли. Шоу сорвалось. Экс-президент Польши Лех Валенса в интервью польским СМИ 13 января 2011 года по случаю катастрофы президентского самолета заявил: «С прискорбием заявляю, что гораздо больше ошибок было совершено с нашей стороны. С другой стороны была только одна ошибка: надлежало запретить посадку, а если нет, то стрелять, чтобы отпугнуть. Надо начинать с того, что эта поездка вообще не должна была состояться… Это был основанный на амбициях маневр Леха Качинского. Ненужное демонстративное поведение, которое дорого нам стоит» (газета «Комсомольская правда» от 15 января 2011 года).

Судебные мытарства

22 апреля 2009 года газета «Новая газета» опубликовала статью А.Ю. Яблокова «Виновным назначен Берия». Автор пишет, что «в ходе освободительной кампании СССР в сентябре 1939 года по освобождению Белоруссии и Украины было захвачено около 250 тысяч поляков. Часть польских военнопленных, содержащихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, по постановлению Политбюро ВКП(б) в апреле-мае 1940 года были расстреляны сотрудниками НКВД СССР и захоронены на территории дач УНКВД и в других местах». Статья содержала оскорбительные слова в адрес И.В. Сталина. Например: «Сталин и чекисты повязаны большой кровью, тягчайшими преступлениями, прежде всего против собственного народа» и т. п.

Русский патриот Леонид Николаевич Жура написал опровержение в «Новую газету». Но, как говорится, «а воз и ныне там».

Тогда Л.Н. Жура решил искать справедливости в суде. Но в суде потребовали какого-нибудь родственника Сталина, который по закону мог бы бороться в суде за «честь и достоинство» Сталина. Леонид Николаевич отыскал внука Сталина – сына

Василия Сталина – Александра Бурдонского. Ознакомившись с идеей Л.Н. Журы подать в суд на газету «Новая газета» Саша отказался: «Не хочу ворошить прошлое». Меня в Тбилиси Л.Н. Жура нашел через Интернет, выйдя на моего сына Яшу. Поняв, в чем дело, я тут же вылетел в Москву.

Оформив доверенность, Л.Н. Жура, как представитель истца подал иск в Басманный районный суд города Москвы на газету «Новая газета» и просил признать «вымышленными не соответствующими действительности, унижающими честь и достоинство И.В. Сталина» содержащиеся в статье Яблокова А.Ю. «Виновным назначен Берия», опубликованной 22.04.2009 года. Мою доверенность также получили историк-исследователь, писатель Ю.И. Мухин и автор независимого расследования по Катынскому делу историк С.Э. Стрыгин. В качестве ответчиков – автор статьи Яблоков А.Ю. и его представитель адвокат Бинецкий А.Э., от «Новой газеты» и общества «Мемориал» – адвокат Резник Г.М. Председательствовала на суде 29-летняя судья Лопаткина А.С. Суд проходил с 8 по 13 октября 2009 года.

Адвокат Резник с пышной шевелюрой седых волос чувствовал себя на суде очень уверенно и называл Сталина «гением злодейства». Однако он уступал в ораторском искусстве своему коллеге-адвокату, потомственному дворянину Бинецкому. Правда, из-за клоунской внешности (цветные галстуки-бабочки, усы с подусниками, длинное до пола кашне) трудно было его воспринимать всерьез. Оба они, в доказательство виновности Сталина в сговоре с Гитлером при нападении на Польшу и в решении Политбюро о расстреле пленных поляков, ссылались на документы «закрытого пакета» № 1.

История «закрытого пакета» № 1

Документ появился по признанию М. Горбачева в декабре 1991 года, якобы благодаря сотрудникам Архива Президента СССР. По его словам, с декабря 1991 года в «закрытом пакете» лежали совсем другие документы, подтверждающие виновность немецкой стороны в Катынском расстреле. Следовательно, после декабря в пакет были вложены другие документы – поддельные, фальшивки. Впервые данные «закрытого пакета» № 1 были введены в оборот осенью 1992 года на заседании Конституционного суда как доказательство вины КПСС в Катынском деле. Но при просмотре этих документов судьями, вскрылась их подложность. В результате Конституционный суд эти документы даже не стал рассматривать и в своем итоговом

постановлении даже не упомянул об этом эпизоде обвинения. После фиаско в Конституционном суде тексты некоторых из этих документов опубликовали только через 2 года в журнале «Военные архивы России». После выпуска первого номера журнала, в котором была опубликована часть подделок в массе иных, подлинных документов из российских архивов, этот журнал вместе с редакцией бесследно исчез. Все это говорит о том, что ни в каких архивах эти документы не находились – они были сфабрикованы. С.Э. Стрыгин привез в суд копии всего пакета № 1, заверенные архивом, и сказал, что все документы являются фальшивыми. Ответчики парировали тем, что документы признаны тремя президентами: М. Горбачевым, Б. Ельциным и В. Путиным. А Бинецкий с апломбом заявил: «Считать эти документы фальшивками, ну, по крайней мере, наивно». Тем не менее, С. Стрыгин просил суд обратить внимание на то, сколько делопроизводственных и исторических признаков подделки находится в тех документах, на которые ответчики ссылаются как на свое главное доказательство. Кроме того, не ясны ни место архивного хранения документов «закрытого пакета» № 1 до декабря 1991 года, ни обстоятельства их чудесного обретения сотрудниками Архива Президента СССР.

Содержание секретного пакета

Рассмотрим «по наивности» несколько примеров признаков подложности документов. Начнем с «тройки», которая якобы вынесла решение о расстреле польских офицеров. Дело в том, что все судебные тройки накануне были ликвидированы правительством и ЦК ВКП(б). Так, в Постановлении Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года сказано: «Ликвидировать тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции. Впредь все дела в точном соответствии с действующим законодательством о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР».

– «Письмо Берии» с формальной точки зрения является подложным из-за элементарного несоответствия главных атрибутов – даты и номера. Письмо имеет номер 794/6, но не имеет даты. В подлинном документе такое оформление невозможно, поскольку это одна запись в журнале регистрации, причем дата письма важнее его номера.

– В «письме Берии» генералы занесены в один список с подполковниками, что в подлинном документе НКВД быть не

могло. Во всех подлинных документах НКВД генералы всегда печатались в отдельном списке и никогда не объединялись даже с полковниками.

– «Выписка для Берии» на бланке, не применявшемся в практике делопроизводства Политбюро. До сегодняшнего дня известны лишь два экземпляра такого бланка – оба из «закрытого пакета» № 1 по Катыни.

– На бланке «выписка для Берии» отсутствует абсолютно необходимый для всех официальных документов ЦК ВКП(б) элемент – лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Все бланки Политбюро, предназначенные для документов, выходивших за пределы ЦК ВКП(б), обязательно начинались с главного лозунга коммунистов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

– «Выписка из протокола Политбюро» № 2 (на имя Шелепина – председателя КГБ). Первое, что бросается в глаза, документ на бланке ВКП(б) заверен печатью КПСС. Это такой шедевр маразма фальсификаторов, что Конституционный суд сразу понял, что перед ним подложные документы, и не стал связывать КПСС с убийством польских офицеров. В выписке дается указание о создании «тройки» по расстрелу поляков. Датирована выписка 27 февраля 1959 года. Получается, что поляки продолжали сидеть в лагерях до этого времени. Наконец, в выписке заделана подпись Сталина. Получается невероятное: чтобы заверить выписку, Сталин в 1959 году должен встать из гроба и явиться на заседание Политбюро…

Стрыгин указал суду на 49 признаков подложности и добавил, что еще не все они выявлены. Словом «закрытый пакет» № 1 оказался результатом творчества, скажем прямо, врагов народа.

Преступная кухня Кремля

Ю. Мухин в своем выступлении показал суть деятельности ответчиков, назвав их членами «пятой колонны» Польши и Кремля. «Правда Польша не собирается захватывать Россию, – сказал он, – она просто собирается Россию ограбить с помощью Катынского дела». Механизм ограбления России предполагалось осуществить с помощью Главной военной прокуратуры (ГВП), которая Катынское дело сфабрикует так, будто польских пленных офицеров расстреляли не немцы, а Советский Союз. Дело будет рассмотрено судом, СССР будет признан виновным и Польша потребует с правопреемницы СССР, России, денежную

компенсацию за каждого своего убитого гражданина. Кремль всячески поддерживал польскую сторону, речь идет о миллиардах долларов. Но «пятая колонна» в ГВП не оправдала польских надежд и не сумела сфабриковать это дело так, чтобы его можно было представить в суд без позора. Тогда в Архив Президента командой Горбачева были подброшены новые сфальсифицированные документы о том, что приказ о расстреле поляков якобы давали Сталин и Политбюро. Но и эти документы в архиве были сфабрикованы так глупо, что когда их попробовали предъявить Конституционному суду, чтобы тот признал, что поляков расстреляли русские, то Конституционный суд даже при беглом осмотре увидел, что это фальшивка.

Целую неделю Ю. Мухин, С. Стрыгин и Л. Жура требовали от ответчиков доказательств виновности И.В. Сталина в организации расстрела поляков и договоренности с Гитлером о совместном нападении на Польшу Ответчики не предъявили ни одного доказательства соответствия действительности сведений, составлявших предмет иска. Вместо этого они взялись доказывать, что Сталин вел незаконные репрессии против собственного народа. «Мы весь процесс, – пишет Ю. Мухин в книге «Суд над Сталиным», – требовали от ответчиков, чтобы они положили на стол судье копии Постановления Политбюро о расстреле поляков. Они наотрез отказались. Мы весь процесс требовали от них положить на стол судье договор о ненападении между СССР и Германией, и чтобы они ткнули пальцем, где сказано о сговоре Сталина и Гитлера о совместном нападении на Польшу. Ответчики изворачивались, как могли с помощью судьи Лопаткиной, но разумных доказательств так и не представили».

Между прочим эти «яблоковы» рвут свои пупки не из-за какой-то там правды или справедливости. Они спонсируются Польским правительством: их приглашают в гости, там всячески обхаживают, устраивают фуршеты и т. д. А 16 апреля 2005 года президент Польши Квасьневский наградил группу наших подлецов крестами ордена «За заслуги перед Польской Республикой», в том числе и автора статьи Яблокова.

Вердикт «суда»

В решении суда говорилось: «Выслушав участников процесса, исследовав собранные по делу доказательства, в том числе письменные материалы дела, суд считает, что исковые требования удовлетворению не подлежат по следующим основаниям». На нескольких листах словоблудного текста суд

приходит к выводу, что слова в статье Яблокова В.Ю. «Сталин и чекисты повязаны большой кровью», «кровавый людоед» данные фразы не являются утверждениями о фактах, так как представляют собой выражение мнения автора. Спор представляет собой субъективную дискуссию лиц, имеющих различные взгляды по названной проблеме и роли Сталина И.В. в истории. Так, истец полагает, что деятельность Сталина И.В. является положительной для общества, в то время как ответчиками дана отрицательная, негативная оценка. Признавать субъективную точку зрения истца или ответчика суд полагает для себя изначально неприемлемым».

Оценивая фразу «Сталин и члены Политбюро ВКП(б), вынесшие обязательное для исполнителей решение о расстреле поляков, избежали моральной ответственности за тягчайшее преступление…» суд исходит из положений статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно «демократическое общество». Другими словами, суд не видит в этой фразе ничего непристойного, что оскорбляло бы честь и достоинство Сталина и т. д. Короче говоря, суд на основе изложенного решил Джугашвили Евгению Яковлевичу в удовлетворении исковых требований отказать.

Жалоба в Мосгорсуд

Но боевая тройка решила драться «до последнего патрона». «Мы, представители иска, – пишет далее Ю. Мухин, – подали кассационную жалобу в Мосгорсуд. Что это за «суд» тоже понятно, но согласитесь, неплохо получить и из фирмы «Мосгорсуда» подтверждение, что утверждение болтунов о том, что Сталин сговорился с Гитлером вместе наступать на Польшу и что Политбюро приняло решение расстрелять поляков, на самом деле не является фактом, а является всего лишь мнениями, причем до того заведомо безответственными, что их суд рассматривать не хочет». По сути, боевая тройка пробует заставить Российские суды рассматривать подложные документы по Катынскому делу, а именно «закрытого пакета» № 1.

В жалобе, в разделе «Нарушение норм процессуального права в первую очередь сказано, что судья Лопаткина по настоянию ответчиков запретила истцам вести видеосъемку процесса; грубо нарушена статья 12 ГПК РФ: «Правосудие осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Судья

откровенно встала на сторону ответчиков с самого начала процесса; Судья не дала возможности истцам представлять доказательства по делу. Она определила: «ходатайству представителя истца об истребовании документов из архивного учреждения отказать…», судья отказалась допросить свидетеля в пользу представителей истца – свидетеля Ю.М. Слободкина в нарушении статьи 6.1. Конвенции.

В разделе «Несоответствие выводов суда изложенным в решении суда обстоятельствам дела» сказано, что сведения распространенные Яблоковым в Новой газете» о том, что Сталин договорился с Гитлером напасть на Польшу и что пленные поляки были расстреляны по указанию Сталина и Политбюро, ответчики ссылались на президентов и депутатов Съезда Советов СССР, а также на авторов учебников и многих книг». Это не сведения и не факты, а всего лишь личное мнение президентов и депутатов и им подобным безответственных лиц, которые на государственном уровне сообщают народу не сведения, а свои мнения.

Высказывание Яблокова о том, что «Сталин повинен в сговоре с Гитлером о совместном нападении на Польшу и что пленные польские офицеры были расстреляны по указанию Сталина и Политбюро» по мнению судьи Лопаткиной являются субъективным мнением и не требуют доказательств. Но Яблоков ни разу не употребил таких слов как «я считаю», «я думаю», «по моему мнению» и т. д. Он ни разу даже не намекнул, что это всего лишь его мнение. Наоборот, как работник ГВП в должности старшего прокурора, он оспариваемые сведения представил как узнанные им в ходе служебной деятельности. Следовательно, сведения, высказанные Яблоковым, являются сведениями подлежащими доказыванию! Однако «Мосгорсуд» решение Басманного суда оставил в силе. – «Виске отказать».

Круглый стол В.И. Илюхина

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, заслуженный юрист РФ доктор юридических наук В.И. Илюхин 19 апреля 2010 года провел по теме расстрела поляков заседание «Круглого стола». Во вступительном слове он сказал: «…Видимо Путин исходит из того, что не следует сегодня осложнять отношения с руководством Польши, чтобы там не препятствовали прокладке российского нефте– и газопровода по дну Балтийского моря. Но я не знаю, как можно торговаться на этом. Как можно торговать объективностью истории, авторитетом нашего Отечества».

Выступление историка Ю.Н. Жукова

Выступил Ю.Н. Жуков, доктор исторических наук: «Польский «Красный Крест» работал под контролем нацистских оккупантов, что уж тут говорить, участвовал в этом скандале и упорно настаивал, что вина за расстрел лежит на нас…». Ю.Н. Жуков обратил внимание на нереальность происходивших «расстрелов»: «Представьте три лагеря: Старобельский (Ворошиловградской обл.), Ковельский (Смоленская обл.), Осташковский (Тверская обл.). Решили, предположим. Расстрелять военнопленных. Зачем нужно было их везти расстреливать под Смоленск?.. Зачем нужно было для расстрела вести приговоренных за тысячу километров?..»

Ю.Н. Жуков коснулся также исторического аспекта, когда сформировался антагонизм между Москвой и Варшавой: «В войне 1919–1920 гг. между Польшей и Советской Россией стоял вопрос, можно ли полякам отдавать ту территорию, которая входила в границы Речи Посполитой 1772 г. «от можа до можа», т. е. от Балтийского моря до Черного, включая всю Литву, Латвию, Белоруссию, Украину». Он также напомнил: «Во время второй мировой поляки обвинили нас в нежелании помочь восставшим в Варшаве в августе 1944. Полякам нужно было как можно скорее поднять бело-красный флаг и объявить Варшаву подконтрольной польскому правительству в Лондоне…».

И.В. Сталин так ответил Черчиллю по этому вопросу: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию…»

«Вот этот комплекс исторических вопросов, – продолжал Ю.Н. Жуков, – необходимо рассматривать вместе с Катынью. Если мы будем все эти события рассматривать в совокупности, только тогда мы увидим в них место Катыни, сегодняшней козырной карты польских политиков.

Генерал-майор юстиции В.И. Круг (помощник Генерального прокурора РФ с 1992–1999 гг.) в своем выступлении сказал:

«…В предвоенный период (1939–1940 гг.) западные районы Советского Союза, вплоть до Урала, были окутаны густой шпионской сетью как немецкой, так и польской спецслужб. Агентура у них работала, как говорится, на полную катушку, с размахом. Они знали все, что делается в приграничных районах, даже какая корова чихнула. Если бы действительно имел место факт массового расстрела польских офицеров в 1940 г., он бы не прошел мимо них незамеченным. Однако ни в польских, ни в

немецких спецдонесениях не упоминается об этом. Только в 90-е годы эта тема стала раскручиваться, как мы теперь понимаем, в связи с острой необходимостью в создании компромата на все, что ассоциировалось с СССР, КПСС, для реализации политических амбиций отдельных политиков (читай «Президентов России»).

Выступление писателя – исследователя Ю.И. Мухина

Ю.И. Мухин, писатель: «…Комиссия советская, которая работала в Катыни, признала преступление немцев. Следовательно, по Уставу Нюрнбергского трибунала, убийцы – немцы. Теперь в рамках Уголовно-процессуального кодекса Главная военная прокуратура провела следствие и закончила его тем, что подозреваемым по этому делу является НКВД. Подозреваемым… Потому что она не закончила следствие обвинительным заключением. Прекратила она следствие на том основании, что согласно статье 24-1 против умершего уголовное дело прекращается, но это не так, там есть оговорка: не прекращается, если требуется реабилитация этого умершего. У нас получается так: есть виновный – немцы, есть подозреваемый – НКВД, и нам кого-то нужно реабилитировать – либо немцев, либо НКВД. Поэтому здесь не подходит вариант закрытия уголовного дела.

Дело нужно заканчивать обвинительным заключением. Главная военная прокуратура должна подписать обвинительное заключение и передать дело в суд для публичного рассмотрения. Мне варианты со всякими комиссиями экспертными не нравятся. Вот будет суд, будет обвинитель, будут адвокаты – тогда, если какие-то документы будут вызывать подозрения, и будем назначать экспертные комиссии. Почему главная военная прокуратура прикрыла это дело? Потому что оно позорнейшее по своей сути. Что сделала Главная военная прокуратура, чтобы просто существовать 14 лет и написать 183 тома?

Выводы комиссии Бурденко отброшены, об этом уже говорили. Выводы геббельсовской комиссии принимаются без разговоров. Вот, тыкая, указываешь на явные проколы – то, что немцы перед капитуляцией уничтожили все доказательства, которыми они располагали в катынском деле, специально уничтожили, убили председателя комиссии Буца, пытались убить и остальных членов комиссии (скрывались и чехи, и болгарин от этого дела), это, оказывается, не имеет значения. То, что по комиссии Бурденко все лежит в целости и сохранности, ни один свидетель даже не арестовывался – не обращаем внимания. Я

пишу об этом с 1995 года.

Теперь по вещественным доказательствам. Куда ты денешься от гильз и от хлопчатобумажного шпагата? Выдумывается дурацкая версия о том, что якобы это закупали специально для расстрела поляков. Особо следует сказать о вещественных доказательствах, найденных при эксгумации. Тут, товарищи, надо по-крупному, если на то пошло. Под Харьковом раскопали кладбище тюремное, на котором расстреливали уголовных преступников, плюс во время войны там же хоронили немцев, умерших в тифозном лагере военнопленных. Раскопали под Харьковом 169 черепов, по черепам нашли. Копали экскаватором сами поляки, копали вдоль и поперек…Смотрите, какие выводы делает следствие из этих 169 черепов, это, оказывается, захоронение четырех тысяч с лишним поляков и польских офицеров. А в Медном 243 черепа превратились в шесть тысяч польских полицейских. А кто сказал, что там вообще поляки?

…Теперь документальные доказательства. Если выбросить из дела весь информационный мусор, в котором разъясняется, что делали следователи 14 лет, то там останутся доказательства, из которых следует, что поляки весной 1940 года прошли через суд особого совещания. Поскольку особое совещание в тот момент до октября 1941 года не имело права приговаривать к расстрелу, это подтверждает, что поляки не расстреливались, их приговорили к трем-пяти годам лишения свободы… и отправили на работы. И как бельмо на глазу появляется в деле неизвестно откуда, неизвестно кем найденный пакет № 1 с документами, в котором якобы и находится «вся правда»: «поляков расстреляли русские».

Уже говорил мой коллега, что представляют собой эти документы. Слезы душат и капают, понимаете, когда смотришь на документ, подписанный Сталиным в 1959 году. Что, Сталин из гроба встал подписать этот документ?.. Таким образом, на сегодня мы имеем: отказ Главной военной прокуратуры закончить дело тем, чем она должна его закончить, то есть обвинительным заключением; отказ Конституционного суда, рассматривавшего все эти документы, признать вину КПСС в убийстве поляков; отказ Басманного суда, рассматривавшего упомянутые документы, признать факт того, что, цитирую «около 22 тысяч жертв Катынского преступления казнили по решению Политбюро ЦК ВКП(б)…Надо соблюсти права человека, то есть страсбургское положение, пригласить поляков в качестве представителей потерпевших, назначить защитников и рассмотреть это дело публично, его нечего бояться, там фальшивка».

С краткими докладами выступили также Лучин В.О. – судья Конституционного суда РФ в отставке; Колесник А.Н. – доктор

исторических наук; Стрыгин С.Э. – историк, координатор международного проекта «Правды о Катыни» и другие, всего 16 человек.

В выступлениях отмечалось отсутствие реальной «технической» возможности «незаметно» осуществить расстрел нескольких тысяч поляков в 1940 г. в урочище Козьи горы. Это было открытое место в зоне отдыха пионерских лагерей, в 200 метрах от оживленного движения на Витебском шоссе. Место было открытым для посещения жителей Смоленской области и не закрывалось до того момента, когда в 1941 году немцы обвели его колючей проволокой и поставили вооруженную охрану.

Выступающие доказывали, что при расследовании дела была поставлена задача обосновать и найти способ доказать причастность лично Сталина и НКВД к расстрелу польских офицеров, а версию о расстреле поляков немцами вообще не рассматривать. Публичное поливание грязью советского прошлого приветствовалось и поощрялось. (Тайны Катынской трагедии. Итоги круглого стола. М., 2010. С. 6–98).

Письмо В.И. Илюхина президенту Д. Медведеву

22 апреля 2010 г. В.И. Илюхин направляет письмо Президенту РФ Д. Медведеву. В послании он подробно обосновал нелепость обвинений в расстреле польских офицеров, выдвинутых в адрес НКВД СССР и Политбюро ВКП(б) Главной Военной Прокуратурой РФ: «Во-первых, результаты следствия были предопределены извинениями Польше, принесенными президентами Горбачевым, а затем Ельциными Путиным еще задолго до завершения производства по уголовному делу. Следователи не могли и не хотели с ними спорить, поскольку были поставлены перед необходимостью придать правовые оформления принятому ранее политическому решению.

Во-вторых, стало известно, что военные прокуроры находились в жестких рамках одной версии доказывания вины в расстреле НКВД СССР и политруководства страны. Все другие версии были отброшены, не использованы материалы комиссии Бурденко, проигнорированы все доказательства вины немцев в гибели поляков.

…Отмечены недопустимые факты передачи следователями документов уголовного дела польской стороне. Думаю, что можно говорить о коррупции. Работники ГВП, участвовавшие в расследовании уголовного дела, систематически посещали польское посольство в г. Москве, где для них устраивались

приемы и фуршеты. Они выезжали в длительные служебные командировки и на отдых в Польшу, получали подарки. Можно утверждать, что за усердие перед поляками группа сотрудников ГВП, а также А. Яковлев, награждены государственными наградами Польши. Нельзя не отметить, что некоторые ученые, отстаивающие немецко-польскую версию расстрела пленных офицеров, систематически получали денежное вознаграждение от поляков…»

В мае 2010 г. в связи с сомнениями, высказанными участниками «Круглого стола» по теме Катынских событий, группа российских ученых-специалистов в составе: В.И. Илюхин, С.П. Обухов, А.Ю. Плотников, А.Н. Савельев, В.М. Круг, Ю.В. Емельянов дали оценку Заключения от 2 августа 1993 года как документу, не имеющему правовой состоятельности: «Содержащиеся в нем выводы ничтожны и несостоятельны в правовом и историческом аспектах. Его можно считать частным мнением группы лиц, выражающих определенные политические установки российской власти начала 90-х годов 20 века».

Правовая несостоятельность «Заключения» выражается например в том, что вопросы, поставленные старшим прокурором отдела ГВП А. Яблоковым о вещах, не имеющих отношения к предмету доказывания по данному делу – о Рижском мирном договоре, о героическом сопротивлении Польши, втягивании ее в Антикоминтерновский союз, о замыслах Сталина, верхушки партийно-государственного аппарата по разделу польских земель, о предательском и вероломном нападении Красной Армии на ведущую «героическую борьбу» с немецко-фашистскими войсками Польшу, о вынашиваемых и реализуемых руководителями СССР коварных селективно-репрессивных акциях по ликвидации польского государства ит. д…»

Появление союзника

28 мая 2010 г. В.И. Илюхин пишет письмо лидеру Компартии и депутатской фракции КПРФ в Госдуме товарищу Г.А. Зюганову. Он сообщает, что на него вышел неизвестный человек, мужчина. Неизвестный назвал свою фамилию. Он сообщил, что в начале 90-х годов была создана группа специалистов высокого ранга по подделке архивных документов. Эта группа работала в структуре службы безопасности Российского президента Б. Ельцина. Территориально она размещалась в помещениях дач работников ЦК КПСС в пос. Нагорный.

По его словам, в Нагорный доставлялся необходимый заказ,

текст документа, который следовало изготовить, или текст, чтобы внести в существующий архивный документ, изготовить под текстом подпись того или иного должностного лица. Группа проработала в пос. Нагорный до 1996 года, а затем была перемещена в населенный пункт Заречье. За этот период, как утверждает «неизвестный мужчина» (в целях безопасности его фамилии В.И. Илюхин не называет) были вброшены сотни фальшивых исторических документов, и еще столько же было сфальсифицировано путем внесения в них искаженных сведений, а также путем подделки подписей. Во втором письме В.И. Илюхин Г.А. Зюганову по этому поводу ставит вопрос о составлении проекта официального заявления ЦК КПСС «По фальсификации архивных исторических документов».

Обращение к президенту

Обстановка похоже накалилась до предела. Неужели неизвестный мужчина не побоится и публично выступит?

По совету Ю. Мухина, С. Стрыгина, Л. Журы 8 октября 2010 г. я отправил письмо президенту РФ Д. Медведеву. Это была последняя инстанция и не использовать ее мы не могли.

Президенту Российской Федерации Медведеву Д.А.

103132, Москва, Россия, ул. Ильинка, д.23

***Копия*: Президенту Российской Академии наук Осипову Ю.С.**

119991, ГСП-1, Москва В-71, Ленинский просп., д. 14

От Джугашвили Евгения Яковлевича

125252 Москва, 2-я Песчаная ул., д.6, кв. 49

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Президент! Я, Джугашвили Евгений Яковлевич, внук Иосифа Виссарионовича Сталина, узнал, что в ходе Вашего визита в Китай китайские ветераны Второй мировой войны 26 сентября 2010 г. сказали Вам: «Мы преклоняемся перед советским Верховным Главнокомандующим товарищем Сталиным, но никогда не имели возможности видеть его и тем более с ним сфотографироваться; сейчас, когда мы уже дожили до преклонных лет, мы встретились с президентом России и мы несказанно рады этому, мы хотели бы с Вами

сфотографироваться. Вы представляете российский народ, и Вы для нас символ страны, которая дала нам марксизм и сталинизм».

Китайские ветераны вряд ли захотели бы сфотографироваться с Вами и сказать Вам слова признательности, если бы узнали, что в России в настоящее время с Вашим личным участием ведется оголтелая кампания клеветы на И.В. Сталина. В частности, Сталина клеветнически обвиняют в том, что он 5 марта 1949 г. якобы дал приказ без суда и следствия расстрелять 25700 пленных поляков.

С Вашего одобрения омерзительная клевета про массовые расстрелы польских граждан на территории СССР по «приказу Сталина» продолжает злонамеренно распространяться российскими государственными чиновниками, включая Вашего подчиненного Путина В.В., работающего ныне Председателем правительства РФ. И это при том, что подложность документов, на которых основывается эта клевета, уже в 1992 году была установлена Конституционным судом РФ! Более того, в октябре 2009 года Басманный районный суд гор. Москвы отказался признать соответствующими действительности лживые сведения о мифическом бессудном расстреле поляков по решению Политбюро ЦК ВКП(б), изложенные в этих подложных документах, а в сентябре 2010 года отказался это сделать и Тверской районный суд Москвы!

О фальсификации Катынского дела в 1987–1992 гг. и о противоречащем национальным интересам России сокрытии большого массива подлинных «катынских» документов, находящихся на спецхранении в российских архивах, еще 12 мая 2009 г. Вас лично проинформировал лидер фракции российских коммунистов в Государственной Думе РФ Г.А. Зюганов. Летом 2010 г. депутат Государственной Думы РФ В.И. Илюхин в своем обращении сообщил подробности о подтвержденном факте фабрикации в начале 1990-х годов нескольких сотен поддельных исторических документов сталинского периода, в первую очередь, документов Особо папки Политбюро по Катыни.

Тем не менее, по Вашему распоряжению Росархив 28 апреля 2010 г. выставил фальшивки из «закрытого пакета № 1» по «проблеме Катыни» на своем Интернет-сайте, чем придал этой отвратительной клевете на И.В. Сталина как бы официальный вид.

Гражданин Президент, своим соучастием в попытке фальсификации истории, направленной против интересов России, Вы позорите должности главы государства и Верховного главнокомандующего – те должности, на которых со славой

исполнял свои обязанности перед страной и русским народом И.В. Сталин.

Я настаиваю, чтобы Вы исполнили свой долг перед Российской Федерацией – дали указание соответствующим ведомствам беспристрастно разобраться в циничной подделке исторических документов по Катынскому делу и установить виновных в подбрасывании их в архивы нашей Родины.

Е.Я. Джугашвили

Москва, 8 октября 2010 г.

Вскоре на мое послание я получил по почте ответ с рекомендацией решать вопрос, поднятый в письме президенту, в любом районном суде города Москвы. Опять суд?! Опять толочь воду в ступе?! Пока мы соображали, как нам поступить, пришла новость.

Дума – соучастница преступления

«26 ноября 2010 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла Заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», в котором говорится: «Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей».

Здесь, как говорится, «против лома нет приема»!

Заявление Госдумы РФ «О Катынской трагедии и ее жертвах», по моему мнению, второе после смерти И.В. Сталина преступление коллективного органа власти. Первое, как известно, произошло в 1989 году на 2 Съезде Народных Депутатов, который осудил договор о ненападении с Германией. Последствия первого известны, второго скоро будут.

Если М. Горбачев и А. Яковлев депутатам съезда подсунули изготовленную американцами фальшивку, так называемые копии «секретных протоколов» к пакту Молотова-Риббентропа, то Д. Медведев и В. Путин предложили думцам весь арсенал провокационных документов. Во-первых, были представлены заключения геббельсовской комиссии 1943 года и польско-российской комиссии 1993 года. Во-вторых, депутатам вручили фальшивки из «закрытого пакета № 1».

Наблюдается общая картина, в которой проходила работа заседаний. В обоих случаях в качестве аргументов принимаются

опять те же фальшивки, та же непонятная поспешность в принятии судьбоносных решений и главное – их полное несоответствие интересам России.

Опять суд

Преступное заявление Госдумы заставило вновь обратиться в Тверской районный суд города Москвы. Привожу читателю небольшую часть искового заявления, объемом в три страницы печатного текста:

«…Содержащиеся в указанном Заявлении Госдумы сведения о том, что мой дед, Сталин И.В., виновен в Катынском преступлении, т. е. в преступлении, квалифицированном Международным Военным трибуналом в Нюрнберге, как тягчайшее военное преступление, за которое по Уставу Международного Военного Трибунала полагалась смертная казнь через повешение, не соответствуют действительности и порочат честь и достоинство моего деда, Сталина И.В.

Принимая заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах» депутаты Государственной Думы противозаконно присвоили себе функции судебной инстанции и, в нарушение положений статей 10 и 49 Конституции РФ, установили виновность моего деда, Сталина И.В. в совершении преступления.

В 1946 году приговором МВТ была установлена виновность в Катынском преступлении высших руководителей нацистской Германии, а вовсе не моего деда – Сталина И.В. Следовательно, Заявление Государственной Думы от 26 ноября 2010 г. «О Катынской трагедии и ее жертвах» является ПЕРЕСМОТРОМ ПРИГОВОРА Международного Военного Трибунала в Нюрнберге от 1 октября 1946 г., постановленным депутатами Государственной Думы во внесудебном порядке и без рассмотрения сути дела…»

Доказательство родства

В суде от нас потребовали доказательства того, что Яков Иосифович Джугашвили является сыном И.В. Сталина, т. к. они усомнились в моем родстве со Сталиным. Даже «корифеи» юриспруденции, защищавшие интересы «Мемориала» и «Новой Газеты», не додумались до такого! Мой сын Яша слетал в Тбилиси и из центрального Архива привез заверенную копию той страницы метрической книги церкви Св. Георгия г. Баджи, где

зафиксировано крещение Якова. В документе в частности написано, что «у крестьянина Иосифа Виссарионовича Джугашвили и крестьянки Екатерины Семеновны, оба православного вероисповедания, родился сын Яков 18 июня 1907 г. Совершил таинство крещения священник Кондрат Сохадзе при помощи Артемия Майсурадзе». Суд, опираясь на представленные документы, записал: «…Истец, Джугашвили Е., согласно представленной копии свидетельства о рождении, распоряжения Совета Министров СССР от 14 ноября 1953 г., архивной записи в метрической книге церкви является внуком Джугашвили И.В. (Сталина)…» Но уникальность решения Тверского суда в том, что судья Федосова в своем решении четко указала дату свершения катынского преступления – сентябрь 1941 г. Вот что она пишет в своем решении: «…Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили) в период 1917 – 53 гг. был советским политическим государственным, военным и партийным деятелем. Он также был одним из руководителей СССР в период Катынской трагедии в сентябре 1941 г…»!!!

В обвинительном заключении Нюрнбергского Трибунала написано: «…В сентябре 1941 г. 11 000 польских офицеров-военнопленных были убиты в Катынском лесу близ Смоленска…» А Тверской суд этот факт признает общепризнанным: «… Указанные обстоятельства судом признаются общеизвестными и в силу статьи 61 ГПК РФ не нуждаются в доказывании…» Мы с этим согласны, – говорит Ю. Мухин. Мы почти два десятка лет доказываем, что польских офицеров в Катыни расстреляли в сентябре 1941, а значит немцы». Решение Тверского суда: «Виске отказать».

Ликвидация депутата В. И. Илюхина

А 19 марта 2011 г. вдруг скоропостижно умирает главный дознаватель «Катынского дела» Виктор Иванович Илюхин. Ему было всего 62 года, он не жаловался на свое здоровье. Был энергичен и смел. Открыто говорил о том, что досконально расследует «Катынское дело». И вот, пожалуйста! В.И. Илюхина нет.

Тактика убийства личностей, представляющих угрозу существования режима, является, как показали события последних лет, для Кремля наиболее радикальным методом. Достаточно вспомнить убийство генерала Л. Рохлина. Он готовил смещение ельцинской «семьи». Ему удалось объединить многих

патриотически настроенных офицеров и генералов, в том числе занимавших в то время ответственные посты в силовых структурах. Выстрел в голову, совершенный якобы женой Л. Рохлина, сорвал все планы.

Не была расследована внезапная смерть лидера коммунистов Олега Семеновича Шенина – главного соперника карманного оппозиционера Г. Зюганова. Именно этот «оппозиционер» заявил, что «у России лимит на революцию исчерпан». Или, например, убийство Галины Старовойтовой и отравление в Лондоне бывшего работника ФСБ Александра Литвиненко, который поведал миру о причастности В. Путина к взрывам в г. Москве, Волгодонске, Буйнакске.

Смерть В.И. Илюхина ведет автоматически к потере важнейшего свидетеля – «неизвестного мужчины». Охраняя его безопасность, Виктор Иванович видимо недооценил опасность, которая угрожала ему самому.

Логика преступления

И последнее. Возникает естественно вопрос: «Почему Гитлер не использовал трагедию в Катынском лесу для оправдания своего нападения на СССР? Если, как утверждают немецко-польская и российско-польская комиссии, поляки были расстреляны в апреле-мае 1940 г., за 1 год до вторжения, то упускать такой весомый довод в оправдание своей агрессии Гитлер точно не стал бы. Германия растрезвонила бы на весь мир о злодеяниях жидо-большевиков (как это и было сделано, но только в апреле 1943 г.), чтобы в глазах народов мира поход против СССР казался освободительным. Однако А. Гитлер ни разу за весь этот период не проронил ни слова о событиях в Катыни.

Это и понятно, потому что никаких расстрелов поляков в Катынском лесу до осени 1941 г. не было! У поляков, строивших шоссейные дороги и другие объекты, было 5 кинопередвижек и несколько походных типографий, работали продуктовые ларьки и, как я уже писал выше, начиналось создание двух армий для борьбы с немцами. В 1941 году летнее наступление немцев привело к тому, что часть пленных поляков попала в руки немцев, и не смогла эвакуироваться в глубь страны. Осенью 1941 г. немцы их расстреляли.

Глава 11
Неподсудная власть

Н.С. Хрущев

Некоторые историки и литераторы пытались в прошлом и пытаются сейчас выставить Хрущева чуть ли не поборником «настоящего» социализма – защитником интересов трудящихся. Пытаются внушить людям идею о том, что Хрущев якобы вел страну к коммунизму более «демократическими» методами. Период его правления назвали «оттепелью», а самого Никиту Сергеевича «отцом» этой «оттепели! Его неудачи и провалы в деле строительства «коммунизЬма» – Никита Сергеевич произносил это слово именно так – оправдывали лишь некоторыми неприятными чертами характера и недостаточным образованием.

В 20-е годы недалекий простой «рубаха-парень» Хрущев вступил в ряды большевиков. О таких «попутчиках» В.И. Ленин говорил, что они в «шеренгах пролетариата» осуществляли его, пролетариата, политику. Как репей прицепился он к шеренге и старался идти в ногу с генеральной линий партии.

Однако став первым человеком в партии и государстве он стал разрушать те ценности, ради которых он, как большевик, обязан был отдать жизнь. Он разрушил материально-техническую базу экономики СССР.

Другими словами, при Хрущеве СССР стал превращаться в испытательный полигон идиотских идей, которые и экономическими (хозяйственными) назвать трудно, поскольку они внедрялись в народное хозяйство без малейшего понимания того, что в нем происходит. То ликвидировали общесоюзные промышленные министерства и заменяли их совнархозами в областях, то ликвидировали совнархозы и восстанавливали общесоюзные министерства, то по всей стране сажали кукурузу, то спасением всего объявили вал (общую стоимость продукции предприятия), то прибыль, то качество продукции, то управление этим качеством.

При безголовом правительстве бюрократический аппарат страны разбухал и множились «ученые» звания, огромные зарплаты и доплаты, ничего не дающие народу Все эти бестолковые решения привели страну к продовольственному кризису В 1963 году СССР вынужден был импортировать хлеб из-за рубежа. Но, несмотря на это, на улицах и в помещениях

красовался лозунг Н.С. Хрущева: «Партия торжественно провозглашает – нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

«Какой к черту коммунизм!», – возмущалась моя тетя Надя в Урюпинске, когда местная власть, выполняя постановление «об урезании приусадебных участков», отобрала у нее пол-огорода. Возмущение народа вылилось в забастовочное движение. В городах Новочеркасск, Оренбург, Тбилиси прошли массовые выступления, подавленные властью с многочисленными человеческими жертвами.

Вредитель неподсуден?

Мотивировка снятия Н. Хрущева с должности Секретаря ЦК КПСС заслуживает особого внимания. Вначале даже трудно было себе представить чтобы «верного ленинца» и творца «оттепели» вдруг сняли и отправили на пенсию. Поводом послужил Карибский кризис, вследствие которого мир оказался на грани ядерной войны между США и СССР. 14 октября 1964 года состоялись заседания Президиума ЦК и Пленума ЦК, на которых все единодушно проголосовали за снятие Хрущева со всех занимаемых должностей. С «обличительным» докладом выступил идеолог партии Суслов. Он сказал в частности, что «Никита Сергеевич принимал необдуманные и торопливые решения, допускал организационную чехарду, злоупотреблял своим положением…, совершенно перестал считаться с мнением членов Президиума, поучал их…»

Складывалось впечатление, что критикуют нашкодившего школьника, а с теоретической точки зрения доклад явился крайне убогим документом, начисто лишенным даже попытки какого-либо анализа деятельности Н. Хрущева.

Почему не был поставлен вопрос о роли Хрущева как политического преступника, который отбросил поступательное развитие социализма в СССР лет на 50 назад? Почему Пленум не сделал соответствующих политических выводов о деятельности Хрущева для привлечения его к уголовной ответственности? Ведь дело дошло даже до того, что его намеревались оставить в составе ЦК и помешало только хамское поведение Хрущева.

Другого доклада наверно и быть не могло. Партаппарат деградировал, превратившись в сборище карьеристов. Таким образом, Н. Хрущев был смещен без предъявления ему каких либо серьезных обвинений, и отправлен на пенсию. Ему даже был выделен обслуживающий персонал: повар, шофер и еще

несколько человек.

М.С. Горбачев

Быстрым продвижением по партийной лестнице М.С. Горбачев был обязан «загадочному» Ю. Андропову. Будучи генсеком он частенько гости у секретаря Краснодарского края. Именно Андропов «привез» Михаила Сергеевича в Москву. Генсека он получил при активно поддержке А. Громыко. Почему эти руководители столь настойчиво продвигали Горбачева? Только ли из-за его молодости? Думаю, что дело не только в этом, ведь молодых секретарей хватало. В 80-е годы Егор Лигачев, характеризуя состав правительства в одной из своих речей, сказал: «…Мы все тут либо дети репрессированных родителей, либо имеем репрессированных родственников…». Другими словами, Е. Лигачев назвал одну из важных отличительных черт руководящих кадров в послесталинском СССР. В такой вот обстановке Горбачеву надо было лишь взять инициативу в свои руки и «начать» действовать.

Успеху способствовали несколько факторов.

Во-первых, как генсек он имел наибольшую полноту власти. Во-вторых, фигура генсека ЦК КПСС не могла вызывать в течение длительного времени каких-либо подозрений. Для советского человека, воспитанного на примерах вождей Ленина и Сталина, невозможно было представить, что Генсек ЦК КПСС может оказаться предателем, врагом социализма. В-третьих, общество уже было «заражено» идеями, проповедуемыми «диссидентами», как с помощью «самиздата», так и с помощью зарубежного радиовещания, вроде радиостанции «Свобода» и «голос Америки». Запад не скупился на поощрение пропаганды в СССР идеей «плюрализма», «демократии» и других «западных ценностей». А с приходом Горбачева эти идеи уже транслировались по официальным общесоюзным каналам вещания.

Горбачев наступал планомерно с подготовленных позиций. Изменял состав ЦК и Политбюро. Несговорчивых и противников обвинял в консерватизме и вместо них вводил своих реформаторов. К 1988 году в Политбюро «реформаторов» стало большинство. С той поры под видом реформ были запущены процессы по уничтожению страны.

Съезд народных депутатов СССР

Напомню читателю, что перед войной в августе 1939 года СССР и Германия заключили договор о ненападении и нейтралитете. Этот договор позволял Сталину оттянуть на какое-то время столкновение с Гитлером. В 1989 году II Съезд народных депутатов осудил этот договор, располагая только копиями «секретных протоколов». Но вначале отмечу жульническую особенность съезда. Дело в том, что съезд решили провести после смерти В.М. Молотова (12 октября 1987 года). После ухода из жизни главного участника заключения договора идеолог партии А. Яковлев, который до этого и пискнуть не мог о «секретных протоколах», через два года организовал это позорное мероприятие.

На решение съезда громадное давление оказывал М. Горбачев и его соратник А. Яковлев. Они заверяли депутатов, что осуждение договора предотвратит выход прибалтийских республик из СССР. Надо «чуть-чуть поступиться прошлым во имя настоящего и будущего». Не случайно съезд проводили накануне Нового года – 24 декабря. Расчет простой: депутаты будут более сговорчивы, поскольку будут торопиться поскорее побегать по столичным магазинам за подарками.

Депутатам предлагалось осудить «секретные протоколы» к договору. Нельзя сказать, что депутаты вели себя как бараны и дружно проголосовали «не понимая, что творят». Первый день оказался провальным – депутаты требовали показать им подлинники «секретных протоколов». Вместо подлинников им подсунули копии. Откуда появились копии? История более чем забавная. Якобы по указанию Министра иностранных дел Германии – Риббентропа были сделаны микрофильмы мидовских документов. Часть документов спрятал во время войны один из дипломатов, а позже передал их английским военным. В Лондоне сделали копии микрофильмов и фотокопии. Через несколько лет «копии с копий» секретного протокола были опубликованы в провинциальной американской газете. По «случайности» опубликование произошло в разгар холодной войны.

О «случайности» поговорю после, а пока, кто бы мне ответил, где, когда, в какой стране высший орган государственной власти работал бы с копиями документов, да еще принимал по ним судьбоносные для страны решения. Толкать депутатов на подобную глупость, а вернее на преступление могут только враги народа. Спустя некоторое время до многих депутатов дошло, что их облапошили, но было уже поздно. Теперь о «случайной публикации. Эти так называемые «документы» – копии с копий были вытащены США после воны почти через 50 лет. Никто не вспоминал и не говорил о каких-то «секретных протоколах».

Фальшивка изготовлена скорее всего в Англии и понадобилась в годы холодной войны для подрыва целостности СССР. Она давала широкий маневр врагам нашего народа, как за рубежом, так и у нас в Советском Союзе.

Итоги Съезда

Каков же результат кремлевской аферы? На Западе решение II Съезда народных депутатов восприняли естественно с восторгом. Теперь, следовательно, Россия, как наследница СССР, должна отвечать за развязывание Второй Мировой войны с возобновлением Нюрнбергского военного трибунала, а также должна нести и материальную ответственность. В Прибалтике и Польше начали подсчитывать размеры компенсаций, которые должна выплатить Россия.

За что отвечать должна Россия? В то время, когда представители Англии и Франции накануне войны в Москве, где решался вопрос о коллективной безопасности в Европе, попросту говоря, валяли дурака на протяжении более 4-х месяцев. Они, например, присылали второстепенных представителей, да еще без соответствующих полномочий. И, наконец, даже после подписания соглашения с Германией, Советский Союз вновь предложил продолжить переговоры, поскольку соглашение не распространяется на оборонительные союзы. Но, ни Лондон, ни Париж не ответили на обращение Москвы.

Дело в том, что Запад был в шоке! В самом деле, вся многолетняя и изощренная подготовка похода на Восток вдруг сорвалась. Сказать, что Запад негодовал – значит, ничего не сказать. СМИ, и в первую очередь Англии, с особым бешенством демонизировали Сталина. Злоба, с которой восприняли политики договор от 23 августа 1939 года, прежде всего от того, что этот договор стал символом провала всей западной дипломатии, и не только английской.

Ложь Путина

Глава правительства России – В. Путин в польской газете «Газета Выборча» в 2009 году: «Без всяких сомнений можно с полным основанием осудить пакт Молотова – Риббентропа, заключенный в августе 1939 года». Далее в той же газете он подчеркивает свою преемственность власти Горбачева: «На мой взгляд, нравственный аспект проводимой политики особенно

важен. И в этой связи напомню, что в нашей стране аморальный характер пакта Молотова – Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку». Тоже мне, оценка!

Сегодня, спустя 70 лет, можно трепать языком о чем угодно и даже осуждать Сталина. Но это пустая болтовня. Лучше бы он предложил другую альтернативу – что должен был сделать Сталин «с моральной точки зрения и нравственного аспекта» после заключения союзниками с Германией двух пактов о ненападении: Англия – 30 сентября, а Франция – 6 декабря 1938 года. Да к тому же еще сорвали переговоры в Москве. Где здесь моральный или нравственный аспект «союзников»? Кто же должен «нести ответственность» за развязывание 2-й Мировой войны?

Даже сегодня, в путинские времена, можно услышать иные мнения о договоре. Например, журнал «Российская Федерация сегодня» за 2010 год писал: «Заключив договор, Сталин сумел ускользнуть из смертельных ловушек, уготовленных ему «союзниками», Англией и Францией». И даже бывший секретарь США Гарри Киссинджер сказал: «Мерой достижения Сталина можно считать изменение расписания войны приоритетов Гитлера. Его много лет готовили для удара по большевистской России, он ударил по западным демократиям» (стр.43).

О секретных протоколах

Необходимо сказать о самих «секретных протоколах». Текст «секретного протокола к договору о ненападении между СССР и Германией» – безусловная фальшивка. «Чтобы это определить, – говорит известный писатель Ю.И. Мухин, – его можно и не читать. Во-первых, когда пишутся секретные документы, то тот, кто их пишет, знает, что документ секретный, поэтому начинает его писать с того, что в правом верхнем углу еще чистого листа бумаги пишет гриф секретности, к примеру: «для служебного пользования» или «совершенно секретно». После этого начинает писать название документа. И ему нет никакой необходимости упоминать в названии слово «секретно». Поэтому можете просмотреть горы подлинных документов, но ни в одном не найдете упоминание секретности в названии документа».

Далее Ю.И. Мухин говорит, что, по мнению авторов фальшивки, введенные в оборот слова «секретный протокол», должны были вызвать у обывателя впечатление чего-то преступного, дескать, честное дело не засекретили бы. Поэтому фальшивка воняет за версту, когда документ фигурирует как

«Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом».

Откровение М. Горбачева

Речь Горбачева на семинаре в американском университете в Турции

(Газета «USVIT» («Заря») № 24, 1999 г., Словакия)

Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране.

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность нашим странам динамично развиваться.

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы.

Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 года наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире еще сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созиданию. Я имею в виду Китай.

Я посетил Китай во время больших студенческих демонстраций, когда казалось, что коммунизм в Китае падет. Я собирался выступить перед демонстрантами на той огромной площади, выразить им свою симпатию и поддержку и убедить их в том, что они должны продолжать свою борьбу, чтобы и в их стране началась перестройка. Китайское руководство не поддержало студенческое движение, жестоко подавило демонстрацию и… совершило величайшую ошибку. Если бы настал конец коммунизму в Китае, миру было бы легче двигаться по пути согласия и справедливости.

Я намеревался сохранить СССР в существовавших тогда границах, но под новым названием, отражающим суть произошедших демократических преобразований. Это мне не удалось. Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет собой демократическое государство. Именно он развалил СССР, что привело к политическому хаосу и всем последовавшим за этим трудностям, которые переживают сегодня народы всех бывших республик Советского Союза.

Россия не может быть великой державой без Украины, Казахстана, кавказских республик. Но они уже пошли по собственному пути, и их механическое объединение не имеет смысла, поскольку оно привело бы к конституционному хаосу. Независимые государства могут объединиться только на базе общей политической идеи, рыночной экономики, демократии, равных прав всех народов.

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия.

Распад СССР не приносит какой-либо выгоды США. Они теперь не имеют соответствующего партнера в мире, каким мог бы быть только демократический СССР (а чтобы сохранилась прежняя аббревиатура «СССР» под ней можно было бы понимать Союз Свободных Суверенных Республик – СССР. Но этого мне не удалось сделать. При отсутствии равноправного партнера у США, естественно, возникает искушение присвоить себе роль единственного мирового лидера, который может не считаться с интересами других (и особенно малых государств). Это ошибка, чреватая многими опасностями, как для самих США, так и для всего мира.

Путь народов к действительной свободе труден и долог, но он обязательно будет успешным. Только для этого весь мир должен освободиться от коммунизма».

«Наш человек»

Премьер-министр Великобритании Тэтчер первая поняла предательскую сущность М. Горбачева. После разговора с ним наедине она, говорят, сказала своим помощникам: «Это наш человек». Вдень его 80-летия Горбачева пригласили в Лондон, где

в его честь был устроен концерт. Расположевший предатель весь сиял от благодарности. А наш президент Дима Медведев позднее вручил ему в Кремле высший орден России – орден Андрея Первозванного. На приеме при вручении награды М. Горбачев прочитал прочувствованную речь: «Перед глазами проходит вся жизнь. Мне не стыдно за сделанное. О себе и о тех, с кем вместе четверть века назад мы решились на кардинальные реформы, могу сказать словами Вилли Брандта: «Мы старались». В Германии Горбачева назвали «лучшим немцем».

Тележурналист Игорь Прокопенко в телепередаче «Территория заблуждений» на канале «РенТВ» поведал стране еще одну любопытную деталь. Оказывается М.С. Горбачев награды и денежные вклады получил от западных политиков после развала СССР.

За ответственную власть

Беглый обзор деятельности лидеров нашего государства показал, что ни один из них не ответил и не ответит за вред, нанесенный им в годы своего правления. Спрашивается, почему каждый гражданин или гражданка живет по законам? Например, врач нанес ущерб здоровью пациента – есть статья уголовного кодекса (УК), слесарь чинил водопровод и залил водой нижние этажи – есть статья городского кодекса (ГК), лихач помял крыло вашего автомобиля – есть административный кодекс (АК) и т. д. Только наш президент да депутаты неподсудны. А власть это кормушка и в нее лезут карьеристы, подлецы, вредители, предатели и т. д.

Выход есть. Газета «Своими именами», преемница запрещенных газет «Дуэль» и «К барьеру», созданных Ю.И. Мухиным, 1 февраля 2011 года объявила о создании инициативной группы по проведению референдума (ИГПР) «За ответственную власть». «В нашей Конституции, – говорят авторы ИГПР, сохранен принцип народности, то есть высшей волей в государстве всегда будет провозглашаться воля всего населения. Без провозглашения этого принципа государство не может претендовать на звание демократического. По статье 3 население может выражать свою волю либо через своих избранных представителей – депутатов и президента, либо прямо – путем референдума. Первый путь нам не подходит: что у нас за «представители» всем ясно. Но есть второй путь, хотя эти самые «представители» постарались его максимально затруднить». ИГПР берется возглавить проведение всеобщего референдума под

названием «За ответственную власть».

Что делать?

По закону для объявления референдума требуется собрать в течение 2 месяцев 2 миллиона голосов в его поддержку в более чем половине областей и республик Российской Федерации. Как смотрит власть на референдумы нам известно. Достаточно вспомнить референдум 17 марта 1991 года, за сохранение СССР проголосовало более 70 % населения. Как известно Б. Ельцин проигнорировал мнение народа. ИГПР «ЗОВ» предлагает принять закон «Об оценке результатов правления Президента и членов Федерального Собрания Российской Федерации народов России». В момент выборов каждый избиратель, пришедший на избирательный участок, вместе с бюллетенем получает проект вердикта сменяемому Президенту (Федеральному Собранию). В вердикте три варианта решения: «Достоин благодарности», «Заслуживает наказания» и «Без последствия». Входе тайного голосования избиратель выбирает вариант своего решения. Если более половины зарегистрированных избирателей решат: «Заслуживает наказания», то Президент и все члены Федерального Собрания признаются преступниками. Они в течение двух недель после сложения своих полномочий арестовываются органами МВД и помещаются в места заключения на срок, равный их фактическому сроку пребывания в соответствующем органе власти. Если более половины зарегистрированных избирателей решат: «Достоин благодарности», то Президент и все члены Федерального Собрания, не имеющие отсроченных наказаний, по этому Закону признаются Героями. Президент и члены Федерального Собрания, которые получили вердикт «Без последствий» и не имеют отсроченных наказаний, покидают свои должности без последствий для себя.

Этим законом каждый гражданин России получит реальный кнут для власти, заставит президента и каждого депутата служить себе (хозяину), а не их счетам в заграничных банках. Однако нынешнему режиму нет ничего страшнее, чем такой закон. Тем не менее, народ согласно Конституции может принять его на референдуме. Для организации принятия этого закона ИГПР «ЗОВ» предлагает иметь от 20 до 50 тысяч человек. После достижения указанной численности группа реорганизуется в соответствии со статьей 15 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме

Российской Федерации» и начнет работу по проведению референдума. Координаты ИГПР «ЗОВ»: www igpr.ru и www igpr.info.

Первая жертва

Свои соображения Ю.И. Мухин высказал Председателю КПСС Олегу Семеновичу Шенину, который поддержал его и видимо по неосторожности в предвыборной кампании, а именно в статье «Обращение к капиталистам» сказал: «Первое, что сделаю, когда стану президентом, – это приму Закон о суде народа надо мною за последствия моего правления. По этому закону при моем переизбрании каждый избиратель вынесет свой вердикт, и если избиратели сочтут меня негодным руководителем, то я сяду в тюрьму на срок, который находился у власти. Но я соглашусь скорее медленно сгореть, чем получить такой позорный вердикт от избирателей, и я сделаю все, чтобы народ остался доволен».

Такое заявление кандидата в президенты Кремль не прощает. О.С. Шенин внезапно умирает. Тем не менее, выбраться из «проклятого тупика» Россия может. Надо требовать референдума о принятии этого закона.